

Министерство образования
Ярославский государственный университет им П.Г. Демидова

Российской Федерации

На правах рукописи

ИВАНОВА НАТАЛЬЯ ЛЬВОВНА

**Психологическая структура
социальной идентичности**

Специальность 19.00.05 - социальная психология

Диссертация
на соискание ученой степени
доктора психологических наук

Научный консультант
доктор психологических наук,
профессор
Ю.П. Поваренков

**Ярославль
2003**

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	4
Глава 1. Социальная идентичность как предмет социально-психологического анализа.....	17
1.1. Теоретические подходы к исследованию социальной идентичности.....	19
1.1.1. Проблема самоидентификации в психоанализе.....	20
1.1.2. Исследование идентичности в традициях символического интеракционизма.....	26
1.1.3. Представления о групповой идентичности в бихевиоризме.....	37
1.1.4. Когнитивный подход. Теория социальной идентичности.....	43
1.1.5. Конструкционистская модель анализа идентичности.....	59
1.2. Современные тенденции в исследовании социальной идентичности.....	69
Глава 2. Феноменология и структура социальной идентичности.....	85
2.1. Понятие социальной идентичности.....	86
2.2. Виды и функции социальной идентичности	107
2.3. Мотивационная и ценностно-смысловая основы идентификационных процессов	118
2.4. Проблема анализа структуры социальной идентичности.....	128
Глава 3. Трансформация идентификационных структур.....	144
3.1. Роль социокультурной среды в трансформации социальной идентичности.....	147
3.2. Возрастные и социально-психологические закономерности развития и формирования социальной идентичности.....	155
3.3. Проблема кризиса социальной идентичности.....	184
3.4. Основные положения авторской концепции социальной идентичности.....	202

Глава 4. Эмпирическое исследование структуры социальной идентичности.....	214
4.1. Организация исследования.....	214
4.2. Система социальных конструктов.....	217
4.3. Когнитивные компоненты.....	227
4.4. Мотивационные и ценностно-смысловые компоненты.....	236
Глава 5. Эмпирическое исследование трансформации идентификационных структур в различных социокультурных условиях.....	261
5.1. Влияние ситуации кризиса социальной идентичности на особенности идентификационных структур.....	261
5.2. Особенности социальной идентичности в различных социокультурных условиях.....	287
Глава 6. Эмпирическое исследование трансформации социальной идентичности в процессе обучения.....	300
6.1. Становление социальной идентичности в студенческий период.....	300
6.2. Проблемы и направления подготовки студентов педагогических вузов в условиях кризиса социальной идентичности.....	334
Выводы.....	355
Литература.....	360
Приложения.....	398

Введение

"Существовать – значит изменяться, изменяться – значит идти к зрелости, идти к зрелости – значит продолжать создавать себя бесконечно" (Анри Бергсон).

В современных условиях идентичность становится одним из центральных понятий в социальной психологии, поскольку оно связано с наиболее развитыми областями социальной теории и практики (Г.М. Андреева, Н.М. Лебедева, Т.Г. Стефаненко, J.C. Deschamps, J.C. Turner). Проблематика социальной идентичности является междисциплинарной, затрагивающей интересы социологии, истории, культурологии, когнитивной психологии, психологии личности и социальной психологии. Однако, долгое время она находилась на периферии научного анализа в психологии. В последние годы она обрела свое место в социальной психологии благодаря многочисленным исследованиям в этой области отечественными и зарубежными учеными (Агеев В.С., Андреева Г.М., Антонова И.В., Барабанова Т.С., Белинская Е.П., Бергер П., Буякас Т.М., Ермолаева Е.П., Заковоротная М.В., Качанов Ю.Л., Лебедева Н.М., Лукман Т., Павленко В.Н., Солдатова Г.У., Соколова В.Ф., Стефаненко Т.Г., Хотинец В.Ю. Цуциев А.А., Шнейдер Л.Б., Ядов В.А., D. Abrams, M. Augustinos, M. B. Brewer, L. Chante, S. Condor, J.C. Deschamps, N. Ellemers, S. Hall, M. Hogg, S. Moscovici, A. Kwiatkowska, H. R. Markus, D. Oysterman, J. M. Salazar, S. Stryker, H. Tajfel, J. Turner, K. Yandley, I. Walker и другие).

Актуальность исследования обусловлена тем, что современная социальная ситуация ставит перед человечеством серьезный выбор: либо обеспечить свое выживание и дальнейшее развитие либо скатиться к противостоянию, самоуничтожению. Разрушение "социалистического лагеря", создание объединенной Европы, усиление межнациональных конфликтов и терроризма постоянно подвергают проверке устоявшиеся представления о себе.

В связи с этим в общественных и социально-психологических науках растет интерес к теоретическому осмыслению проблем социального самоопределения. Все большую значимость приобретает личное, продуктивное, творческое, особенное. Субъективное, национальное, социальное выходят на первый план. Более того, многие проблемы хозяйственного, экономического, политического и культурного плана в конечном итоге оказываются вопросами об идентичности. Поэтому понятие идентичности, которое охватывает и субъективное время, и личную деятельность, и национальные особенности становится одной из главных тем в обществе конца XX – начала XXI веков.

Интерес к проблеме идентичности отражает реакцию науки на изменение социальных условий. Тема самоопределения проникает в повседневную жизнь, превращая каждого в социального ученого. Осмысление СИ помогает преодолеть фрагментацию сознания, потерю ценностей и жизненных ориентиров, сохранить устойчивость внутреннего духовного опыта личности в нашем сложном, динамичном, наполненном информацией мире [86]. В проблеме идентичности наиболее остро видна общественная сущность человеческого рода, который, по справедливому замечанию В.В. Новикова, "объединен и одновременно разделен тысячами общностей и сообществ. Каждый индивид этого рода несет в себе общие, особенные и единичные характеристики, свойственные людям " [183, с. 20].

Важной особенностью современного общества является его динамичность. Стремительные общественные изменения охватывают сразу все поколения и социальные слои. В самосознании людей отражаются социокультурные противоречия, тенденции глобализации и локального консерватизма, языковые и концептуальные аспекты взаимовлияния западной и отечественной мысли. Все это сопровождается когнитивной неясностью, экзистенциальной противоречивостью, проявляется в потере жизненных

ориентиров, разрушении сложившейся системы ценностей и нетерпимости к "другим". Эта ситуация получила название "кризиса социальной идентичности", который наблюдается на уровне самосознания.

Ситуацию кризиса идентичности предсказывал еще в начале 70-х годов К. Леви-Строс, который утверждал, что кризис идентичности станет новой бедой века, и прогнозировал изменение статуса данной проблемы из социально-философского и психологического в междисциплинарный [148]. Современные психологи отмечают наличие кризиса на уровне самосознания как отдельной личности, так и в рамках целых поколений. (Г.М. Андреева, Е.П. Белинская, Н.М. Лебедева, В.Н. Павленко, Т.Г. Стефаненко и др.). Особую остроту проблема кризиса идентичности приобретает в странах, где происходят резкие социальные перемены. Социальная идентичность является существенным психологическим основанием для определения новых ориентиров в социальном пространстве, поэтому ее исследования могут помочь преодолеть разрыв между практикой социальных трансформаций и общественной готовностью их принять.

Среди психологов нет единства взглядов на феноменологию, виды, функции, мотивацию социальной идентичности. К этой проблеме часто обращаются, подразумевая социологический смысл этого понятия, а именно, выраженность у респондентов гражданских, политических самоидентификаций, без учета психологических причин и последствий самоидентификации [70, 84, 296, 297]. Также сложным является вопрос о механизмах, которые помогают индивиду соотнести настоящее и будущее, интегрировать различные влияния культуры и найти свое место в сложном динамичном мире [297]. Социальная идентичность – зависимая переменная. С одной стороны, она сама формируется в определенном социальном контексте, с другой – оказывает влияние на процесс адаптации, личностного и профессионального становления человека.

В современном мире благодаря развитию системы коммуникаций происходит резкое увеличение субъективной причастности к реальным и виртуальным группам [28, 283, 321, 322]. Поэтому особое значение приобретает изучение соподчиненности и противоречий в структуре идентичности [119, 244, 345, 359 и др.].

В то же время проблема целостного анализа и структуры социальной идентичности остается слабо разработанной. Попытки показать целостность социальной идентичности были сделаны в конце 70-х годов XX века А. Тэшфелом и Д. Тернером, затем продолжены в работах других ученых (С. Alexsander, M. Brewer, J.C. Deschamps, G. McCall, M. Jarumovicz, P.J. Oakes, J. Simmons, S. Stryker и др.). Но существующие подходы к исследованию феномена и структуры социальной идентичности не позволяют выйти за пределы устоявшегося деления идентичности на личностную и социальную, отойти от парциальности рассмотрения видов социальной идентичности и перейти к анализу ее общей структуры как целостного и сложно организованного психологического образования; отойти от выделения видов социальной идентичности только по принципу их соответствия реальным группам (профессиональным, этническим, семейным и др.), операционализировать предложенную Тернером иерархическую модель идентичности; продвинуться в понимании мотивации идентификации.

Для развития исследований в этой области необходимо сделать анализ и обобщение накопленных работ, провести систематизацию подходов и знаний, разработать концептуальную модель социальной идентичности, в которой раскрывается психологическая структура социальной идентичности, ее субъективный и динамический характер. Поэтому в данном диссертационном исследовании мы выделили структуру социальной идентичности в качестве предмета специального анализа.

Цель исследования: разработать психологическую концепцию структуры социальной идентичности, с учетом ее основных функций и особенностей трансформации в различных социальных условиях.

Основные задачи исследования:

1. Проанализировать современные зарубежные и отечественные исследования по проблеме социальной идентичности, а также статус данной проблематики в социальной психологии.
2. Обозначить основные методологические и инструментальные подходы к изучению социальной идентичности.
3. Выявить основные структурные компоненты и функции социальной идентичности как целостного образования.
4. Выявить особенности социальной идентичности в различных социокультурных условиях.
5. Выявить основные тенденции и детерминанты трансформации идентификационных структур на разных этапах подготовки педагогов.

Объект исследования – самосознание личности в условиях общественных изменений.

Предмет исследования – структура, функции, общие закономерности трансформации социальной идентичности.

Гипотезы исследования

1. Социальная идентичность является целостным образованием, определяющимся единством когнитивных, мотивационных и ценностных компонентов.
2. Социальная идентичность конструируется субъектом под влиянием необходимости выбора новых ориентиров в социальном пространстве.
3. Основные функции социальной идентичности связаны с ориентировкой в социальной среде, структурированием социального опыта,

регулирования поведения, осмысления и прогнозирования последствий социального членства.

Методологические основания и концептуальные подходы исследования.

При разработке проблематики данного исследования использовались следующие концепции, теоретические положения или отдельные результаты исследований:

- общенаучные принципы социокультурной обусловленности психических процессов и явлений (Б.Г. Ананьев, А.Г. Асмолов, Л.С. Выготский, В.П. Зинченко, И.С. Кон, А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия, М.С. Роговин, С.Л. Рубинштейн, Э. Фромм, Э. Эриксон и др.);
- теоретические положения и принципы, сформулированные в отечественной социальной психологии и психологии личности (К.А. Абульханова-Славская, В.С. Агеев, Г.М. Андреева, А.А. Бодалев, А. И. Донцов, В.В. Новиков, В.А. Петровский, В.Д. Шадриков, П.Н. Шихирев и др.);
- общая теория системных исследований и ее применение в психологии (А.Н. Аверьянов, И.В. Блауберг, А.В. Карпов, Б.Ф. Ломов, В.Д. Шадриков, В.А. Якунин и др.);
- этнопсихология (К.А. Абульханова-Славская, Дж. Берри, Н.М. Лебедева, Г.У. Солдатова, Т.Г. Стефаненко, В.Ю. Хотинец и др.).

Особое значение для разработки теоретико-методологической основы диссертации имели:

- а) теория социальной идентичности (А. Тэшфел, D. Abrams, M. Hogg и др.) и теория социальной самокатегоризации (Дж. Тернер и др.);
- б) концепция социального конструкционизма в психологии и социологии (Ф. Барт, П. Бергер, К. Герген, Т. Лукман и др.);

в) теория личностных конструктов (Д. Баннистер, Дж. Келли, В.Ф. Петренко, В.И. Похилько, Ф. Франселла);

г) теоретические концепции профессионализации (А.К. Маркова, Л.М. Митина, Н.В. Ключева, Н.В. Кузьмина, Ю.П. Поваренков, А.А. Реан, В.А. Якунин и др.).

Методологической основой работы стали также представления о неклассической парадигме исследования, в которой органично соединяются возможности идеографического и номотетического подходов [85, 98, 150].

Методы исследования

Для решения поставленных задач используется комплекс разнообразных методологических подходов, процедур, техник исследования и обработки полученных данных. Методы эмпирического исследования включали в себя наблюдение, тестирование, опрос, анкетирование, интервью, беседа, экспертная оценка. Основные психодиагностические методики исследования: идентичности (тест "Двадцать утверждений" М. Куна и Т. Макпартленда; ценностных ориентаций (М. Рокич, Н.В. Ключева, В.И. Чирков); иррациональных убеждений (Must –тест А. Эллиса); мотивационной сферы личности (В.Э. Мильман) самоактуализации (Э. Шострома); личностных конструктов (тест Дж. Келли), самоотношения (В.В. Столин, С.Р. Пантеев) и др. Для статистической обработки данных использованы корреляционный, кластерный и факторный анализ, сопоставление выборок проводилось по критерию Фишера и др. Проводился качественный и количественный анализ полученных данных.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Социальная идентичность является целостным динамичным образованием, выступающим как система ключевых социальных конструктов личности. Она активно конструируется субъектом, оказавшимся в ситуации пересмотра своего места в социальной среде, в

ходе взаимодействия, социального сравнения и является когнитивно-мотивационным основанием восприятия индивидом новых социальных ценностей.

2. Социальная идентичность как целостное образование выполняет ряд жизненно важных функций: а) адаптационная – приспособление к новым социальным условиям; б) ориентировочная – поиск своего места в социальном пространстве; в) структурная – придание определенности, упорядоченности Я; целевая – целеполагание, построение модели поведения; д) экстенциальная – осмысление своей сущности, прогнозирование.
3. Социальная идентичность представляет собой единство когнитивных, мотивационных и ценностных компонентов, объединение которых создает определенные функциональные блоки:
 - "базисный" – узко локализованная самоидентификация; обеспечивает истолкование социальной реальности на уровне этнической, региональной, семейной общности и подобных общностей; мотивация самозащиты; ценности личной жизни, здоровья, безопасности и защищенности.
 - "индивидуально-личностный" – проявляется в самоидентификации по отношению к требованиям культуры различных сообществ; обеспечивает истолкование сложившихся нравственных критериев оценки социальных общностей; связан с мотивацией самоуважения, ценностями общения, культуры.
 - "профессионально–деловой" – обеспечивает истолкование и субъективную причастность к профессиональным, деловым, гражданским и подобным общностям; проявляется в мотивации самореализации, ценностях профессиональной и деловой жизни.

4. Показателями кризиса социальной идентичности являются изменения в структуре идентичности, такие как увеличение веса "индивидуально-личностных" и "базисных" блоков идентичностей; изменение характера групп, имеющих значимость для человека; повышение роли мотивации самозащиты.
5. В процессе профессиональной подготовки в студенческий период происходит усиление "профессионально-делового" функционального блока, а также в переходе от нестабильной, диффузной, узко локализованной идентичности к более стабильной, осознанной, направленной на самореализацию в широком профессиональном сообществе идентичности, в сочетании с более высоким уровнем осознания своих профессиональных качеств. Этот процесс детерминирован комплексом социально-психологических и индивидуально-личностных факторов, таких как: направленность на саморазвитие, профессиональный рост; осознание требований социальной среды; самооценка профессиональных и личностных качеств; самопринятие.

Научная новизна и теоретическая значимость исследования.

Впервые в отечественной психологии была предпринята попытка специального анализа структуры социальной идентичности как некоторой самостоятельной феноменологической и концептуальной области, предмета специального анализа.

В диссертации реализован авторский теоретико-методологический подход к исследованию социальной идентичности, имеющий интегративную направленность и позволяющий исследовать сложившиеся идентификационные характеристики субъекта, а также прогнозировать их трансформации при изменении социальных условий.

Полученные результаты позволяют сделать серьезный шаг вперед в развитии сложившихся представлений о структуре социальной идентичности и мотивации самоидентификации. Эмпирически доказано, что существует как минимум три качественно своеобразных когнитивно-мотивационных компонента в структуре идентичности, что позволяет по-новому рассмотреть вопрос о механизмах и путях трансформации социальной идентичности.

Новизну представляют также результаты, показывающие, что существенную роль в успешном преодолении кризиса социальной идентичности играет мотивация саморазвития в сочетании с профессионально-деловой идентичностью. Получены новые эмпирические данные об обусловленности формирования социальной идентичности в студенческий период компонентами социального контекста, а также учебно-профессиональной деятельности. Теоретически и эмпирически обосновано, что социальная идентичность имеет динамичную структуру, представляющую собой единство когнитивного и ценностно-смыслового аспектов.

Практическая значимость исследования определяется тем, что результаты исследования могут найти практическое применение в различных областях социальной практики: в политике, образовании, бизнесе, управлении. В частности, могут быть полезны для построения социально-психологических прогнозов, развития психотерапевтической практики, повышения эффективности подготовки специалистов для работы в новых социально-экономических условиях.

Данные могут использоваться в учебном процессе, так как дополняют и детализируют разделы социальной, педагогической и возрастной психологии.

Знание и учет качественных характеристик социальной идентичности может использоваться в деятельности государственных структур и средств

массовой коммуникации для формирования образа гражданина страны и укрепления демократических ценностей в обществе. Кроме того, эти данные могут использоваться в деятельности бизнес структур для укрепления профессиональной идентичности сотрудников и определения перспектив их дальнейшего становления.

Описанные закономерности трансформирования социальной идентичности могут помочь в организации эффективного межкультурного взаимодействия, а также полноценного обмена опытом профессионалами на международном уровне, при подготовке специалистов к работе в новых социо-культурных условиях, а также в оптимизации процесса адаптации визитеров, т.к. позволяют органично сочетать разные ракурсы субъективного отражения мира и своего места в нем.

Достоверность данных и обоснованность выводов, полученных в работе, обеспечивалась исходными научно-методологическими принципами, применением апробированного инструментария, достаточно большим объемом выборки, сочетанием количественных и качественных методов исследования. Валидность использованных процедур в эмпирическом исследовании проверялась в ходе пилотажного исследования.

Обработка результатов эмпирических данных осуществлялась основными методами математической статистики (критерий согласия Пирсона, критерий Фишера), корреляционным, факторным и кластерным методами анализа. Для обработки эмпирических данных использовался пакет прикладных программ статистической обработки данных SPSS, STATISTIKA for Windows для персонального компьютера.

Апробация результатов исследования.

Подход, разрабатываемый автором, обсуждался на заседаниях Ярославского регионального отделения Российского психологического

общества, на кафедре теории и истории педагогики ЯГПУ, на кафедре психологии ЯГПУ, на кафедре социальной психологии ЯрГУ, на заседании отдела этносоциологии и этнопсихологии ИЭА РАН, на заседании ученого совета Ярославского филиала МЭСИ, на кафедре управления ИРО.

Материалы исследования прошли апробацию в конкурсе международных грантов при поддержке программы ДААД (Кассель, Германия, 1997), программы Фулбрайт (Беркли, США, 1999-2000), программы RSS фонда Сороса (Ярославль, 1998-1999).

Основные результаты и выводы диссертационного исследования докладывались и обсуждались на более, чем 20 научных конференциях, в том числе: "Main Boundaries in international collaboration of Russia and Western education" (Барселона, 1997); "International education: interaction with the wider community" (Стокгольм, 1998); "Стресс и Социальное закаливание" (Белосток, 1998); "International education: realising human potential" (Тампере, Финляндия, 2001); "Общество, образование, человек" (Ярославль, 1999); на конференции МАПН (Ярославль, 1999, 2001, 2002); "Роль высшего образования в развитии межэтнической толерантности" (Ярославль, 2001); "Университетский преподаватель в мультиверсуме культуры" (Москва-Ярославль, 2002); "Dealing with Diversity: Tools and resources for human development in social practice (Амстердам, 2002); "Проблемы идентичности: человек и общество на пороге третьего тысячелетия" (Новгород, 2002); "Строительство сообщества и обучения" (Москва, 2001); "Университет и гражданское общество: опыт российско-американского сотрудничества" (Волгоград, 2001); "Европейские ценности образования и концепция построения гражданского общества в России" (Ярославль, 2001) и др.

Внедрение результатов исследования.

Материалы диссертационного исследования использованы для подготовки и чтения основных курсов по педагогике и психологии для студентов физико-

математического факультета ЯГПУ, слушателей курсов повышения квалификации ИРО (г. Ярославль); используются при подготовке специалистов социальных агентств Ярославской области.

По теме диссертации опубликовано 50 работ, в том числе 2 монографии. Общий объем работ, обобщенных в диссертации, составляет около 70 печатных листов.

По теме диссертации опубликовано более 50 работ, в том числе 2 монографии. Общий объем работ, обобщенных в диссертации, составляет около 70 печатных листов.

По различным аспектам данной темы под руководством диссертанта готовятся к защите 3 кандидатских диссертации.

Экспериментальная база исследования

Комплексное исследование проводилось на мигрантах, школьниках, российских и зарубежных студентах, учителях, менеджерах и др. Общий объем выборки составил 1156 человек (с учетом пилотажных исследований – более 2000).

Структура и объем работы.

Диссертация состоит из введения, 6 глав, заключения, библиографического списка (515 источников, из которых 212 иностранных), 8 приложений. Текст содержит 24 таблицы.

Глава 1. Социальная идентичность как предмет социально-психологического анализа

Анализ процесса становления современных представлений о социальной идентичности показывает, что интерес к исследованиям в этой области возник в русле общепсихологических и социально-психологических течений, снимая противоречие между структурно-функционалистской и феноменологической традициями в исследовании личности [28]. Это противоречие является одним из следствий методологических проблем современной психологии [159].

Исследование проблемы социальной идентичности имеет солидную традицию изучения в различных направлениях психологии. Можно согласиться с Г.М. Андреевой, которая считает, что, хотя поток психологических исследований по проблеме социальной идентичности появился сравнительно недавно – в конце 50-х годов, а теория социальной идентичности была сформулирована в 70-е годы XX века, разработка понятия идентичность началась в психологии значительно раньше [15].

Появление термина "идентичность" связывают с именами Э. Эриксона и Э. Фромма. Непосредственно предшествуют введению в психологию этого понятия работы З. Фрейда, который использовал термин "идентификация".

Понятие "идентификация" (отождествление) было предложено З. Фрейдом [266] и означало самое раннее проявление эмоциональной связи с другим лицом. В современных психологических работах разделяются понятия идентичность и идентификация [119, 242]. Например, когда говорят об идентичности, акцент делают на некотором состоянии как на относительно конечном результате самоотождествления. Идентификация – процесс, специфика психологических и социальных механизмов, ведущих к этому состоянию.

Изучение идентичности восходит к работам У. Джемса, который в конце прошлого века разработал концепцию осмысления личностью своей самоидентичности, своих границ и места в мире [69]. Он сформулировал вопрос, который определил дальнейшее направление исследований идентичности: "Может ли человек утром, вставая с постели, сказать, что он тот же самый, кто ложился вечером спать?" Данная концепция создавалась в конкретных социальных условиях, в частности, в демократическом обществе, где человек имеет возможность и должен делать самостоятельный выбор целей. В концепции Джемса идентичность является одним из личностных оснований, которые помогают человеку сохранить самоуважение и целостность его Я.

В эту же группу можно отнести работы Э. Фромма, который, работая в русле неопрейдизма, вплотную подошел к проблематике социальной идентичности. Э. Фромм начал писать о проблеме идентичности после эмиграции из нацистской Германии в Америку в 1933 году [267, 268, 269, 270]. По его мнению у современного человека одним из сильных движущих мотивов поведения является потребность избегания одиночества, которая удовлетворяется путем самоотождествления с идеями, ценностями, социальными стандартами [267, 268]. Социальная идентичность появляется как противоположный полюс идентичности персональной, которая является результатом индивидуализации человека. Через отождествление себя с социальными нормами других людей человек обретает социальную идентичность, а именно, своеобразное средство реализации потребности не быть одиноким. Фромм показал сложную взаимосвязь идентичности с конкретными историческими условиями, а также связь между чувством свободы и чувством одиночества, определенный баланс между которыми устанавливается в процессе идентификации.

Подход автора послужил началом рассмотрения идентичности в контексте понятия свободы, поскольку человек должен достичь осознания себя, чтобы иметь возможность выбрать добро и принимать правильные решения в своей жизни [32, 105]. Аналогично, в рамках экзистенциального подхода "самость", как предвестник идентичности, отождествляется также с понятием свободы. По словам Киркегора, "самость" – "абстрактнейшая из всех вещей и одновременно самая конкретная, потому что она – свобода" [130, с. 141].

В середине XX века появились и другие работы, которые по-своему повлияли на развитие проблемы идентичности в психологии. Например, феноменалистический (перцептивный или гуманистический) подход (Дж. Брунер, К. Роджерс и др.), который так же как и теория социальной идентичности, базируется на нескольких психологических основаниях, в частности, когнитивном и личностном, и рассматривает поведение индивида как результат восприятия ситуации [33].

В отечественной социальной психологии предвестником исследований социальной идентичности были работы Л.И. Уманского и его последователей, посвященные проблеме поэтапного формирования малой группы через развитие ее важнейших социально-психологических параметров. В этой концепции представления о собственном групповом членстве являются одним из оснований принятия групповых норм и правил [183, 258, 259].

1.1. Теоретические подходы к исследованию социальной идентичности

На основе проведенного анализа работ в области исследования социальной идентичности можно выделить ряд подходов, которые составили историю формирования данной проблематики: психоаналитическое

направление (З. Фрейд, Э. Эриксон, J.E. Marcia, A. Waterman); символический интеракционизм (Дж. Мид, Ч. Кулей, E. Goffman, R.D. Fogelson); бихевиористический подход (М. Шериф, С. Шериф, M. Brewer, D.T. Campbell), когнитивный подход (Г. Тэшфел, Дж. Тернер, D. Abrams, M. Hogg), деятельностный подход (В.С. Агеев), конструкционистский (constructionist) подход (Ф. Барт, П. Бергер, Т. Лукман, К. Герген, Т.Г. Стефаненко).

Рассмотрим основные подходы, которые повлияли на теоретическую и экспериментальную разработку проблемы идентичности.

1.1.1. Проблема самоидентификации в психоанализе

С точки зрения психоанализа любое психическое явление должно быть раскрыто в трех аспектах: динамическом, энергетическом и структурном. В рамках данного подхода разработка понятия идентичность осуществляется с точки зрения его структурно-динамических характеристик. Исследователи обращаются к ее процессуальной и содержательной стороне, благодаря чему прошлое, настоящее и будущее переживаются человеком как единое целое, собственное бытие личности воспринимается как неизменное. Идентичность рассматривается как некая структура, состоящая из определенных элементов, переживаемая субъективно как чувство тождественности и непрерывности собственной личности при восприятии других людей, признающих эти тождество и непрерывность [18].

Описывая классический психоаналитический подход к понятию идентичности, С. Холл отмечает, что идентичность всегда сохраняет свою "незаконченность", она всегда "в процессе", всегда формируется [381, 382]. Можно сказать, что глубинные механизмы формирования социальной идентичности коренятся в беспокойстве и страхе утраты своего Я, ущемления потребностей. Поэтому и возникает агрессия в отношении других групп,

представляющих реальную или мнимую опасность для данной группы или общности. В рамках этого подхода признается, что большая часть идентификаций происходит бессознательно, а не по сознательному намерению [15, 18, 24]. В качестве идентификационных паттернов используются те модели, которые, как считает человек, помогут достичь желанной цели. Например, Э. Эриксон, которого можно отнести к наиболее ярким представителям психоаналитического подхода к изучению идентичности, исследуя динамическую адаптивную функцию идентичности, ввел понятие кризисов личностной идентичности и подчеркивал их неразрывную связь с кризисами общественного развития [292].

Эриксон, на основе теоретического анализа проблемы, в работе "Детство и общество" [294, 368] определяет идентичность как внутреннюю непрерывность и тождественность личности, имеющую форму динамического процесса, который продолжается на протяжении всей жизни человека. В этой работе начинается его пересмотр некоторых положений классического фрейдизма и формулируются основные представления об идентичности. Он наметил содержание идентичности, элементы индивидуального опыта, выражающиеся в специфических чувствах. Главные его идеи можно выразить в следующих тезисах:

А) Идентичность – это сложный процесс, локализованный в ядре индивидуальности, но также и процесс общественной культуры. Вот поэтому данная проблема столь всеобъемлюща и столь трудноуловима. Понятие идентичности соотносимо для Эриксона прежде всего с процессом постоянного, непрекращающегося развития личности. Оно позволяет человеку ощущать себя в настоящем в связи с прошлым и будущим [293, 294].

Б) Идентичность – это тождественность самому себе. По его мнению, обладать идентичностью – значит иметь твердо усвоенный и личностно

принимаемый образ себя во всем богатстве отношений личности к окружающему миру, чувство адекватности и стабильности владения личностью собственным Я независимо от внешних и внутренних изменений; способность личности к полноценному решению задач, возникающих перед ней на каждом этапе ее развития [293].

В) Идентичность описывается как ядро в структуре Я, как субъективное и вдохновенное ощущение тождества и целостности, как процесс организации жизненного опыта в индивидуальное Я, как сложнейшая связь индивидуального и социального, сконцентрированного в данной проблеме.

В психоаналитической теории понятие "идентичность" не было оторвано от социальной реальности. Фрейд признавал социальную сторону эго-идеала, Эриксон вслед за ним, описывая эго-идентичность, приблизил ее к меняющейся социальной реальности, поскольку она должно было испытывать, отбирать и интегрировать образы Я, пересматривать чувство реальности Я в социальной сфере. Для описания социума Эриксон использует термин "окружение". Это соперник эго. Но, в контексте понимания социальной идентичности, важно отметить, что Эриксон признает следующее: человеческое окружение социально, внешний мир эго составлен из эго других, которые значимы для него в том плане, что упорядочивают внутренний мир человека, включаются в него и, более того, влияют на готовность принять сам способ, которым другие упорядочивают свой мир и включают в него человека [292].

Эриксон рассматривает общественные процессы с точки зрения связи и взаимной зависимости поколений, силы эго каждого поколения, что является необходимым для поддержания системы ценностей. Базисные и универсальные ценности во всей их компенсирующей энергии и защитной силе являются важными объединяющими достижениями развития индивидуального и группового эго [292].

Большое внимание в концепции Эриксона уделяется проблеме становления идентичности. Этот процесс Эриксон описывает как развивающуюся конфигурацию, которая постепенно складывается в детстве путем последовательных "я-синтезов" и перекристаллизаций [254, 292].

Важно подчеркнуть, что в психоаналитическом русле основной функцией идентичности является адаптация в самом широком смысле этого слова.

В работах Эриксона наблюдается попытка создания более целостного интегративного подхода к изучению личности, что проявляется в его понимании идентичности. Идентичность имеет определенную организующую функцию в развитии личности – данное понятие является для Эриксона центральным при рассмотрении вопроса о стадиях психосоциального развития [293].

Эриксоном рассматривает идентичность как сложное личностное образование, имеющее многоуровневую структуру. Он выделяет три основных уровня анализа человеческой природы (соответственно идентичности): индивидуальный, личностный и социальный [28].

Хотя в работах Эриксона не встречается термин "социальная идентичность", можно сказать, что он вплотную подошел к этому понятию. В качестве доказательства приведем следующее. Автор рассматривает коллективную идентичность и групповое "эго" [292]. Эриксон описал роль идентичности в осознании собственной принадлежности к универсальной системе, которая нисходит к утвердившимся традициям и обещает определенное будущее, обозначив наличие "Высшей Идентичности", связанной с великим неизвестным, объединяющим представителей различных времен и земель. Также он связал идентичность как с функциями человеческого тела, так и способностью к специфической деятельности [293].

Понятие социальная идентичность прослеживается именно на социальном уровне описания идентичности и соотносится с различными видами

социализации (профессиональной, этнической, религиозной и др.). Кроме того, Эриксон подчеркивает роль культуры в контексте социального развития, поскольку субъективное значение различных социальных реакций человека тем больше, чем сильнее они включены в общую модель развития, характерную для данной культуры. Так, например, научившийся ходить ребенок осознает свой новый статус как "того, кто может ходить", но в пространстве и времени данной культуры этому могут придаваться разные значения: "того, кто далеко пойдет", "кто крепко стоит на ногах", "у кого еще все впереди" и т.п.

Социальная идентичность в контексте данного подхода представляет собой не только чувство тождественности самому себе, внутренней согласованности и стабильности, но и поиск своего места в жизни.

Эриксон подходит к пониманию дифференциации и интеграции в процессе идентификации. Аналог этому можно найти в описании двух взаимосвязанных, но в то же время антагонистичных побуждений: потребности к отрицанию и потребности к преданности [293].

Кризис идентичности рассматривается Эриксоном в контексте смены поколений. Он сопровождается таким неприятным психосоциальным синдромом, который характеризуется наличием массовой неудовлетворенности людей, сопровождаемой чувством тревоги, страха, изоляции, опустошенности, утратой способности к эмоциональному общению с другими людьми. В предельных случаях патология идентичности провоцирует выбор в качестве единственного способа самоутверждения индивида и масс людей настойчивое стремление "стать ничем", самоубийственную логику "чем хуже – тем лучше" [254].

Последователи Эриксона отмечали, что кризис идентичности не охватывает всей жизни человека, а фокусируется на определенных проблемах, которые человек переживает в то или иное время. В этом смысле

он всю жизнь преодолевает различные по содержанию кризисы идентичности [349]. Поэтому Д. Мэттесон ввел понятие многофазового кризиса, т.е. неоднородности развития идентичности: в разные периоды и в разных сферах жизни идентичность развивается по-разному [422].

Развитие теории Эриксона проводилось в направлении её эмпирической проверки [18]. В этой связи можно привести примеры статусной модели идентичности Дж. Марсия и М. Фридман [415, 416] и концепции ценностно-волевого аспекта развития идентичности Э. Уотерман [509, 510].

В этих работах исследование идентичности осуществляется в двух взаимосвязанных направлениях: процессуальном (процесс формирования и существования идентичности) и содержательном (специфика целей, ценностей, убеждений).

Обобщая приведенные выше работы, можно отметить, что в рамках психоаналитического подхода проблема идентичности стала предметом научного анализа и нашла свое развитие в следующих важных моментах:

- идентичность рассматривается как важный элемент в структуре личности, существующий в плане субъективного времени, который возникает путем успешного эго-синтеза и ре-синтеза в течение жизни человека;
- идентичность имеет свою структуру, объединяя индивидуальные, личностные и социальные характеристики (конституциональные задатки, базовые потребности, способности, значимые идентификации, эффективные защиты; успешные сублимации, постоянные роли);
- главными компонентами идентичности являются цели, ценности, убеждения, в чем проявляется единство активизирующего, оценочного и смыслового функционального значения идентичности;
- подчеркивается динамический характер идентичности, представленный в моделях развития идентичности, различных уровнях;

- формирование идентичности – это серия взаимосвязанных этапов (выборов), а не единичный акт; формирование идентичности осуществляется в процессе осознания и принятия некоторых данных о себе, а также самостоятельного решения о том, каким быть;
- выделяются два аспекта идентичности: личный и социальный, уделяя большее внимание личной идентичности, психоаналитики, теме не менее, показывают, что она связана с социальными отношениями и отчасти преломляется через них;
- идентичность рассматривается в контексте ценностей, целей и других смыслообразующих компонентов личности, а также отражения идентичности в структуре Я, поэтому может быть относительно позитивной и негативной, более или менее проблематичной идентичностью, соответственно чувство идентичности также может быть позитивным и негативным.

Социальная идентичность в рамках этого подхода занимает подчиненное положение по отношению к личностной (социальные характеристики человека преломляются через призму динамической организации потребностей, убеждений и индивидуальной истории).

1.1.2. Исследование идентичности в традициях символического интеракционизма

Данное достаточно современное направление в социологии и социальной психологии, анализирующее преимущественно символические аспекты социальных взаимодействий, опирается на идею социального происхождения Я. Это направление, названное Блюмером символическим интеракционизмом, создавалось благодаря преимущественному влиянию работ Д. Мида [428, 429, 430], который изучал становление личности под влиянием взаимодействия с другими людьми.

Изучение идентичности и Я- концепции связывают с работами представителей чикагской школы Дж. Г. Мида, Ч. Кули, Дж. Болдуина и других.

Особенность данного подхода к анализу человеческого Я заключается в том, что происхождение Я целиком социально, а главная его характеристика – способность становиться объектом для самого себя, причем внешний социальный контроль трансформируется в самоконтроль. В сущности, становление Я есть не что иное, как вписанный внутрь индивида социальный процесс, в рамках которого возникает Я как объект. Социальное Я (социальный индивид) формируется в совокупности процессов межличностных взаимодействий.

Так, Ч. Кули [351] ввел понятие Я-концепция (максимально близкое идентичности) как представление человека о самом себе, которое является субъективным отражением мнения окружающих. Это представление человека о том, как его оценивают другие, существенно влияет на его социальную идентичность. Личность формируется в результате многочисленных взаимодействий с другими людьми. В результате этого человек создает свое "зеркальное Я", состоящее из трех элементов: как меня воспринимают другие; как они реагируют на то, что видят во мне; как я отвечаю на восприятие других.

Наибольшее значение в становлении Я-концепции играет взаимодействие с группой, самой близкой человеку, которую Кули назвал первичной: семья, неформальные объединения, класс, профессиональная группа и т.д. Группы вырабатывают собственные, характерные им сущности, различные миры, которые меняются в ходе социального взаимодействия по мере изменения общих для членов группы значений. В этом смысле социальная идентичность является частью Я-концепции, ответственной за осознание человеком своей групповой принадлежности.

Человек – это "не одинокий остров", он является носителем той или иной социальной роли, через усвоение которой осуществляется его самоопределение [33]. В ходе взаимодействия происходят осознание и принятие оценок и мнений других людей о самом себе. Это отражается в различных обобщенных оценках индивида другими людьми, что в терминологии Мида получило название *Me*.

В структуру Я (*Self*) входит *I* и *Me*. Они тесно взаимосвязаны, в частности, *I* – это то, как человек воспринимает обобщенные оценки других, т.е. *Me*. Интегральное Я включает в себя импульсивно реагирующее *I*, с реакции которого начинается любое поведение, и социокультурно обусловленное *Me*, которое направляет движение психической жизни в определенные рамки.

В связи с этим Дж. Мид уделял большое внимание влиянию культуры на формирование сознания человека. При этом культура понимается им как сложная совокупность символов, обладающих общими значениями для всех членов общности.

Таким образом, в символическом интеракционизме главное внимание уделяется изучению того, как другие рассматривают человека (*Я* – каким меня видят другие), как он сам себя видит (*Я* – каким я сам себя вижу) и как соотносятся эти два процесса (*Я* – как сознающий субъект и как объект). Поэтому именно это направление дало толчок многочисленным экспериментальным исследованиям идентичности.

Основную роль в развитии идеи социальной идентичности сыграли три ключевых утверждения Мида, которые подчеркивают различные аспекты взаимоотношения между индивидуумом и обществом:

- личность – это отражение сущности и значения социальных влияний, поэтому человек реагирует на окружающих в зависимости от индивидуальных значений, которыми он наделяет окружающих;

- индивидуальные значения являются продуктом социального взаимодействия, поэтому личность определяется социальными условиями;
- личность подразумевается как динамический, саморефлексирующий процесс, проявляющийся в диалектике между Я и отражением оценок других (Me), которые образуют единое целое.

В соответствии с общими характеристиками данного направления идентичность (личная и социальная) рассматривается Мидом как феномен социальный, формирующийся в ходе социального взаимодействия.

Идентичность в работах Мида – это способность к целостному восприятию себя и социального мира, поэтому структура идентичности включает в себя не просто единство элементов, а их связи между собой и с целым.

Понятие идентичности, которое следует из работ Кули, относится к области самосознания личности и складывается из обобщения человеческих реакций на мнение о нем окружающих людей. Она появляется в результате взаимодействия с другими людьми, усвоения общественных норм, ценностей, способов деятельности. Особую роль при этом играют первичные группы (семья, друзья, соседи и т.д.), которые непосредственно влияют на социализацию личности и формирование представления о себе и своем месте среди других людей. Поэтому можно сказать, что идентичность представляет собой своеобразное отражение обобщенных интеракций, имеющих место в ходе личностного, неформального, непосредственного общения [396].

В рамках данного направления было проведено много эмпирических исследований, на основе которых были выделены различные типы и модели идентичности. Например, Дж. Мид выделяет два основных типа (уровня) идентичности: неосознаваемую и осознаваемую, которые рассматриваются им как два генетически и логически связанных уровня идентичности, демонстрируют переход от неосознанно принятых человеком норм, ролей и

привычек другого к осмысленному отношению к себе и своему поведению. Мышлению в этом процессе отводится роль инструмента приспособления человека к реальности.

Символические категории, выработанные в языке, являются одним из инструментов возникновения осознанной идентичности [429]. Человек может назвать свои характеристики и сопоставить их с характеристиками других людей. Кроме того, он выбирает цели, ценности, потребности, т.е. задает содержание идентичности, а общество корректирует нормы и законы ее существования. Так формируются аспекты Я и Мы в идентичности. Я – это часть идентичности, которая отражает неповторимость, индивидуальность реакций человека на социальную ситуацию и является самодетерминацией. Мы – это аспект идентичности, связанный с усвоенными человеком социально детерминированными особенностями, привычками, действиями, являющийся социальной детерминацией. Это как бы "обобщенный другой в индивидууме". Поскольку идентичность рассматривается Мидом как некая целостность, человек стремится достичь переживания себя как единого целого в гармоничной связи с окружающим миром. Но если возникает противоречивое влияние различных социальных групп, то реакцией будет появление соответственно различных идентичностей, что может повлиять на противоречивость поведения и прогнозирования [428].

Согласно современной интерпретации этой концепции, идентичность включает в себя взаимосвязанные полюсы: тождество и различие, субъективное и объективное. Поэтому основными компонентами идентичности являются [115]:

- взгляд человека на самого себя – его самоидентичность, т.е. то, как он воспринимает свою социальную позицию по отношению к другим;
- точка зрения других на социальную позицию человека – его социальная идентичность. Она отражает то, как индивид воспринимает, характеризует,

оценивает и переживает самого себя в качестве своеобразного объекта, т.е. деятеля, носителя общественных отношений.

Таким образом, собственно социальная идентичность анализируется в плане социальных свойств человека. При этом большую роль в поведении человека играет вопрос: "Что обо мне подумают другие?" Именно он во многом обуславливает поведение, чувства и мысли человека, а не реальные задачи взаимодействия.

Символический интеракционизм дал начало потоку социологических исследований в области изучения идентичности. Он также изменил парадигму изучения личности, а именно, сделал ее ближе анализу личности в социальном контексте.

По мнению авторов, знание идентичности личности позволяет предсказывать поведение индивида, которое строится на основе интериоризации занимаемых им объективных социальных статусов. Так же как Д. Келли для предсказания поведения человека вводит понятие конструкт, представляющий собой субъективное знание о мире, способ толкования действительности [117, 403], сторонники данного подхода считают, что люди организуют и направляют свое поведение в соответствии с их субъективными представлениями о себе, выраженными в идентичности.

Развивая идеи интеракционизма, Качанов показывает, что социальная идентичность входит в структуру генерализованных, значимых отношений личности через ценностно-смысловое отождествление с позицией в социальном пространстве. "Смыслообразующая функция" социальной идентичности придает ей личностную значимость [115].

Конструктивным моментом в позиции Качанова, на наш взгляд, является приближение социальной идентичности к разновидности субъективных представлений человека относительно объективно занимаемых им позиций в социальном пространстве, а также идея о трудности осознания этих позиций.

Эти субъективные представления формируются, если человек имеет эмпирическое и систематическое представление о социальном мире, о позиции, которую он занимает в нем и которую мог бы занимать. Поэтому социальные идентичности, когда они осознаются как таковые, являются более или менее обобщенным выражением этого представления. Это значит, что между реальной позицией человека и его социальной идентичностью располагается представление об этой социальной позиции и о социальном мире в целом, которое может не согласовываться с представлениями других людей [115].

Интегрированность субъекта в различные поля социального пространства (политики, экономики, культуры, образования и т.д.) и объективная противоречивость различных систем общественных отношений приводят к тому, что человек не может принять некоторые социальные идентичности. Они могут противоречить друг другу в своих ценностно-смысловых значениях. Проверка и порождение новых социальных идентичностей осуществляются в процессе социальной практики. Поэтому процесс формирования идентичности можно представить как постоянную внутреннюю борьбу. Становление, функционирование и развитие трансверсальной социальной идентичности реализуются через перманентное разрешение кризисных состояний [115].

Надо отметить, что в 80 – 90-е годы изучение взаимодействия Я и Мы получило свое развитие [397, 409]. Например, яркий представитель польской школы изучения социальной идентичности М. Ярумович, используя комплексную методологию, показала, что групповой эгоцентризм (Мы) связан с универсальными человеческими свойствами. Дифференциация когнитивных схем – неперенное условие развития Я, которое ведет за пределы собственного эгоцентризма Я через распознавание различных социальных перспектив и понимания других. Социальное Я и социальная

идентичность побуждают настройку и внутригрупповую включенность. Необходимое условие разделения себя от Мы – это формирование социальной и личностной идентичности, что позволяет индивиду направить внимание от одной перспективы к другой [397].

Идею осознаваемой личности развил Л. Краппман [33]. Он рассмотрел условия социальной идентичности, при которых идентичность остается сохранной, и назвал ряд способностей, необходимых человеку для сохранения своей идентичности в ситуации взаимодействия. Представления принимающих участие во взаимодействии партнеров о значении одних и тех же символов различны, часто противоречивы. Постоянно поступающая в процессе взаимодействия новая информация должна перерабатываться индивидом так, чтобы привести ее в соответствие с прежним накопленным опытом. При этом особенно важна самопрезентация во взаимодействии. Успех поддержания идентичности зависит от наличия у человека следующих способностей: способности к ролевому дистанцированию, к эмпатии, толерантности к противоречиям, успешной презентации своей идентичности [18].

Идеи Дж. Мида относительно значимости вербализованных компонентов Я, а также роли осознаваемой идентичности в поведенческом процессе повлияли на разработку, пожалуй, первого и самого простого теста установок личности на себя: "Кто я такой?" (или тест "20 высказываний"), предложенного М. Куном и Т. Макпартлэндом [139, 408]. Авторы отмечают, что, создавая тест, они стремились активизировать проведение эмпирических исследований в этой области. Опираясь на идеи Мида о том, что Я является объектом, подобным другим, главное содержание которого составляет план действий или установки, они предложили исследовать Я как набор установок для эмпирического исследования. Поскольку люди организуют и направляют свое поведение в соответствии с их субъективно определяемыми

идентификациями, данный тест, по мнению авторов, может использоваться для предсказания поведения индивида на основе знания его субъективного определения собственной идентичности. Этот тест широко применяется в изучении социальной идентичности [100, 119, 241, 245, 394, 513, 515].

В концепции Дж. Мида наблюдается некоторое противопоставление социального и личностного Я. Особенно это проявляется на уровне осознаваемой личности, которая хоть и задана в обобщенных категориях языка, тем не менее, несет в себе момент относительной свободы от социума. Это повлияло на развитие представлений о типах идентичности и внутренней противоречивости структуры идентичности человека. Примером могут служить работы И. Гоффмана и Р. Фогельсона [374, 377, 378].

Развитие концепции символического интеракционизма нашло свое воплощение во многих работах. Например, Ш. Струкер, в его концепции структурного символического интеракционизма [467, 468, 469, 471, 472] специально не выделяет индивидуальную или социальную идентичность, но в то же время подчеркивает социальный контекст идентичности.

Струкер считает, что нет ничего нелогичного в точке зрения на человеческое социальное поведение как важную последовательность сконструированных и иногда принудительных процессов, которые распознаются в принципе как процессы, открытые для отказа, отклонения и модификаций. Это обуславливает процессуальность Я. Но в то же время он считает, что Я является и структурой, в которой представлены различные установки на других людей. Основной вопрос заключается не в том, является ли поведение сконструированным или нет, а в том, под влиянием каких условий оно будет конструироваться, какая позиция повлияет на формирование взаимоотношения между индивидом и обществом.

Согласно Струкеру, структурные черты личности запечатлеваются в частичных идентичностях и отражают понимание людьми своего участия в социальном взаимодействии. В его подходе идентичность – это интериоризированная роль, определяемая соответственно социальным позициям человека. Идентичность конструируется и влияет на поведение человека. Она является продуктом представления социальных ролей в общностях разного размера и значимости для человека (например, общественная организация, класс, группа и т.д.). В процессе взаимодействия происходит концептуализация себя или интериоризация определенных ролей, что, собственно, и производит идентичности. В этом смысле существенный аспект влияния общества на личность заключается в том, что Я формируется в процессе взаимодействия между людьми, что приводит к появлению идентичности, которая, в свою очередь, связана с социальным поведением. Это поведение осуществляется тем путем, который соответствует индивидуальной идентичности, заключающей в себе организованную иерархию возможностей для ответа на различные социальные ситуации.

Таким образом, концепция Струкера, развивающая символический интеракционизм, рассматривает идентичность как важную концептуальную характеристику личности, возникающую под влиянием общества и ответственную за организацию социального поведения. Структура идентичности представляет собой иерархическую последовательность различных интериоризированных ролей. Поскольку человек вступает в многочисленные социальные связи и исполняет большое количество социальных ролей, то у него должно быть много соответственных идентичностей, которые в свою очередь отражаются на поведении, эмоциях и по-разному влияют на социальное взаимодействие. Структура идентичности постепенно конструируется, включая в себя данные от рождения

идентичности, а также те, которые формируются в ходе социального взаимодействия.

Индивидуальная идентичность включает в себя Я как организованную иерархию, вероятно, связанную с социальными позициями, которая значимо влияет на достижение индивидом частичных ролевых идентичностей.

Ю. Хабермас попытался преодолеть противоречие между социальной и личностной идентичностями, что, в принципе, важно для направления символического интеракционизма, поскольку понятно, что Я в их трактовке не может включать либо одно либо другое [18]. Он сделал попытку рассмотрения структуры идентичности как двух пересекающихся осей координат: вертикальная – личная идентичность, горизонтальная – социальная. В точке пересечения координат образуется Я-идентичность как баланс между личной и социальной идентичностями. В личной идентичности проявляется стремление человека к своей индивидуальности, неповторимости, а в социальной – стремление соответствовать ожиданиям партнера. Это противоречие напоминает общую дилемму в поведении и жизни человека: быть как все или быть отличным от других. В реальном взаимодействии человек всегда стремится к поиску компромисса между этими двумя основными вопросами.

Таким образом, в рамках данного подхода изучение социальной идентичности обогатилось анализом влияния социального окружения на представления человека о себе. Можно отметить следующие важные моменты, связанные с изучением социальной идентичности в символическом интеракционизме:

- идентичность рассматривается как целостность социальных и личностных характеристик, формирующихся в ходе взаимодействия индивида с другими людьми и усвоения социальных ролей;

- структура идентичности внутренне противоречива, она отражает, с одной стороны, стремление человека к уникальности, с другой стороны, желание быть понятым и принятым значимым социальным окружением;
- для преодоления этих противоречий используются различные техники, позволяющие найти компромисс между всеми видами идентичности и требованиями ситуации взаимодействия;
- индивид должен прилагать определенные усилия для поддержания баланса в собственной идентичности и необходимого уровня взаимодействия, стремиться осознавать актуальную ролевую позицию и ценностное сопровождение;
- личная и социальная идентичности находятся в сложной взаимосвязи, не однозначно принимаемой как противоположные полюсы дихотомической оси, которая формируется под влиянием взаимодействия и усвоения системы вербальных и невербальных символов;
- методика изучения идентичности может включать в себя различные процедуры, в том числе и самоописание, поскольку идентичность осознается в ходе взаимодействия;
- большая роль в развитии идентичности отводится рефлексии, мышлению, осмыслению результатов взаимодействия.

1.1.3. Представления о групповой идентичности в бихевиоризме

В рамках бихевиоризма личностный уровень анализа межгруппового взаимодействия был минимизирован, поскольку главный интерес исследователей сосредоточился на изучении роли ситуации в развитии межгрупповых процессов. Тем не менее, социальная идентичность как психологический феномен присутствует в работах М. Шерифа и является

следствием осознания человеком своей причастности к какой-то группе, которое происходит под влиянием реальных межгрупповых действий. Участники эксперимента отождествляли себя с другими, уподоблялись им, они также должны были встать на точку зрения другого и определить свое групповое членство [453, 454, 456, 457].

Реалистическая теория конфликтов, основанная на известных исследованиях М. Шерифа, посвященных анализу межгрупповых конфликтов, послужила своеобразным толчком, стимулирующим создание теории социальной идентичности. Эти исследования иногда называют "ситуативным или бихевиористическим подходом", представители которого пытались по-новому, по сравнению с психоанализом, ответить на вопросы, касающиеся причин возникновения агрессии между группами и внутри группы, а также выбора той или иной мишени для агрессии. Они уделили большее внимание социальным процессам.

М. Шериф практически первым начал изучать групповое и межгрупповое поведение. Понятие идентичность он использовал для того, чтобы как-то определить групповую принадлежность. Он считал, что межгрупповое поведение как психологический феномен возникает тогда, когда индивиды, принадлежащие к одной группе, взаимодействуют с другой группой или ее членами (индивидуально или коллективно) в терминах их групповых идентичностей [454].

Важно подчеркнуть, что социальная идентичность в работах Шерифа является противоположным полюсом идентичности личностной, которая занимает как бы подчиненное ей положение. В частности, под влиянием манипуляций с группой дружеские связи разрывались и заменялись на внутригрупповые отношения. Его исследование проводилось в рамках классической бихевиористической формулы "стимул – реакция". Стимулами были различные манипуляции с группами (включение их в различные виды

деятельности, разделение на отдельные структуры и т.д.), а реакциями – взаимоотношения между группами и конкретными людьми. Личностная компонента практически исключалась из объяснительных принципов. В своих уже ставших классическими экспериментах, проведенных на мальчиках в летнем лагере, он показал, что под влиянием извне введенного фактора – соревнование (конкуренция – в условиях ограниченных ресурсов можно изменить взаимодействие между группами. Программа его эксперимента предполагала изучение процесса возникновения межгрупповых отношений и соответственно влияния различных факторов, таких, как соревнование, изменение целей, совместная деятельность и т.д.

Соревнование оказалось одним из ведущих внешних факторов, которые влияли на возникновение конфликтов между группами и детьми. Включение в соревнование меняло сложившиеся социальные связи и провоцировало новые отношения между детьми, в частности, противоборство, конкуренцию, агрессию. В качестве факторов, которые могли погасить негативные последствия соревнования, явилась постановка общей цели. Когда перед соревнующимися и находящимися в конфронтации группами мальчиков были поставлены более общие задачи, реализация которых требовала усилия всех, то конфликты прекращались.

Единые для групп цели способствовали развитию отношений сотрудничества и кооперации. Если во время конфликта ребята стремились называть себя согласно конкретной групповой принадлежности, то в период сотрудничества они говорили о себе как о представителях более общей группы, например, "лагерь". В этих исследованиях явно прослеживается желание преодолеть ограниченность психоаналитического подхода не только в изучении межгрупповой динамики, но и в понимании идентичности. Как было показано выше, в рамках психоаналитического направления основной упор в исследовании идентичности делался на личностные факторы и их

возможное проецирование в социальных отношениях. Социальная идентичность занимала подчиненное положение по отношению к личностной. Поэтому ответы на вопросы типа: как влияют социальная среда, управленческие воздействия на группу, на развитие отношений между группами и межгрупповых конфликтов – оказались за пределами возможностей психоаналитической теории. Бихевиористы как бы вывели изучение идентичности из "виртуальной" психоаналитической реальности в реальную "жизненную" ситуацию.

Эксперименты показали, что ситуация может управлять процессом отождествления индивида с группой. Наиболее сильное идентификационное действие оказывают межгрупповые конфликты, которые возникают под влиянием межгруппового соревнования [454, 455]. Исследования Шерифа дали толчок для интенсивного изучения межгрупповых конфликтов, прежде всего, конечно, под влиянием различных внешних факторов (размер группы, доступность ресурсов, характер целей и т.д.). Все это получило название реальных межгрупповых конфликтов, среди возможных следствий которых Шериф отмечал более полное осознание участниками своей групповой принадлежности. Ребята под влиянием внешних факторов вынуждены были определиться в социальном окружении и назвать тот круг людей, к которому они принадлежат. При этом причины, по которым они являются членами именно этих групп, не анализировались. Основной акцент делался на групповых целях и нормах поведения, принятии себя членами именно этой группы, что, в свою очередь, повышало уровень внутригрупповой солидарности в конфликтном взаимодействии.

Таким образом, Шериф и его коллеги показали, что человеку в принципе не важно, как развивалась его личностная история. Включенный в определенные межгрупповые отношения, он принимает конкретное групповое членство и действует сообразно групповым нормам, большую

роль в его поведении начинают играть социальные, а не личностные факторы.

Еще один яркий представитель данного направления Д. Кэмпбелл развил идеи Шерифа относительно природы межгруппового конфликта [341, 342], что повлияло на последующие исследования социальной идентичности. Снова подчеркнем, что социальная идентичность как отдельный предмет исследования не фигурирует в работах представителей данного направления. Но она гармонично вплетена в процесс межгруппового конфликта и является его следствием. Кэмпбелл считал, что отношения конкуренции, сопровождающиеся предвосхищением реальной угрозы, основаны на реальном конфликте интересов между группами, независимо от времени его возникновения (вчера, сегодня, завтра). Этот конфликт интересов проявляется в ряде показателей, которые характеризуют отношения в группе и поведение ее членов:

- враждебность отдельных членов группы к сопернику или источнику угрозы;
- увеличение внутригрупповой солидарности;
- рост идентичности, т.е. более ясное осознание членами группы своей групповой принадлежности;
- усиление тенденции "охраны границ" своей группы, иными словами, повышение непроницаемости групповых границ;
- повышение значимости групповых норм и тенденции членов группы соблюдать их;
- усиление директивных воздействий по отношению к нарушителям групповых норм.

Таким образом, можно сказать, что реалистическая теория конфликтов была до появления теории социальной идентичности практически ведущей теорией межгруппового поведения, согласно которой межгрупповой

конфликт всегда основан на реальном соревновании между группами с ограниченными ресурсами, что усиливает борьбу за получение материальных или моральных благ. Подтверждение этому можно найти во многих психологических экспериментах [327, 342, 454].

Хотя многочисленные эксперименты показали, что реальный конфликт интересов – безусловно, самая распространенная причина конфликтов межгрупповых, но в то же время появились исследования, которые демонстрировали несколько иную картину. В частности, А. Тэшфел и Дж. Тернер обнаружили, что иногда реальный конфликт интересов между общностями (социальный, политический, профессиональный) не достаточен для того, чтобы возник межгрупповой конфликт [490].

Вопросы, побудившие дальнейшие исследования, заключались в том, что в данную теорию не вписывались факты, когда соревнование не было необходимым или достаточным условием для продуцирования межгруппового конфликта. В некоторых случаях соревнование не вызывает межгруппового конфликта. Тогда что является его причиной? И наоборот, определенные формы межгрупповых конфликтов встречаются в отсутствие соревнования и в ситуациях, когда ресурсов достаточно для всех. Что провоцирует конфликт в этих случаях? Какую роль в межгрупповых процессах следует отнести к внешним факторам, а какую к личностным, т.е. осознанию человеком своего места в системе социальных отношений?

Поставленные выше вопросы демонстрируют логику развития психологических идей относительно проблемы социальной идентичности. Из вспомогательной области знания она постепенно переходит в предмет собственного теоретического и практического исследования и отражает потребность исследователей синтезировать социально- и личностно-ориентированные подходы, что было сделано уже в теории социальной идентичности.

Обобщая вклад бихевиористического направления в развитие изучения вопроса о природе и функциях социальной идентичности, можно отметить следующие моменты:

- бихевиористы вывели проблему межгрупповых конфликтов на социальный уровень и тем самым поставили проблему социальной идентичности в новом аспекте, а именно, в зависимости от социальных взаимоотношений между индивидами;
- социальная идентичность является следствием реальных межгрупповых отношений, в частности, межгрупповых конфликтов;
- поскольку конфликт возникает из-за конкуренции в борьбе за реальные блага, а не по причине эмоциональных или личностных факторов, то возникло логичное предположение, что конкуренция усиливает социальную идентичность и делает ее более осознанной;
- межгрупповое поведение и социальная идентичность являются коллективным феноменом, а не статическим объединением похожих индивидуальных действий;
- отношения сотрудничества и кооперации снижают тенденцию к идентификации, но формируют более общую по отношению к группам идентичность.

1.1.4 Когнитивный подход. Теория социальной идентичности (ТСИ)

Дальнейшее изучение социальной идентичности проходило под большим влиянием когнитивного подхода, который занял свое место в общей системе психологических теорий значительно недавно: в конце 50-х – начале 60-х годов [44, 256, 257, 272].

В когнитивной психологии идентичность рассматривается как важнейшая психологическая структура. Главная идея состоит в том, что впечатления о мире организуются в связанные интерпретации – идеи, установки, стереотипы,

которые выступают как регуляторы социального поведения. ТСИ является комплексной концепцией, базирующейся на психологии личности, социальной и когнитивной психологии. Более выраженную когнитивную направленность она получила благодаря исследованиям процесса категоризации, в рамках теории социального сравнения Дж. Тернера, основанной на работах Л. Фестингера [370, 371].

Социальная идентичность в этом подходе рассматривается в качестве когнитивной системы, которая выполняет роль регуляции поведения в соответствующих условиях. Важно подчеркнуть, что данная проблематика разрабатывается на стыке когнитивной психологии и психологии личности. Идея различных систем, сквозь призму которых человек воспринимает окружающий мир (К. Левин, Дж. Келли, У. Найсер), повлияла на представление об идентичности. Также сыграла свою роль теория "когнитивного диссонанса" Л. Фестингера, согласно которой в результате рассогласования имеющегося у человека опыта с восприятием актуальной ситуации появляется определенная мотивация, стимулирующая и направляющая деятельность человека [371].

Наиболее завершенным примером сочетания различных направлений психологии: когнитивного, личностного, социально-психологического — в исследовании социальной идентичности является ТСИ — теория социальной идентичности (D. Abrams, M. Hogg, H. Tajfel, J.C. Turner и др.). Основоположник этой теории Анри Тэшфел еще в 1970-е годы представил в европейской психологии движение, которое отказалось от индивидуалистических крайностей американских психологов [398] и более конкретно определило основные постулаты и принципы.

Теория социальной идентичности (ТСИ) — это, с одной стороны экспериментальное движение в Европейской социальной психологии, с другой, отчетливо выраженная теория [306]. Теория продолжает развиваться

в обоих направлениях. Яркими последователями А. Тэшфела являются Дж. Тернер, Д. Абрамс, М. Хог, М. Аугастинос, Н. Эллемерс, Р. Браун, П. Оакс и другие.

За последние десятилетия этой концепции посвящены дебаты в философии, религии, идеологии. Они направлены на понимание центральной проблемы социальной психологии – взаимосвязи между индивидуальным и коллективным: индивидуальное против коллективного, персональная идентичность против социальной идентичности. Популярность ТСИ объясняется обращением к постоянно актуальной теме "своих и чужих". Изучение социальной идентичности базируется на идее о том, что каждый индивид имеет определенные социальные характеристики, которые демонстрируют его или ее членство в группе или категории, с одной стороны, и персональными или индивидуальными характеристиками, которые более специфичны, уникальны, с другой стороны. Это концепция межличностной и межгрупповой дифференциации.

ТСИ рассматривается как своеобразный вызов традициям социального познания, которые сложились в американской социальной психологии, и выражением принципиальной позиции европейской социальной психологии, настаивающей на большей "социальности" социального познания, включении когнитивных механизмов в социальный контекст [314].

ТСИ – это один из подходов к исследованию социальной группы [393]. В то же время в теории достаточно серьезно даны основы Я- концепции как структуры, объединяющей Я–имиджи, которые различны в сложности и богатстве контекста, продолжительности и т.д. Важный акцент в теории заключается в том, что эти Я–имиджи могут конструироваться в континууме между индивидуальными характеристиками (личностный полюс) и социальными характеристиками (социальный полюс) [501, 502].

Некоторые авторы делают попытку игнорировать термин социальная идентичность. Так, например, П.Н. Шихирев акцентирует свое внимание на проблеме межгрупповых отношений в исследованиях Тэшфела, уходя при этом от вопроса о социальной идентичности как таковой, заменяя его описанием представлений о межгрупповых отношениях в сознании людей [284, 285]. Такой подход позволяет приблизить ТСИ к существующим направлениям в изучении межгрупповых отношений, но он стирает главное, что есть в этой теории, – проблему социальной идентичности в ее значении прежде всего для личности, а уж потом для группы. Тэшфела как психолога и человека интересовали вопросы о том, каким образом различные социальные миры влияют на индивидуальный способ видения мира, в котором индивид живет и действует, а также почему между группами людей возникают антагонистические отношения.

Изучая различные социальные общности и анализируя особенности поведения человека в них, Тэшфел пришел к понятию "межличностный – межгрупповой континуум", в котором располагаются все поведенческие реакции человека. Важно подчеркнуть, что деление поведения на межличностное и межгрупповое не есть деление между индивидом и чем-то другим: и в том и в другом случае действует человек как некоторая целостность. Это, скорее, расстановка акцентов: индивид – сам по себе или индивид – часть группы. В одном случае человек действует как более или менее независимое существо, принимающее решение на основе каких-то собственных критериев, во втором – как член группы, выполняющий соответствующие требования группы.

В социальной психологии исследование причин и процесса развития межгрупповых конфликтов проводилось, в основном, в реальных условиях. Тэшфел предложил изучать межгрупповые конфликты и процессы на малых группах в лаборатории, создавая характеристики, соответствующие

естественным. В лабораторном эксперименте группе задаются любые параметры, которые могут быть свойственны ей в жизни, как например, реальные общественные и экономические отношения, взаимодействие среди участников, структурные деления в пределах группы, чтобы создать другие роли, взаимозависимость среди участников группы и т.д. Он провел много лабораторных экспериментов по изучению динамических процессов между группами и внутри группы. Эта исследовательская программа Тэшфела и легла в основу ТСИ [479, 487].

Цель его первого эксперимента, который проводился на учащихся школ из Бристоля (Англия), заключалась в ответе на вопрос, может ли идентификация человеком себя с группой влиять на межгрупповое поведение [487], иными словами, как проявляется в отношении между группами определение человеком своего группового членства. Экспериментальная группа состояла из анонимных и изолированных друг от друга членов, разделенных на две условные малые группы. Поэтому каждый ученик становился членом иллюзорной, но реальной для него как участника эксперимента, группы. Оказалось, что это членство повлияло на действия школьников. Выбирая из двух стратегий: справедливой или выгодной для своей группы, они старались выбрать стратегию, которая увеличивает внутригрупповую выгоду. Интересно, что они могли выбрать другую стратегию, которая дала бы возможность получить больший выигрыш обеим группам, но они предпочитали пусть меньший, но выигрыш, обеспечивающий некоторое превосходство над другой группой. Эксперимент показал, что в тех случаях, когда групповое членство более выражено (соответственно более выражено и чувство принадлежности к определенной группе, т.е. социальная идентичность), разница между собой и другими членами своей группы становится меньше.

Начиная с ТСИ, исследователи социальной идентичности обращают внимание на тесно связанные между собой понятия, которые обеспечивают процесс функционирования социальной идентичности: категоризация (самокатегоризация), социальное сравнение. Категоризация и социальное сравнение интенсивно изучаются в настоящее время в зарубежной психологии [359, 397, 409, 425, 440, 449, 492].

Социальные категории, с которыми человек себя идентифицирует, определяют его реальный статус. Сегодня уже не вызывает сомнения тот факт, что социальный мир разделен на многие социальные категории. Некоторые из них широкие, такие, как класс, раса, религия, этнические и половые сообщества. Другие узкие, они могут создаваться на какое-то время и исчезать, если люди больше не хотят их поддерживать, например, объединения по интересам, политическим взглядам, группы, создаваемые в экспериментальной лаборатории, и т.д. Для любого человека каждая из этих категорий будет означать более или менее принимаемое членство группы. Не все понятия, обозначающие групповое членство, образуют реальный статус человека, некоторые из них оставляют слабый след в содержании социальной идентичности.

Согласно ТСИ социальная идентичность связана прежде всего с категоризацией, поскольку благодаря последней устанавливается различие между собой и другими [389]. Они показали, что приобретение данных различий – это ранняя и необходимая часть социализации. Чувство себя и знание, "кто я такой", способность "отражать" и осознавать себя – все это формируется в социальном взаимодействии. Этот процесс связан с нравственными канонами, воспитанными в семье и транслируемыми в обществе [483].

Несмотря на то, что в ТСИ идентичность – это основное понятие в теории Тэшфела, оно рассматривается в органической связи с процессом

категоризации. Это имеет смысл прежде всего для объяснения феномена межгруппового фаворитизма, который проявляется в тенденции более благосклонного отношения к своей группе по сравнению с чужой [484, 485]. Категоризация, идентичность являются источниками этого феномена. Социальная идентичность – это принятая в той или иной степени субъектом социальная категория. У каждого человека она конструируется через определенное количество социальных категорий, набор которых отчасти задан ситуацией, отчасти индивидуален. Социальная идентичность в любое время связана с частью социальных идентификационных категорий, выбираемых в соответствии с определенным социальным контекстом. В ТСИ идентичность относится к области Я- имиджа или Я- концепции. Она связана с установкой человека на себя как на объект.

Знание собственных социальных идентификаторов недостаточно для того, чтобы оценить значение этого членства. Например, как оценить свою принадлежность к группе психологов или русских, если не иметь возможности посмотреть на это членство со стороны других людей. Согласно ТСИ оценка категорий членства может быть осуществлена только через процесс социального сравнения.

Исследования того, как люди оценивают собственные личные и социальные качества через процесс социального сравнения, начинаются в 50-е годы XX века. Например, было выявлено, что на индивидуальном уровне для человека иметь позитивное самоуважение означает исходную посылку: я думаю о себе хорошо и считаю, что кто-то еще думает обо мне хорошо [370].

Для оценки себя в любом измерении необходимо имплицитное социальное сравнение с другими. Это же необходимо для идентификации себя с теми или иными социальными категориями. Любые частичные социальные категории членства могут информировать о позитивной социальной идентичности только через сравнение между кем-то из своей собственной группы и кем-то

из внешней группы. Ценность быть россиянином, психологом или студентом может быть оценена только в сравнении с другими социальными категориями.

Причины межгрупповой дифференциации в ТСИ объясняются тем, что человек мотивирован к тому, чтобы признать свое групповое членство, на основании чего у него складывается представление о себе как члене группы. Он также стремится повысить ценность своей социальной идентичности. Это возможно только через социальное сравнение, т.е. определенные действия дифференциации собственной группы от чужой, путем оценивания членов своей группы по отношению к другим. Поставив свою группу выше, чем другие, через социальное сравнение субъекты начинают позитивно оценивать свою собственную группу и на основе идентификации себя с этой группой повышают ценность своей социальной идентичности.

Отправное исходное положение ТСИ заключается в следующем: позитивная дифференциация между Я внутри и Я вне группы достигается: через социальное сравнение между собой и членами своей группы (ingroup), а также людьми вне этой группы (outgroup).

Проблемой является то, что ТСИ формировалась преимущественно на примерах межгрупповых отличий, которые наблюдались в экспериментальных условиях на малых группах, поэтому ее перенос на объяснение межгрупповых конфликтов между реальными группами весьма затруднителен. Во втором случае группы должны быть рассмотрены в контексте истории межгрупповых связей, экономических и социальных позиций конфликтующих сторон и т.д. Об этом много писали в 80-е годы. Например, было показано, что экспериментальная и реальная группы – это не одно и то же [337].

Поэтому в последние годы проводились исследования социальной идентичности в группах с различными статусами и структурами, прежде

всего в группах с низким социальным статусом [314]. Многочисленные эксперименты послужили базой для создания теории социального сравнения, которая составляет ядро ТСИ и претерпевает в последние годы большие изменения.

Оригинальная версия ТСК была сформулирована Л. Фестингером [370, 371], которого интересовал вопрос о том, как индивид оценивает свои индивидуальные качества. Он предположил, что люди предпочитают оценивать себя и свои качества на основе некоторых объективных и осознаваемых критериев. Когда такие критерии недостижимы, люди оценивают себя через социальное сравнение с другими. При этом наблюдается различие в сравнении способностей и мнений. Так, мотивами, вызывающими сравнение способностей, будут точность, правильность и самодостижение, а основным мотивом, вызывающим сравнение с чьими-то мнениями, будет приобретение социального согласия. Мотив, лежащий в основе всех сравнений, – это желание точного самооценивания.

Позиция Фестингера развивалась во многих экспериментах в группе Тэшфела, поэтому можно сказать, что краеугольный камень ТСИ – это теория социального сравнения.

Оценивание социальной категории членства достаточно субъективно. По своей сути оно напоминает оценивание мнений, в том смысле, что трудно определить объективные критерии для того, чтобы сказать, является мнение правильным или ложным, хорошим или плохим. Так же точно и по отношению к группе необходимы некоторые показатели, чтобы сказать, что моя группа лучше, чем другая. Очевидно, что в реальности трудно назвать какие-то четкие критерии, позволяющие установить, чья группа лучше. Несмотря на это члены каждой группы действуют так, как будто их категория членства лучше, чем у других людей. Человек имеет собственные

критерии для того, чтобы аргументировать преимущества своего мнения и соответственно собственного группового членства.

При этом важно отметить, что сравнение идет с похожими, близкими, релевантными характеристиками. Люди видят вокруг себе подобных и проводят сравнение с теми, кто близок им по сути. Педагоги для оценки своего социального статуса не сравнивают себя с детьми, но сравнивают себя с представителями других профессий. Кроме того, сравнению подлежат не все параметры групп, а лишь значимые в определенном контексте качества.

Можно сказать, что социальная идентичность основана на положительных, благоприятных, имеющих социальную значимость для субъекта сравнения отличиях своей группы от другой.

Для современных исследований идентичности одной из центральных проблем является вопрос о закономерностях ее динамики, в частности поддержании человеком своей позитивной социальной идентичности [314, 363, 391].

Тэшфел делает вывод о том, что поскольку членство в группах связано с позитивной или негативной социальной оценкой, то и сама социальная идентичность человека может быть позитивной или негативной. Он исходит из того, что у каждого человека есть стремление к положительному, "хорошему" образу себя, соответственно одной из основных закономерностей в динамике социальной идентичности будет стремление человека к достижению или сохранению позитивной социальной идентичности [483]. Эта идея находит подтверждение во многих работах [7, 8, 346, 509].

Таким образом, сравнение является тем основным процессом, который запускает актуализацию и развитие социальной идентичности, за которым нередко лежит конфликт (межличностный или межгрупповой).

Тэшфел и Тернер базировали ТСИ на межличностном и межгрупповом измерении. Они показали, что социальная идентичность возникает

вследствие сравнения индивидом себя с членами своей и чужой группы. В связи с этим возникают вопросы о том, как формируется субъективное знание человека о его принадлежности к определенной группе, а также каким образом и почему человек конструирует ситуацию как межличностную, межгрупповую или промежуточную.

Частично ответам на эти вопросы посвящена теория самокатегоризации (ТСК), представленная Дж. Тернером и П. Оакес [501, 503, 504], но более полно оформленная в работах Д. Абрамса и М. Хога [307, 390, 391].

Основным понятием ТСК является понятие "самокатегоризация", которое в сочетании с постулатами ТСИ получило свое развитие в понятии "социальная категоризация". Это когнитивная часть теории Тэшфела – Тернера. Процесс социальной категоризации представляет собой распределение социальных событий и объектов по группам в соответствии с определенными, существенными для человека признаками, в соответствии с которыми человек систематизирует свой социальный опыт и устанавливает критерии для ориентации в своем социальном окружении.

Развитие ТСИ и ТСК проходило во взаимосвязи и взаимном обогащении. Исследователи выделяют два важных различия между ТСИ и ТСК [401, 511]:

Во-первых, ранние работы по межгрупповому поведению, которые фокусировались на изучении позитивных внутригрупповых различий, не давали объяснений их природы. ТСК дала ТСИ социально-когнитивный базис для объяснения механизмов группового поведения, а не только ссылку на то, что Я обусловлено групповым членством. Хог и Абрамс [391] исследовали в деталях роль самодостижения и позитивных различий в этих двух теориях.

Во-вторых, в ранних работах межгрупповой – внутригрупповой континуум был описан как действия в терминах Я или действия в терминах группы соответственно. Позднее в ТСК было показано, что групповое и

индивидуальное поведение можно рассматривать в терминах Я, но на разных уровнях абстрагирования. ТСИ по отношению к группам в каком-то смысле альтернативна ТСК. Но в то же время различие не столь велико, чтобы не видеть общие основы двух теорий, их близость в практическом применении по отношению к концепции социальной идентичности [389].

Важно подчеркнуть, что ТСК не заменяет, а развивает ТСИ, разрабатывая конструирование идентичности и процесс категоризации, реконцептуализирующей различия между личной и социальной идентичностью, и, обеспечивая механизм для предсказания, когда и как люди будут осуществлять самокатегоризацию. ТСИ (теория Тэшфела и Тернера) – это изначально мотивационная теория, главный вопрос которой: почему люди так или иначе определяют себя и почему возникает межгрупповая дифференциация. ТСК – это первоначально когнитивная теория, главный вопрос которой заключается в понимании механизмов категоризации, изучении природы социальных стереотипов, групповой поляризации и поведения толпы [426, 436, 499]. Следовательно именно анализ когнитивных и эмоциональных процессов стал центральным для ТСИ и ТСК. Соединение этих двух теорий стало хорошей методологической базой для изучения динамики группы, развития групповых ценностей и поведения человека в группе. Главный вывод из теории заключается в следующем: внутригрупповой фаворитизм и межгрупповая дифференциация, а также личностный фаворитизм и дифференциация между собой и другими повышается, когда подчеркивается категоризация.

Развитие ТСК связано с изучением когнитивных процессов, более детальным анализом категоризации и контраста, раскрытием мотивационных компонентов групповых процессов [391, 503].

Объяснение феномена принятия группового членства в ТСИ.

Главная проблема, с которой столкнулись психологи, изучающие межгрупповое взаимодействие, заключалась в объяснении феномена принятия группового членства [132, 452, 458, 463]. Теория реальных конфликтов М. Шерифа не может объяснить результаты исследований Тэшфела, поскольку она предполагает наличие реального соревнования. В лабораторных группах Тэшфела не было собственной истории и культуры, взаимодействия и общей судьбы их членов, внутригрупповой структуры. В каком-то смысле группы не было как таковой. Тем не менее субъекты вели себя так, как будто членство в группе, межперсональное или межгрупповое взаимодействие было реальным для них. Их действия были аналогичны тем, которые свойственны человеку в реальной группе. Они были направлены на создание позитивной межгрупповой дифференциации, что само по себе, как предполагалось Шерифом, возможно только через межгрупповое поведение.

Основная посылка ТСИ сводится к тому, что человеку свойственно стремление принадлежать к группе. Это соотносится с теорией К. Левина, который считал, что индивиду для ощущения собственной ценности необходимо чувство принадлежности к группе [147, 411]. Согласно Тэшфелу, даже простое бытие в группе сопровождается появлением чувства принадлежности, параллельно с которым возникает позитивная межгрупповая дифференциация.

Определением группы в рамках ТСИ считается то, которое дает Дж. Тернер в совместной статье с Тэшфелем "The social identity theory of intergroup relations", вышедшей уже после смерти основателя ТСИ в 1986 году [490]. Авторы предлагают следующее определение группы: "Мы можем определить группу как совокупность индивидов, которые воспринимают себя как членов одной и той же социальной категории, разделяют эмоциональные последствия самоопределения и достигают некоторой степени социальной

согласованности по оценке собственной группы и их членства в ней " [490, с.15].

Это определение развил Р. Браун, который писал, что группа существует, когда два или более человека определяют себя как ее члены и когда это существование распознается, по крайней мере, одним человеком, не членом этой группы [335, 334, 336].

Таким образом, в ТСИ определение группы носит когнитивный характер. Данный подход распространяется на все группы на основе допущения, что все они похожи, а именно, во всех группах членство мотивировано достижением и сохранением позитивной социальной идентичности через межгрупповую дифференциацию. Безусловно, что групповая жизнь не так проста, поскольку существует много разновидностей групп. Очевидно, что данный подход будет развиваться, поскольку некоторые группы органически оказывают большее влияние на идентичность их членов, другие могут формировать идентичность во взаимосвязи с более важными группами и т.д.

Развивая подход ТСИ к пониманию группы, С. Хинкл и Р. Браун предложили исходную таксономию групп [334, 386]. Согласно ТСИ чем большую идентичность проявляют индивиды с частичной группой, тем больше они будут демонстрировать внутригрупповое пристрастие, основанное на межгрупповом и внутригрупповом сравнении. Авторы предположили, что группы могут различаться по двум важным измерениям: индивидуализм – коллективизм; релятивная идеология.

Индивидуализм – коллективизм – это дихотомия, в рамках которой представлены, по сути все культуры. Она связана с культурой отношений между людьми, в частности с направленностью культуры на индивидуальную автономию, на индивидуальную взаимозависимость или на сотрудничество в пределах групп. Индивидуализм – коллективизм – это культурные различия [336, 387, 388, 497, 498].

Второе измерение основано на допущении, что группа органически находится в состоянии конкуренции, ее статус определяется только в сравнении с другими группами. Степень сравнения группового статуса различна в группах. Например, в группе спортсменов по сравнению с группой педагогов более сильная связь между членами, т.е. эта группа обладает большей релятивной идеологией.

Пересечение двух измерений индивидуализма – коллективизма и релятивной идеологии создает оси координат для классификации групп. Хинкл и Браун считают, что прогнозы ТСИ в большей степени относились к группам, в которых более выражены показатели: коллективистический и релятивный, а не индивидуалистический и независимый. Это значит, что в группах с высоким уровнем коллективизма и релятивности должна наблюдаться достоверная корреляция между уровнем внутригрупповой идентификации и внутригруппового фаворитизма. В коллективистических группах индивидуумы сильно связаны друг с другом; их идентичность в большей степени привязана к группе, чем в случае с участниками индивидуалистических групп. Следовательно, релятивная позиция внутри группы более важна для групповой социальной идентичности членов коллективистических групп, чем индивидуалистических. Также для релятивных групп будет более важной оценка их достоинства через социальное сравнение с другими группами [334, 386].

Итак, в рамках ТСИ было дано, ставшее классическим, определение социальной идентичности: социальная идентичность – это часть индивидуальной Я-концепции, которая происходит от знания принадлежности к социальной группе (или группам) вместе с оценкой и эмоциональным обозначением этого группового членства [479].

Основные постулаты и следствия теории социальной идентичности

1. Социальная идентичность представляет собой те аспекты Я-концепции индивида, которые связаны с восприятием себя как члена определенных социальных групп (или категорий, в терминологии Тэшфела).
2. Социальная идентичность конструируется в процессе включения в те или иные группы и осознания своего места в них.
3. Социальная идентичность может быть положительной или отрицательной, поскольку в обществе социальные категории имеют не равный вес.
4. Мотивация идентификации направлена на сохранение или повышение позитивного самоуважения и самооценки.
5. Механизмом формирования представления о собственной группе, оценки ее индивидом является социальное сравнение, результатами которого являются межгрупповая дифференциация и внутригрупповой фаворитизм.
6. Цель дифференциации – сохранить или достигнуть превосходства над аутгруппой по некоторым параметрам. Следовательно, любой акт дифференциации будет в значительной мере актом соперничества. Особенно важна дифференциация для тех групп, которые не определены формально (как это бывает в случае школьного класса), но, тем не менее, реально существуют [8, 347, 348].
7. Внутригрупповой фаворитизм основан на благоприятных сравнениях собственной группы с другими, релевантными аутгруппами, которые должны восприниматься как негативно отличные от собственной группы.
8. Социальная идентичность представлена в иерархической модели, включающей в себя три уровня самокатегоризации [503].

По мнению Д. Абрамса и М. Хога, можно определить следующие основные аспекты ТСИ, которые проработаны наиболее глубоко: объяснение самокатегоризации как основы социальной идентичности; мотивационные процессы, ассоциируемые с социальными идентификациями (на примере потребности самоуважения); объяснение связи индивида и тех групп, членом которых он является; объяснение связи между личностными характеристиками и содержанием социальной идентичности; объяснение связи между внутригрупповым и межгрупповым поведением, т.е. поведением человека в группе и независимо от нее; анализ макро социальных и идеологических аспектов социальной идентичности [306, 393].

Работы по изучению социальной идентичности, проведенные в рамках данного направления, имеют свои практические следствия для оптимизации процессов управления различными социальными группами [362, 507]. В частности, сформированная социальная идентичность – это необходимое условие вовлеченности учащихся в учебную задачу, а также поддержания их самостоятельности и самооценки [507].

Главное следствие ТСИ, на наш взгляд, заключается в том, что социальная идентичность лежит в основе определенного отношения не только к себе и другим, но и к своей профессиональной деятельности. Социальная идентичность сопровождается эмоциональными и ценностными проявлениями, находит отражение в поведении и мышлении человека, что придает ей значимость среди других личностных характеристик.

1.1.5. Конструкционистская модель анализа идентичности

Большинство исследователей обращаются к проблеме социальной идентичности в связи с изучением межгрупповых отношений.

В контексте нашего исследования, практическая направленность которого связана с поиском новых путей и механизмов совершенствования процесса

подготовки педагогов, мы обращаемся к несколько иной стороне проблематики социальной идентичности, а именно, к возможности конструирования социальной идентичности и построения системы ценностей на основе понимания своего места в мире. Поэтому мы будем опираться на работы, в которых изучаются механизмы самоопределения личности через принадлежность к социальной категории, т.е. решения человеком проблемы личностной определенности [15, 146, 244, 245]. В этих работах социальная идентичность рассматривается как предмет психологии познания, направленной, согласно Г.М. Андреевой, на изучение механизмов, посредством которых человек осознает себя частью социальной реальности, в которой он живет и действует [15].

Социальная идентичность есть одна из форм отражения социальной реальности. В то же время она является производной процесса создания образа социального мира или конструирования социального мира. Под конструированием понимаются приведение в систему информации о мире, организация этой информации в связанные структуры с целью постижения ее смысла. Результатом этого процесса является образ социального мира, который предстает перед человеком как определенная социальная реальность [15].

Конструкционистская (или конструктивная) модель анализа, получившая распространение в современной науке под влиянием идей когнитивной психологии, заключается в признании социального конструирования реальности, что приводит к образованию культурного единства группы, которое становится смыслом существования группы. Данная модель используется достаточно широко при исследовании этнических групп. Например, Т.Г. Стефаненко применяет ее по отношению к исследованию этнической идентичности. Она определяет этническую идентичность как один из ключевых социальных конструктов, возникающих в процессе

субъективного отражения и активного построения индивидом социальной реальности [244, 245]. В соответствии с данным подходом культурное единство этнической группы следует рассматривать не как ее первичную характеристику, а как результат и даже смысл ее существования. Как отмечает Стефаненко, впервые конструкционистский взгляд на этнические общности был заявлен в труде норвежского этнолога Ф. Барта, который описал этническую группу, прежде всего, как особую форму социальной организации, структура которой создается в процессе социальной категоризации – отнесения себя и других к определенным категориям [317, 318]. В последние годы она находит применение и в изучении других видов групп, поскольку движение конструкционизма развивается в рамках современной социологии [30, 213, 236, 255, 406] и психологии [54, 237, 244, 285, 450, 459, 460, 461. 462, 463].

Согласно этому подходу структура социальной организации создается в процессе социальной категоризации, который заключается в отнесении себя и других к определенным социальным категориям. Эти категории изменяются в результате действия различных факторов, связанных прежде всего с социальными, экономическими, политическими условиями.

Существуют различные точки зрения на саму суть пространства группы: реально оно или субъективно. Среди сторонников конструкционизма есть такие, кто подчеркивает наличие реальных границ между группами, как, например, между нациями, проживающими на одной территории [317, 318, 446], а также те, кто считает, что реальные границы весьма условны, главное, что формируется в сознании человека, определяет его субъективную границу и проявляется в коллективном сознании, мифологии, воображении. Параметры группы задаются для маркировки отличий и установления границ, в рамках которых эти различия имеют действие [229, 251].

Второго подхода придерживаются представители теории социальной идентичности и их последователи. Именно субъективный характер пространства группы и отражение его в самосознании конкретного человека представляется наиболее важным для развития наших представлений о социальной идентичности.

В последнее время конструктивистский подход все больше начинает применяться при исследовании социальной идентичности, поскольку позволяет выявить роль усилий со стороны людей, направленных на создание определенных идентичностей. Особенно явно это прослеживается в инструменталистском подходе, согласно которому общности рассматриваются как некоторые социальные конструкции, которые возникают и развиваются в результате целенаправленных усилий со стороны людей и создаваемых ими институтов [229, 244].

Важно отметить, что именно в рамках данного подхода появились реальные перспективы для выявления влияния социальной идентичности на социальное восприятие и поведение [438].

Современные социологи П. Бергер и Т. Лукман отмечают, что индивиды как бы конструируют социальную реальность в контексте данной культуры, продуцируют модели социальных взаимоотношений, опираясь на собственные индивидуальные свойства и свойства других социальных субъектов, которые, в свою очередь, проявляются во взаимоотношениях с ними [30].

По мнению П. Бергера и Т. Лукмана, идентичность – это своеобразный компонент процесса социализации, который позволяет установить успешность социализации как таковой. Под успешной социализацией авторы подразумевают установление высокого уровня симметрии между объективной и субъективной реальностями (а равно и идентичностями). И наоборот, неуспешную социализацию следует понимать в терминах асимметрии между объективной и субъективной реальностями. В этом

смысле проблема социальной идентичности связана с социальными условиями, в которых живет человек. Например, в обществах с простым разделением труда и минимальным распределением знания вопрос идентичности социально предопределен в сознании большинства людей и постоянно подтверждается всей социально значимой интеракцией. В более сложных социальных структурах, например, в современной общественной ситуации, растет общее сознание релятивности всех миров, включая и собственный, который теперь осознается как один из многих. Плюрализм становится реальностью, так же как и идентичности, произведенные индустриализмом образцов социальной стратификации [30].

Перспективным направлением, на наш взгляд, является развитие конструктивистского подхода, которое проводится Т.Г. Стефаненко. Автор, работающий в русле концепции "современной социальной идентичности", на примере исследования этнических общностей показывает, что психологическая общность (этнос рассматривается как психологическая общность) способна выполнять важные для каждого человека функции: а) ориентировать в окружающем мире, поставляя относительно упорядоченную информацию; б) определять общие жизненные ценности; в) защищать, отвечая как за социальное, так и за физическое самочувствие [244]. Отдавая предпочтение когнитивному процессу идентификации/дифференциации, исследователь в то же время подчеркивает связь когнитивных и эмоциональных процессов в самоопределении индивида в социальном пространстве, рассматривая идентификационный процесс не только как понимание, но и восприятие, оценивание, переживание своей принадлежности к группе [244].

В рамках конструкционизма широкое распространение в политологических исследованиях получил инструменталистский подход к изучению этнических общностей, рассматриваемых как социальные

конструкции, возникающие и существующие в результате целенаправленных усилий со стороны людей и создаваемых ими институтов, особенно со стороны государства [244].

Также примером развития конструктивной идеи в психологии личности является работа Е.И. Головахи и А.А. Кроника, которые предложили термин "конструктивная психология", подчеркивая этим необходимость развития и обновления методологии психологии [58, 59, 60]. Авторы определяют когнитивную психологию как теорию и методы создания принципиально новых психических явлений (как механизмов отражения мира и регуляции деятельности) на основе неограниченных возможностей совершенствования человека [60, с. 25].

Одним из первых использовал термин "конструкт", который первоначально больше соответствовал терминологии физики, Дж. Келли. Он разработал теорию личностных конструктов, основанную на философии конструктивного альтернативизма [117, 403]. Согласно этой философии каждый человек, когда имеет дело с миром, всегда может дать альтернативные, доступные для выбора истолкования ситуации или объектов. Применение конструктивной теории к анализу социальной идентичности, на наш взгляд, позволяет более полно выявить механизмы ее формирования [117].

Подчеркнем, что термин конструкт вполне пригоден для определения социальной идентичности, поскольку он отражает все перечисленные выше признаки этого явления, а также позволяет применить конструктивный подход к анализу формирования социальной идентичности. В контексте этого подхода социальная идентичность может рассматриваться как динамическая система конструктов, в которой сосредоточены представления человека о самом себе как представителе социальных общностей, сопровождающиеся оценочными и смысловыми проявлениями.

Мы согласны с теми авторами, которые считают, что обращение к положениям конструктивистской теории позволяет легче описать социальный уровень определения идентичности, поскольку понятие "личностный конструкт" отражает внутреннюю солидарность человека с социальными, групповыми идеалами и стандартами и тем самым помогает процессу категоризации Я [28, 244].

Основным методологическим направлением, которое позволяет наиболее полно описать характеристики конструкта, его место и роль в структуре личности и поведении, является концепция Дж. Келли, которую он называет "конструктивным альтернативизмом" [117].

Конструктивный альтернативизм.

Данную концепцию Дж Келли противопоставляет основному положению старой эпистемологии, названному им "аккумулятивным фрагментализмом", согласно которому истина составляется из крупиц знания [117]. Ценность нашего знания определяет не количество накопленной информации, а реконструкция этих фактов. Это принципиальный вопрос в теории Келли, он касается переосмысления Я, а также интерпретации человеческого опыта.

Концепцию Келли трудно отнести к каким бы то ни было гносеологическим концепциям. И специфическая терминология, и частный характер вопросов, которые ставит Келли, делают очень трудным понимание его работы с позиции традиционной психологии социального познания. В конструкционистских концепциях утверждается, что все знание по своему характеру является отнесенным, т.е. мы никогда не познаем физические объекты непосредственно. Сознаваемое восприятие, по мнению конструкционистов, одновременно принадлежит к разряду опыта и является возможным продуктом внешних объектов. Келли не отрицает существование предмета независимо от познавательного процесса, но его внимание

концентрируется в основном на том способе, которым сложный "предмет познания" строится из простых ингредиентов [272].

Когнитивные теории личности, как известно, методологически тяготеют к конструкционизму [287]. С когнитивным подходом связываются имена К. Левина, Д. Келли, Ф. Хейдегера, Л. Фестингера и др. Сторонники этого подхода оперируют различными элементами когнитивной организации: С. Аш – атрибутами, Д. Келли – конструктами, Ч. Осгуд – измерениями, Л. Фестингер – мнениями и т.д., но для всех этих концепций характерно и нечто общее. В рамках когнитивного подхода объяснение инвариантов поведения человека обычно идет в терминах субъективного мира индивида. Можно сказать, что человек рассматривается внеисторически. Но в работах Келли прослеживается и социокультурный подход, а также влияние деятельности на формирование системы конструктов.

Модель когнитивного подхода рассматривает человека в качестве разумного существа, которое строит свое поведение в соответствии с субъективным пониманием ситуации. Особенно подчеркиваются роль восприятия и понимания, важность личностной оценки. В этом смысле основное положение когнитивного подхода не вызывает сомнений. Люди ведут себя и оценивают окружающее по-разному, в зависимости от своего понимания ситуации, в которой они находятся. Понимание индивидом ситуации (точнее, его мнение об определенных аспектах ситуации) берется в качестве исходного пункта объяснения поведения индивида [127, 128]. При этом не столь важна зависимость внутренних характеристик от способа взаимодействия человека со средой, в частности предметная деятельность.

Келли разработал собственную, во многом отличную от традиционной систему психологических понятий. В чем-то его работы близки области психосемантики, ориентированной на изучение индивидуальных значений [198, 287]. Главная функция человеческой психики, по его мнению,

заключается в исследовании реальности, прогнозировании будущего и контроле над поведением. Поведение – это не только реакция на обстоятельства, но и прогноз будущего. Каждый человек в каком-то смысле – исследователь. Он строит гипотезы, взвешивает, оценивает данные опыта и несовпадение индивидуальных мнений, систематизирует факты. Этот процесс принимает форму конструирования.

Термин "конструирование" обычно употребляется Келли как синоним интерпретации, толкования. Человек интерпретирует реальность, воздвигая системы конструкторов, внутри которой факты приобретают смысл. Таким образом, подход Келли, по сути, связан с пониманием того, что, воспринимая окружающий мир, человек уже как-то относится к нему, поэтому поведение человека определяется не просто реальностью самой по себе, а ее преломлением через субъективную призму конструирования.

Специфическое понимание психики определило выбор основной единицы анализа личности – конструкта. Этот термин был заимствован из методологии науки и обозначает логическую констатацию связи, из которой путем дедукции может быть выведено объяснение данной фактической связи явлений. Келли по-разному описывает его, но самое известное определение сводится к следующему: "Конструкт – это симультанная констатация сходства и различия" [117, с.139]. Это контраст, который человек замечает между двумя группами явлений, например белое – черное, скупой – щедрый, доброжелательный – агрессивный (дихотомии). Причем это не полюса каких-либо понятий, которые обычно относятся к категории, существующей в человеческой культуре, а личностное изобретение, истолкование, которое накладывается на реальность. Например, дихотомия хороший – плохой может носить бесконечное множество субъективных толкований. На основании этих биполярных понятий человек констатирует сходство,

различие и исключает события, которые невозможно описать по этим критериям. Различие и обобщение имеют место одновременно.

Конструкты могут быть вербализованы, более доступны для изучения, так и нет. По мнению Келли, именно конструкты и представляют для исследователя особый интерес, если он пытается изучать личность. Конструкты образуют конструктивные системы, специфические у каждого конкретного человека. Разные люди выделяют в объектах различные признаки, анализируют реальность своим способом. Способы выявления конструктов описаны на русском языке [100, 117, 127, 128, 207 265]. Важно подчеркнуть, что, будучи единой формулировкой сходства и различия, конструкт, в понимании Келли, формируется на базе по меньшей мере трех элементов (объектов), два из которых должны восприниматься как сходные между собой и третий как отличный от первых двух.

Система конструктов представляет собой внутреннюю схему, которая обеспечивает возможность интерпретации внешних событий и явлений. Поскольку функционирование любого конструкта, по Келли, имеет целью предсказание событий, то человек получает возможность предвидения событий, конструируя их повторяемость, например, если происходит что-то сейчас, то через некоторое время случится такое-то событие.

Таким образом, конструкт выступает в психологии Д. Келли в роли фундаментальной категории, из которой исходят конкретные представления о механизмах психической деятельности. Основной постулат и одиннадцати следствий, которые составляют основу концепции, Келли формулирует достаточно абстрактно, но в то же время понятно, для того чтобы можно было их развивать.

Ядро личности составляет система конструктов; это та многогранная призма, через которую преломляются внешние воздействия. Структурный анализ Келли приложим прежде всего к личностной конструктивной системе, но это не значит,

что остальные компоненты, составляющие личность, выпадают из поля зрения автора. Другой вопрос, как с позиции конструктивной теории рассматриваются другие особенности, компоненты личности [217].

Реконструкция внутри системы конструкторов связывается с возникновением чувства беспокойства. Тревожность сигнализирует о столкновении индивида с ситуацией, которую он не может структурировать при помощи имеющихся у него конструкторов. Подтверждение прогноза вызывает чувство удовлетворения, причем это переживание имеет место даже в том случае, если человек ожидает чего-то неприятного и это событие приходит. В целом интерпретация Келли охватывает довольно широкий круг психических явлений, позволяя рассматривать их отношения и взаимосвязи; она включает эмоциональные процессы и то, что З. Фрейд назвал бы сферой "бессознательного" т.е. скрытые, невербализованные конструкторы [127].

Обобщая работы, приведенные в данной части, можно сказать, что несмотря на различия в понимании этого феномена, всех их объединяет тенденция рассматривать социальную идентичность в контексте социализации индивида в связи с поиском ответа на вопрос, к какой социальной группе принадлежит человек, какой смысл, эмоциональную окраску и какие социально-структурные последствия имеет для него принадлежность к социальной общности.

1.2. Современные тенденции в исследовании социальной идентичности

Социальная идентичность интенсивно изучается сегодня в связи с проблемами миграции, интеграции, развития технических коммуникаций, глобализации и мобильности. Идентичность привлекает внимание многих ученых, которые пытаются выявить новые границы этого явления, его роль в поведении человека.

В исследовании социальной идентичности находят отражение проблемы расширения реальных и виртуальных границ, процессы глобализации [28, 376, 404, 475].

Эти проблемы актуализировали такую сложную мало исследованную тему, как соотношение когнитивных и лингвистических компонентов в социальной идентичности [325, 447]. Они стимулировали поиск новых направлений исследований в области самокатегоризации: согласованность и групповая поляризация; групповая солидарность, связь и притяжение; социальные суждения и стереотипы [350, 363]; внутригрупповое сравнение и социальная идентичность [334]; категоризация в усвоении языка и социальная идентичность [325] и другие.

Лингвистический подход к исследованию идентичности заслуживает своего внимания, поскольку большинство методик, которые применяют исследователи, основанно на самоотчетах, рассказах, вербальных описаниях. Он нашел свое отражение в создании этнолингвистической теории идентичности и в ряде практических работ. Р. Боурхиз доказывает, что социально-психологические процессы ассоциируются с самокатегоризацией на основе взаимодействия между языком и социальной идентичностью и что оценка языка и самоотчет о языковом поведении не всегда соответствуют реальному языковому поведению [325].

О значении лингвистических характеристик в самокатегоризации писали в свое время Дж. Тернер [499], Д. Абрамс и М. Хогг, которые обнаружили на примере Шотландии, что лингвистические стереотипы зависят от уровня самокатегоризации: межнационального или национального [390].

Несмотря на очевидную практическую значимость, лингвистическое направление исследований социальной идентичности еще очень слабо разработано в социальной психологии.

Надо отметить, что в последние годы вследствие многочисленных межэтнических конфликтов интенсивно изучается соотношение социальной и этнической идентичности [23, 27, 51, 122, 174, 244 и др.]. Тема национальных отношений и формирования этнической идентичности стала особенно актуальной под влиянием миграционных процессов, которые наблюдаются во всем мире. За несколько лет во многих странах были проведены исследования, направленные на изучение различных аспектов этнической идентичности. Важно подчеркнуть, что многие авторы рассматривают эту идентичность как разновидность социальной идентичности [144, 145, 204, 244, 274]. Среди зарубежных работ в данном направлении ярким примером могут служить исследования Дж. Салазара [446]. В структуре социальной идентичности, которую он предлагает, социальная категория выступает в качестве общей по отношению к национальной.

Проблеме соотношения этнических стереотипов и идентичности посвящены исследования Н. Эллемерс и П. Млиски, проведенные на польских и голландских студентах [363]. Надо отметить, что роль стереотипов в развитии групповых процессов, связанных с идентификацией, также находит свое место среди перечня современных направлений исследования социальной идентичности. Прежде всего они связаны с выявлением роли стереотипов в формировании группового статуса, межгрупповых различий и дискриминации [365, 383, 384].

Изучение содержания связи личностного и социального в структуре идентичности проводилось в сравнительных исследованиях. Так, Г. Маркус и С. Китаяма показали, что у американских студентов больше выражена концептуализация себя как независимого существа вне связи с другими людьми, в то время у японских студентов – своя независимость среди других людей [418]. Д. Бриквел описывает частные и коллективные характеристики,

сравнивая общественное Я с результатами межличностной ориентации, частное Я – с внутренним стандартом, коллективное Я – со знанием о групповом членстве [326].

В последние годы популярным объектом изучения являются межличностные гендерные взаимосвязи в соотношении с идентификационными характеристиками [229, 238, 433]. Новым веянием в изучении различных аспектов проблемы социальной идентичности являются исследования в области психологии управления, организационной психологии [361, 362, 364, 365, 366, 367, 368]. Популярной темой сегодня является исследование мотивации идентификации и ценностно-смыслового компонента идентичности [145, 308, 363, 379, 405].

Исследования социальной идентичности, направленные на изучение идентичности как ценностного компонента, соотносятся с более общей проблемой в социальной психологии, имеющей особое значение для понимания поведения и устремлений человека, а именно, с проблемой социального мира [283].

Современные исследователи обращаются к проблеме времени и пространства Я, что нашло отражение в понятиях "временной идентичности" и "идентичности с окружающей средой" [15, 25, 26, 28]. Временная идентичность рассматривается как дополнительный вектор в идентификационной системе, поскольку представления о характере отношений между прошлым, настоящим и будущим в соотнесении с событиями в жизни общества являются важнейшим компонентом образа мира. Идентичность с окружающей средой подчеркивает факт обитания человека в некоторой "жизненной среде", к которой можно отнести географический район его проживания, природные и климатические характеристики своей местности и многое другое [15].

Многие исследователи подчеркивают процессуальный характер идентичности [7, 8, 115, 148, 312, 400, 417]. Например, Ю. Л. Качанов считает, что иметь социальную идентичность – это значит в одно и то же время выйти из социальных отношений и войти в них. Поэтому социальная идентичность рациональна и рефлексивна по своей природе, она тесно связана с социальной идентификацией как механизмом становления идентичности и актом ее распознавания [115].

В отечественной литературе за последние 10 – 15 лет появилось много работ, посвященных социальной идентичности в контексте проблематики социального познания (Г.М. Андреева, Е.П. Белинская, О.А. Тихомандрицкая, Ю.П. Качанов), на примере исследования этнической идентичности (Г.У. Солдатова, Н.М. Лебедева, Т.Г. Стефаненко, В.Ю. Хотинец, З.В. Сикевич, А.П. Садохин, Ю.П. Платонов, и др.), гражданской идентичности (Ю.П. Здравомыслов, И.Ю. Киселев, А.А. Цуциев, В.А. Ядов, А.Л. Свенцицкий и др.).

Таким образом, изучение социальной идентичности связано с пониманием ее сущности и места среди других психологических процессов и явлений, а также прикладного применения этой проблемы в различных социальных сферах.

Тенденции изучения социальной идентичности

Вопрос о современных тенденциях изучения социальной идентичности, в которых выражаются направления исследований сущности и структуры социальной идентичности, является не менее сложным, чем проблема методологии.

Анализ теоретических и практических работ, посвященных изучению проблематики социальной идентичности, позволяет выделить некоторые тенденции в направлении изучения идентификационных процессов а) от персонально-ориентированного к социально-ориентированному; б) от

описательного к экспериментальному изучению; в) от социологического экспериментального изучения к социально-психологическому; г) от психологического и социологического к междисциплинарному.

Первая тенденция связана с динамикой изучения идентичности от личностной к социальной. В психологической литературе выделяются два основных типа идентичностей, которые точнее можно назвать двумя гранями идентичности: личностная (персональная) и социальная. В ряде работ они располагаются на противоположных осях, а иногда и на антагонистичных полюсах дихотомии, причем движение идет от личностного к социальному полюсу (292). Но можно встретить подходы, где рассматриваются и другие соотношения, например, социальная идентичность является своеобразным ядром личности, к которому подстраиваются личностные описания [468, 515]. Например, Л. Зучер, показывает, что даже явно асоциальные описания себя неумовимо зависят от частичных форм социальной организации [515]. В других подходах личностная идентичность является одним из компонентов ядра Я-концепции, благодаря своей постоянной выпуклости, поэтому социальная идентичность, если представить образно, расположена вокруг личностной как более широкий круг [417]. В то же время появляются работы, где само понятие "личностная идентичность" рассматривается как фикция, поскольку вся идентичность, все формы себя, самоконструкции должны быть социальными [314].

Интерес к проблеме соотношения социальной и личностной идентичности в настоящее время значительно повысился. Это связано с тем, что во многих странах в силу социальных изменений, необходимость самовыражения, самостоятельности, выбора своего независимого пути становится все более актуальной. Например, в России, Польше, Венгрии, Германии и других странах, переживающих период становления новых социальных отношений, становятся все более явными социальные требования к каждому конкретному

человеку, проявлению его индивидуальности в соответствии с профессиональными, культурными, этическими и другими нормами.

Диалектика развития представлений о соотношении социальной и личностной идентичности проявляется в том, что социальным, зависимым от контекста компонентам Я отводится все большее значение в общей структуре Я. Зависимость индивидуальности от социального контекста, обнаруженная в ряде современных исследований [505], еще раз доказывает, что взрослый человек не может быть полностью свободен от социального контекста. Возможно говорить лишь о некотором смещении объекта актуализации того или иного уровня абстрагирования при самокатегоризации [244].

Вторая тенденция изучения социальной идентичности проявляется в переходе от описательной к экспериментальной парадигме. Хотя в литературе первые работы, посвященные собственно социальной идентичности, носили экспериментальный характер [478, 479], тем не менее, им предшествовал значительный период, когда основным источником логических построений служили результаты наблюдения и самонаблюдения или, как в известном примере с Эриксоном, заявления известных ученых, взятые из личных писем, а не из теоретических работ [292].

Третья тенденция связана с изменением процедуры экспериментальных исследований. Первые эксперименты были лабораторными, разработанными под большим влиянием когнитивно направленных процедур [478, 479]. Но уже через несколько лет появляются попытки изучения реальных групп и групповых процессов. Особенно явно это проявилось в последние годы, отмеченные серьезными переменами. В этих условиях первыми предприняли попытку экспериментального изучения идентификационных процессов, происходящих в сознании людей в условиях трансформации общества, социологи. Они стали рассматривать социологическое изучение социально-идентификационных процессов в качестве той основы формирования

социальных интересов, которая составляет механизм становления гражданского общества [122, 141, 142, 213, 255, 285, 295, 296]. Затем появились социально-психологические исследования идентичности, направленные больше не на получение знаний о ее доминирующих проявлениях, а на анализ общественной обусловленности процесса познания и процесса познания социальных объектов, проявляющегося в том, как человек "работает" с социальной информацией [15, с.41].

Четвертая тенденция проявляется в том, что проблема сущности и формирования социальной идентичности из социально-психологической превращается в междисциплинарную. Как психологическая проблематика идентичность возникла на стыке как минимум трех направлений в психологии: общей, социальной и когнитивной. Но впоследствии под влиянием расширения объекта и предмета исследований идентификационных характеристик в различных отраслях психологической науки, таких, как этнопсихология, политическая психология, психология управления, появилась необходимость привлечения данных смежных наук (этнологии, истории, культурологии и др.) в процедуру анализа, интерпретации и прогнозирования.

Современной тенденцией исследований в области идентичности является поиск интегративных компонентов когнитивной системы, играющих роль регуляторов поведения и мышления в соответствующих условиях. Это можно выразить иллюстративно в следующем примере: "Я знаю, кто я и какое место занимаю в социальной структуре, поэтому я могу действовать и думать соответствующим образом".

Одним из первых, кто понял, что идентичность невозможно исследовать в рамках одного теоретического направления и даже одной науки был Э. Эриксон, который писал, что традиционный психоанализ не в состоянии постичь идентичность, потому что не выработал соответствующей

терминологии. В исследовании идентичности необходимо объединение усилий разных психологических направлений. Особую роль он отводил теории развития человека, которая попыталась подойти поближе к истокам идентичности [292].

Эриксон, придавший понятию идентичности статус самостоятельной научной категории, еще в 50-е годы предположил, что идентичность, и более точно, кризис идентичности, станет центральным понятием в психологии. Послевоенные события, а также бурное социальное развитие в 60 – 70 годы придали особую актуальность теме идентичности и привлекли к ней внимание не только психологов, но и специалистов из других областей знания: социологов, педагогов, философов и других.

В начале 70-х годов после потока молодежных страстей, который прокатился во многих странах мира и обострил отношения между поколениями, создатель структурной антропологии К. Леви-Стросс подтвердил предположение Эриксона, отметив, что кризис идентичности станет новой бедой века, привлечет внимание многих ученых и превратится из проблемы социально-философской и психологической в междисциплинарную [28]. В рамках данного направления проводились кросс-культурные исследования идентичности.

На протяжении последующих лет число работ, посвященных проблематике идентичности, неуклонно росло, и на состоявшемся в 1980 году первом мировом конгрессе, организованном Европейской Ассоциацией экспериментальной психологии, было представлено около двухсот междисциплинарных исследований персональной и социальной идентичности. Последнее двадцатилетие лишь подтвердило наметившуюся ранее тенденцию: проблема идентичности и сегодня продолжает оставаться актуальным интересом для исследователей в самых разных областях гуманитарного знания [28].

Подводя итог первой главы, подчеркнем еще раз следующий момент. Логика разработки понятия социальной идентичности развивалась от исследования персональной идентичности к собственно социальной, от лабораторных условий эксперимента к естественным, от узкоспециального к междисциплинарному изучению.

Исследование социальной идентичности осуществляется на стыке нескольких научных направлений: психологии личности, социальной психологии, психологии развития, когнитивной психологии. Поэтому ценностно-смысловой компонент идентичности является важным моментом, демонстрирующим место концепции как в теории познания, так и в области изучения мотивации, а также межличностного и межгруппового взаимодействия.

История становления проблемы социальной идентичности представляет собой переход от исследования отдельных составляющих, сопровождающих психодинамическое развитие, поведенческие реакции, к её целостному пониманию, места в структуре личности и роли в жизнедеятельности человека. Анализ теоретических подходов к пониманию сущности социальной идентичности показывает, что, несмотря на различия в понимании этого феномена, есть нечто общее для всех теорий. Социальная идентичность рассматривается в контексте социализации индивида в связи с поиском ответа на вопрос, к какой социальной группе принадлежит человек, какой смысл, эмоциональную окраску и какие социально-структурные последствия имеет для него принадлежность к этой группе. Образно говоря, можно сравнить роль социальной идентичности с компасом для ориентации в социальном мире, что прослеживается во многих теориях.

Социальная идентичность многими авторами рассматривается как категория, в которой выражается содержание социального опыта человека. Аналогичный пример мы находим в работах, посвященных социальной

психике [47, 223], авторы которых считают, что в процессе социализации, усвоения и воспроизводства социального опыта наблюдается сложнейшая диалектическая взаимосвязь многих компонентов психики. У человека появляется система представлений о себе, которая влияет на общение, поведение и деятельность. Социальный опыт определяет Я-концепцию, включающую когнитивный, эмоциональный и оценочно-волевой компоненты. Из взаимосвязанных индивидуальных аспектов Я-концепции складывается более общая (в смысле отнесенности к другим) категория – социальная психика, оказывающая обратное влияние на индивидуальную психику.

Это созвучно идеям А.Р. Лурия, который одним из первых в отечественной психологии показал, что путь формирования социальных компонентов самосознания не исчерпывается только перемещением содержания сознания и раскрытием сфер социального опыта и отношения к себе самому как к участнику общественной жизни. Он заключается в гораздо более фундаментальных сдвигах - в формировании новых психологических систем, способных отражать не только внешнюю действительность, но и мир социальных отношений и, в конечном счете, свой собственный внутренний мир, сформированный в отношении к другим людям. "И это формирование нового внутреннего мира можно считать одним из фундаментальных достижений" [157, с. 162].

Учитывая эту сложную взаимосвязь социальных и индивидуальных характеристик сознания, можно сказать, что социальное самосознание, компонентом которого является социальная идентичность, представляет собой многоплановое, динамическое и противоречивое образование, необходимое для отражения и реагирования на условия социокультурной среды [39, 53, 57, 106, 132, 214, 219, 220, 250, 277]. Его роль связана с социальной адаптацией, корреляцией, контролем и некоторыми другими

функциями. Оно оказывает влияние на практическую деятельность людей и обеспечивает социо- и психодинамику общественной жизни [165, 223]. В этом контексте можно отметить, что исследования социальной идентичности направлены на изучение идентификации как в нравственном, так и социальном пространстве [1].

Современной тенденцией исследований в области идентичности является поиск интегративных компонентов когнитивной системы, играющих роль регуляторов поведения и мышления в соответствующих условиях. Это можно выразить иллюстративно в следующем примере: "Я знаю, кто я и какое место занимаю в социальной структуре, поэтому я могу действовать и думать соответствующим образом". Идея "множественной интегрированной идентичности" отчасти отражает эту тенденцию.

Переход от узкогенетического анализа к социально-психологическому сопровождался расширением спектра проблем и развитием методологии исследования: новых, максимально приближенных к реальным условий эксперимента, многочисленного группового членства, временных и пространственных аспектов социальной идентичности, функциональных и структурных компонентов социальной идентичности [24, 28].

Благодаря введению в научный обиход понятия социальной идентичности открылись новые перспективы в социально-психологическом анализе [28].

На сегодня наиболее проработанной из всех известных теоретических подходов, является теория социальной идентичности (ТСИ), включающая в себя и теорию самокатегоризации (ТСК), разработанную А. Тэшфелем и Дж. Тернером. Обе концепции (ТСИ и ТСК), которые, по сути, входят в рамки одной теории социальной идентичности, используются как инструмент социального познания.

Отмечая значение ТСИ, Андреева пишет, что наряду с теорией социальных представлений С. Московиси концепция Тэшфела справедливо

считается выражением принципиальной позиции европейской социальной психологии, настаивающей на большей "социальности" социального познания, включения когнитивных механизмов в социальный контекст [15].

Конструкционистская модель анализа идентичности, которая получила распространение в современной науке под влиянием идей когнитивной психологии, позволяет решить задачи, связанные с поиском возможностей конструирования социальной идентичности и построения соответствующей системы ценностей.

Проведенный анализ показывает, что очень сложным вопросом в плане исследуемой проблематики является методология исследований социальной идентичности, поскольку эта проблематика формировалась в различных, даже, можно сказать, противоположных по своей сути направлениях.

Д. Абрамс выделил две основные группы концепций изучения Я, которые он распространил на представления о социальной идентичности: концепции структурных качеств Я и процессуальные концепции Я [305]. Хотя и не все концепции вписываются в эту схему, тем не менее, она отражает важные тенденции в изучении Я-концепции и социальной идентичности.

Гносеологическими предпосылками становления проблематики идентичности послужили две основные логики анализа, которые окончательно утвердились к середине нашего столетия: первая основана на структурно-функционалистской традиции, вторая – на феноменологической традиции в подходе к человеку [28]. Для первой характерно позитивистское решение проблемы человека в целом. Личность мыслится как объективно фиксируемая совокупность тех или иных элементов – личностных черт, функций, мотивов и других, что дает возможность выделения определенных ее инвариантов, позволяющих типологизировать разные "личности" и сравнивать их или друг с другом, или с некоторым эталоном, или с самими

собой в разные временные периоды. На методическом уровне эта личность сравнивается с другими и типологизируется.

Для второй характерна иная логика анализа личности, которая опирается на феноменологическую традицию в подходе к проблеме человека. На психологическом уровне обобщения этот взгляд представлен в основном гуманистическими теориями личности, в которых личность рассматривается как принципиально уникальная, неповторимая, экзистенциальная сущность. В силу этого – объективно не фиксируемая, не делимая на какие бы то ни было составные части, и – на методическом уровне – не сравниваемая и не типологизируемая. Следовательно, личность может определить саму себя только через отрицание каких-либо своих атрибутов (телесности, характера, социальных ролей) и выступать для самой себя как некоторая психологическая реальность лишь в intersubъектном взаимодействии с Другим. Соответственно понятие "норма" заменяется понятием самоактуализации, личностного роста и т.п. [28].

Мы согласны с тем, что подобное разделение помогает систематизировать методологические подходы к данной проблематике. В то же время необходимо добавить, что исследования идентичности проводились в рамках двух подходов, выделяемых по другому основанию: номотетического и идеографического, о которых еще в середине XX века писали Виндербельд, Олпорт, Дж. Келли. Идеографический подход, который продолжает традиции понимающей психологии, ориентирован на описание личности как особой уникальной целостности. В рамках идеографической психологии разрабатываются методические приемы, позволяющие взглянуть на мир глазами другого человека и не просто понять, но и объяснить и научиться предсказывать оценки и отношения конкретных людей. Идеографическая психодиагностика уже традиционно находится в противоречии с номотетической, основанной на подходе, ориентированном на выявление общих закономерностей и универсальных

механизмов развития и формирования личности. Внешне это выглядит так, будто номотетический подход связан с изучением человечества, а идеографический относится к изучению человека. Виндельбанд считал, что любая номотетическая дисциплина занимается общими законами и использует методики точных наук; любая идеографическая дисциплина является, по сути, описательной, например, история или биография [117]. Многие исследования предполагают сочетание этих двух подходов. Когда психолог описывает конкретный случай, проводит идеографическое исследование и хочет при этом, чтобы это описание имело хоть какую-то связующую смысловую нить, то он должен соотносить свой подбор релевантных фактов с принципами человеческого поведения, т.е. абстракциями событий. Это уже предполагает объединение некоторых положений неофеноменологов с более традиционной методологией.

Е.П. Белинская отмечает, что в ситуации абсолютизации логики структурно-функциональной традиции мы, по сути, неизбежно оказываемся в условиях потери самого объекта исследования, а при выборе в пользу феноменологической традиции – в ситуации невозможности конкретного эмпирического исследования, заменяя его "вчувствованием", "эмпатическим пониманием", "диалогом". В этом смысле введение в научный обиход понятия идентичность, казалось, приоткрывало выход из создавшихся тупиков, представляясь необычайно перспективным решением. В самом деле, с одной стороны, изначально задавая дихотомию "социальная – персональная", оно отдавало дань структурно-функционалистскому подходу, а с другой – отмечая известную реципрокность этих двух своих основных элементов, позволяло оставить место "неуловимой" личности феноменологической традиции [28].

В итоге можно отметить, что все приведенные выше подходы внесли свою лепту в развитие исследования проблематики социальной идентичности, что

важно учитывать при построении новых экспериментальных программ. Во многих подходах авторы приходят к идее целостности и структуры социальной идентичности, но эта идея не находит пока что должного развития. Для экспериментального исследования проблемы целостности и структуры социальной идентичности необходим комплексный подход, сочетающий в себе возможности нескольких научных направлений.

В нашей работе мы будем опираться прежде всего на следующие основные методологические подходы: теория социальной идентичности (А. Тэшфел, Дж. Тернер, Д. Абрамс, М. Хогг, Н. Эллемерс и др.); концепция конструктивного альтернативизма Дж. Келли; идеи социального конструкционизма (П. Бергер, Т. Лукман); концепция социокультурной детерминированности психических процессов и явлений (Л.С. Выготский, В.П. Зинченко, В.С. Агеев, А.Г. Асмолов, А.И. Донцов, А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия и др.). Кроме того, мы будем ориентироваться на подход к изучению процессов социального восприятия и познания в контексте реальных социальных групп, который разрабатывается кафедрой социальной психологии МГУ имени М.В. Ломоносова под руководством Г.М. Андреевой. В разделе, посвященном проблеме формирования идентичности, мы будем опираться на системно-деятельностный подход (В.Д. Шадриков, В.А. Якунин) и концепции формирования личности педагога как профессионала (Н.В. Кузьмина, А.К. Маркова, Л.М. Митина, Ю.П. Поваренков).

Глава 2. Феноменология и структура социальной идентичности

Вопрос о сущности и структуре социальной идентичности является очень трудным и запутанным, несмотря на большой поток экспериментальных исследований идентичности в зарубежной и отечественной психологии. Основные причины трудностей определения этого явления:

Во-первых, можно назвать ряд понятий, которые являются очень близкими, по своей сути социальной идентичности: "область специфической структуры знаний – схема Я" (domain specific knowledge structures, self-schemas), "последовательность идентичностей" (salient identities), "схема Я" (self-schemata), "ядро концепций" (core conceptions) [375, 417, 472 и др.], "комплекс знаний о себе", произрастающих из прошлого опыта (self-knowledge) и т.д.

Во-вторых, понятие идентичность часто используется, дополняя, уточняя, а нередко и заменяя собой более традиционные термины, такие как Я-концепция, образ Я, самость, социокультурное Я и т.д. Особенно это заметно при обращении к методикам ее изучения – в подавляющем большинстве случаев они остались теми же, что и при изучении личности вообще и Я-концепции в частности (семантический дифференциал, репертуарные решетки, списки черт, самоописания и т.д.). Во многих работах социальная идентичность включается в структуру самоконцепции [417, 420, 437 и др.]. Вместе с тем существует обширная традиция в исследованиях Я-концепции, в которой нет места для такой категории, как идентичность [28]. В них само понятие Я-концепции выступает в виде некоторой когнитивной или когнитивно-аффективной системы, сходной по функциям с идентичностью. Это приводит к тому, что сегодня оба понятия во многом выступают как синонимы.

В-третьих, в современных работах термин "социальная идентичность" представлен достаточно широко и рассматривается по отношению к различным понятиям, основными из которых можно назвать следующие: самовосприятие, категории, роли, элементы Я-концепции, схемы и ряд других. Очевидно, что эти понятия не являются рядоположными. Например, отнесение идентичности к разряду категорий для многих исследователей означает процесс ее порождения и развития, в то время как понятие роли – способ ее функционирования.

Все это создает определенные сложности в концептуализации данного понятия и определения его границ.

2.1. Понятие о социальной идентичности в психологии

Появление термина "идентичность" связывают с именами Э. Эриксона и Э. Фромма. Непосредственно предшествуют введению в психологию этого понятия работы З. Фрейда, который использовал термин идентификация.

Понятие – идентификация (отождествление) было предложено З. Фрейдом в работе "Массовая психология и анализ человеческого Я" и означало самое раннее проявление эмоциональной связи с другим лицом и способность к уподоблению другому [266]. В возрастной и социальной психологии этот термин употребляется в более широком значении, чем в психоаналитической, и обозначает имитацию, подражательное поведение, эмоциональное слияние с объектом [175, 211], но чаще используют понятие идентичность [160].

Обычно идентичность и идентификация разделяются по принципу процесса и результата. Так, С. Холл подчеркивает процессуальный характер идентичности, отмечая ее близость процессу идентификации, в ходе которого конструируются определенные характеристики, имеющие источник своего происхождения в узнавании некоторых общих оригинальных или распространенных характеристик других людей, групп или идей [382, 383].

Когда говорят "идентичность", акцент делают на некотором состоянии как на относительно конечном результате самоотождествления.

Идентификация – процесс, специфика психологических и социальных механизмов, ведущих к этому состоянию [242]. В то же время такая постановка вопроса не является очевидной. У многих авторов она вызывает сомнение. Можно сказать, что и Фрейд рассматривал идентификацию двояко, в смысле процессуальной и результативной сторон, а именно, как отнесение себя к определенной категории людей (я – отец, я – мать и т.д.) и как основу взаимной связи массовых индивидов, важную аффективную общность. Он считал, что в ходе идентификации личность обогащается качествами объекта, благодаря чему каждый человек является составной частью многих масс, с которыми он связан своими идентификациями [266]. Возможно, поэтому он использовал один термин, а не два. В дальнейшем термин идентификация сохраняет свое значение в работах по проблемам возрастной психологии, где он рассматривается как один из основных механизмов социализации [174, 175], в то время как в социально-психологической литературе большее применение находит термин социальная идентичность [15, 28, 101, 119, 145, 241, 244].

Определение понятия "социальной идентичности" появляется в работах А. Тэшфела, но у некоторых авторов это понятие присутствует в описательном виде без ссылки на точное определение и позволяет на основе логического обобщения сформулировать ту психологическую реальность, которую можно отнести к социальной идентичности. Также можно назвать ряд понятий, которые, как и социальная идентичность, рассматриваются в качестве центральной смыслообразующей характеристики личности, имеющей отнесенность к социальной общности. Это, например, "супер-эго" (З. Фрейд), "хороший и плохой Я" (Г. Салливан), "идеализированный образ" (Хорни),

"конструкт" (Д. Келли), "идеальное Я" (К. Роджерс), "личная определенность" (Т. Шибутани) и другие.

Можно отметить и некоторые другие понятия, близкие по смыслу идентичности, исследование которых внесло свою лепту в развитие современных представлений о социальной идентичности. Это, например, понятие "базовой личности" А. Кардинера, определяемое как манера вести себя, вступать во взаимодействие с другими людьми, общая для людей одной социальной группы [28]. Также близким понятием идентичности может быть названа самость. Например, И.С. Кон показывает, что в рамках экзистенциального подхода множественное Я не допускает однозначного толкования и не может быть ни объективировано, ни описано извне. Идентичность отождествляется с понятиями свободы и самости. По словам Киркегора, "самость" – "абстрактнейшая из всех вещей и одновременно самая конкретная, потому что она – свобода" [130, с. 141].

В зарубежной психологии близкими социальной идентичности понятиями отмечаются следующие: "область специфической структуры знаний – схема Я" (domain specific knowledge structures, self-schemas), "последовательность идентичностей" (salient identities), "схема Я" (self-schemata), "ядро концепций" (core conceptions) [375, 417, 472 и др].

Обобщая многочисленные работы, можно отметить, что социальная идентичность рассматривается прежде всего как когнитивная структура: "Я-концепция", "когнитивная организация", "субъективная схема", "категориальная система знаний", "внутренняя конструкция", "восприятие себя", "субъективные представления о себе" и т.д. Эта структура сопровождается определенными ценностными и эмоциональными проявлениями, а также влияет на поведение, стратегии жизненного выбора и т.д. [479, 483, 438, 355 и др.].

Когнитивно ориентированными авторами социальная идентичность определяется как категория, в которой выражается содержание социального опыта человека [397, 409, 414, 501 и др.] и которая выступает в процессе познания как порождение стабильного мира: она фиксируют устоявшееся, прочное [15]. При этом идентичность рассматривается как структура и как процесс. Поэтому, когда мир становится нестабильным, социальные категории как бы разрушаются. "Последствия этого отражаются на многих социальных группах: старшие поколения испытывают потерю идентичности, молодые – не могут определить свою идентичность" [15, с. 365–366].

В рамках ставшего уже классическим подхода А. Тэшфела социальная идентичность рассматривается как часть индивидуальной Я-концепции, которая произрастает из собственного знания о своем членстве в группе (или группах) вместе с оценкой и эмоциональным проявлением этого членства [479, 481]. Кроме того, социальная идентичность рассматривается в качестве когнитивной системы, которая выполняет роль регуляции поведения в соответствующих условиях. Д. Абрамс и М. Хог [391], развивая подход Тэшфела дают следующее определение: социальная идентичность – это часть самоконцепции как члена группы. Социальная идентичность функционирует как социальная категория, которая включается в систему знаний о себе [501].

Как известно, в философии категории обозначают общие, фундаментальные понятия, отражающие существенные и закономерные связи и отношения между явлениями реальной действительности. В психологии категории выступают как формы и организующие принципы мышления, которые воспроизводят свойства объекта в наиболее концентрированной форме. Не случайно, что именно категории стали центральным предметом исследования в рамках когнитивной психологии.

Близкое определение дает Д. Майерс (160), который считает, что социальная идентичность – это аспект мы в нашей Я-концепции. Вариант

ответа на вопрос: "Кто я такой?", базирующийся на нашей принадлежности к той или иной группе. Например, "я – русский", "я – психолог".

Многие из известных концепций идентичности построены на соотношении этого понятия с комплексом знаний о себе (self-knowledge), произрастающих из прошлого опыта, например, я независимый, я хорошо работаю с другими людьми, я робкий, я могу преодолевать стресс, я хорошая мама, учитель, футболист и т.д. Здесь возможны различные варианты понятий, например, часть социального Я, область самоконцепции, элементы социального мира и т.д. Но все они, по сути, связаны с Я-концепцией.

Ряд исследователей пытаются развить сложившиеся представления о социальной идентичности как области Я-концепции через анализ функционирования социального Я. Особенно явно это прослеживается в концепциях Г. Маркуса и М. Ярумович.

В концепции "социального и социокультурного Я" Г. Маркус относит социальную идентичность к структуре социокультурного Я. Он рассматривает Я как многоликую и динамическую сущность, активную, волевою и способную к изменениям, которая регулируется в наибольшей степени межличностным функционированием [420]. Существование Я связано с основными функциями: приводить к осмысленности и организации собственный опыт через чувства и деятельность; мотивировать деятельность, обеспечивая стимулы, стандарты, планы, стратегии и сценарии для поведения. Маркус и его последователи рассматривают социальную идентичность как самоконцепцию, которая формируется под влиянием разнообразных социокультурных факторов [420, 437].

Частью социального Я является социальная идентичность и в концепции М. Ярумович [397]. Анализируя подходы к описанию социального Я, автор объединяет их в две основные группы: первая рассматривает социальное Я

через набор индивидуальных социальных идентичностей, вторая ассоциируется со способностью людей к восприятию, узнаванию себя и созданию когнитивных представлений о собственной личности и социальных схемах. Содержание самоописания в сочетании с представлениями о других образует социальное Я и схему Мы. Автор разводит понятия социальная схема и социальная идентичность. В её концепции развивается идея о тонкой взаимосвязи различных компонентов личности, образующих социальное Я, в частности, изучается связь между схемами личности и статусами социальных идентификаций. М. Ярумович развивает тезис ТСИ, согласно которому сходство между собой и другими, членство в социальной категории способствуют процессу идентификации, который, в свою очередь, приводит в внутригрупповому фаворитизму и межгрупповой дифференциации.

Используя Я-концепцию в качестве родового понятия при объяснении феноменологии социальной идентичности, исследователи следуют сложившимся представлениям о Я-концепции как динамической системе представлений человека о самом себе, в которую входит как собственно осознание своих физических, интеллектуальных и других качеств, так и самооценка, а также субъективное восприятие влияющих на данную личность внешних факторов [33]. Поэтому перечень качеств, которые анализируются при изучении социальной идентичности, достаточно широк. Кроме того, к ним добавляется оценочный, смысловой аспект.

К области самосознания личности, которая складывается из обобщения человеческих реакций на мнение о нем окружающих людей, относит социальную идентичность Ч. Кули [351]. Он считал, что такая идентичность появляется в результате взаимодействия с другими людьми, усвоения общественных норм, ценностей, способов деятельности.

Г.М. Андреева, опираясь на современные исследования, включает социальную идентичность в группу элементов социального мира человека,

т.е. субъективной конструкции, влияющей на построение образа мира в целом [15]. При этом социальная идентичность рассматривается как отождествление индивидом себя с той или иной социальной группой (соотнесение Я с группой). Она отвечает на вопрос о том, что есть и где есть человек в социальном смысле, а именно, является способом организации для данного индивида его представлений о себе и о группе, к которой он принадлежит. Это значит, что в важным аспектом является то, что индивид делает в социальной структуре, которая определяет его идентичность, чем то, что он думает о своем месте в этой структуре.

Ряд авторов в качестве основного признака социальной идентичности выделяют чувство принадлежности к определенной социальной структуре. Э. Фромм рассматривал идентичность в связи с чувством принадлежности к какой-то целостной структуре. Социальная идентичность означает осознание человеком того, что он является частью социальной структуры и занимает в ней определенное, бесспорное положение. Она является результатом вхождения человека в общество и означает отказ от собственной индивидуальности в пользу принятых в обществе стандартов через отождествление себя с идеями, ценностями, социальными нормами других людей, через которые человек обретает социальную идентичность. Это своеобразное средство реализации потребности не быть одиноким [268, 269].

Э. Эриксон, хотя и определяет идентичность как внутреннюю непрерывность и тождественность личности, тем не менее в его подходе чувство принадлежности к социальной общности также отмечается существенным признаком этого явления. Социальная идентичность рассматривается автором как часть общей структуры личности, состоящая из определенных элементов, переживаемая субъективно, как чувство тождественности и непрерывности собственной личности при восприятии других людей, признающих эти тождество и непрерывность, в контексте с

различными видами социализации (профессиональной, этнической, религиозной и др.) и культуры [294].

Сочетание чувства принадлежности и осознания своего места в социальной группе является ключевым моментом подхода В.А. Ядова, который показывает, что социальная идентичность есть осознание, ощущение, переживание своей принадлежности к различным социальным общностям, таким, как малая группа, класс, семья, территориальная общность, этническая группа, народ, общественное движение, государство, человечество в целом. Чувство принадлежности к социальной общности, по его мнению, выполняет важные социальные и социально-психологические функции: обеспечивает подчинение индивида социальной группе (конформность), но вместе с тем – групповую защиту и критерии оценки и самооценки. Процессы социальной идентификации усиливаются в условиях трансформации общества, когда радикальные изменения происходят во всех без исключения социальных институтах, в системе ценностных структур и повседневных обыденных взаимоотношений между людьми, между индивидами и социальными институтами и организациями [296, 297].

Аналогично подходит к социальной идентичности З. Бауман, который рассматривает идентичность в контексте двух вопросов: "Кто я есть?" и "К чему я принадлежу?" Идентичность современных людей, по его мнению, отличается широтой и динамикой, поскольку мы живем в динамичном и виртуальном мире, поэтому и люди стали мобильными людьми. Идентичность в связи с этим выступает в качестве того личностного ядра, которое обеспечивает индивиду чувство защищенности и удовлетворения от нахождения в современном мире [320].

При таком подходе близкими социальной идентичности понятиями являются "статус", означающий принадлежность к социальной структуре, "роль" как социальная функция личности, соответствующая принятым

способам поведения в зависимости от статуса или позиции в обществе. Но в отличие от статуса и роли социальная идентичность – понятие глубоко личностное. Несмотря на явную зависимость от процесса взаимодействия, социальная идентичность – это продукт процесса самопознания и самотворчества. Поэтому она ближе к индивидуальным неповторимым особенностям личности, хотя и несет на себе отпечаток статусных позиций и ролей. На наш взгляд, отличие статуса и идентичности заключается в том, что в идентичности Я более обогащено качествами самого объекта, в ней сильнее выражен смыслообразующий ценностный компонент.

Теория ролей подготовила обращение исследователей к идентичности благодаря экспериментальным работам в изучении феноменологии малых групп и взаимовлияния личности и группы. В рамках ролевых теорий личности идентичность понималась как структурная совокупность различных ролей, интериоризируемых в процессе социального обучения.

Ролевой подход к понятию социальная идентичность разрабатывается многими авторами. Но в этом направлении первопроходцем признается Д.Г. Мид. В структуру социальной идентичности, по его мнению, входят взгляд человека на свою социальную позицию по отношению к другим и отражение точки зрения других на социальную позицию человека [428].

Ш. Струкер развивает подход Мида и определяют социальную идентичность как интериоризированную роль, соответствующую социальным позициям человека. Идентичность представляет собой комплекс гибких способов взаимодействий, пригодных в различных ситуациях человеческой жизни. Ролевые характеристики индивида глубоко социальны, потому что они связывают основные формы взаимосвязи индивида и его социального и культурного окружения. Роль определяет и представляет взаимосвязь и интериоризацию фундаментальных аспектов Я в процессе социализации, благодаря чему поддерживается связь индивида с обществом.

Поэтому ролевая концепция рассматривается авторами как мост между индивидуальным и социальным уровнями анализа [467, 468].

Роли обычно обеспечивают человека широким набором руководящих принципов поведения, функционирующих как общие перспективы, в которых Я может находить различные участки для индивидуального разнообразия. Мобилизация ресурсов индивида и мотивации поэтапно переходит в символическую роль, которая придает цель и значение действиям для индивида и других людей. В результате этого процесса происходит консолидация набора имиджей Я в ролях, которые отражают символическое взаимодействие как ролевую идентичность. Поэтому в структуре идентичности концентрируются внутренние представления о себе в отношении к другим. В этом смысле идентичность является внутренней схемой социального Я, позволяющей производить поведенческий и жизненный выбор.

В случаях, если все ролевые идентичности имеют одинаковый психологический вес, жизненный выбор будет наиболее трудным. Как правило, психологический вес ролей различен, и одни роли имеют большее значение для человека, чем другие. Поэтому можно придать каждой роли определенный ранг в индивидуальной социальной схеме на основе их субъективного эмоционального значения.

Так, например, В. Рейч, обобщая работы С. Розенберг, П. Де Бок и ряда других авторов: предлагает модель идентичности на основе видов ролей. Роли по-разному переживаются человеком и соответственно в различной степени принимаются к выполнению (принятие и обязательство).

Это отражено в следующей классификации ролей [198, 441]: "эквивалентные", если они сохраняются в том же значении в будущей группе; "множество – подмножество", если какая-то роль ограничивается будущей группой и дополняется другими ролями; "частичное совмещение", если роль

обобщена и в то же время имеет свое уникальное место в будущей группе; "особая", если роль ограничена уникальной ситуацией в будущей группе; "остаточная", если роль не очень хорошо вписана в общую структуру.

Таким образом, в этой модели идентичность человека рассматривается не только как часть реальной социальной структуры Я, но и как деталь его прошлого и будущего движения в социальном окружении. При этом ядром идентификационного развития являются вопросы типа: "Что я буду делать в будущем? "Каким меня видят в будущем другие?" Они подчеркивают субъективное видение того, кем я должен, могу и хочу быть. Это примерно то же самое, что Шленкер назвал желаемым образом идентичности, Левинсон – мечтой, а Маркус и Ньюриус развили эту идею и описали возможное Я [441].

Также вопросами идентичности являются ретроспективы, например: "Как я стал таким, какой я сейчас?" Чтобы ответить на них, человек должен сделать автобиографическое изложение своих стремлений и подумать над тем, кто он сейчас, по отношению к тому, кем он был в прошлом [352].

В идентичности прошлое, настоящее и будущее тесно переплетены. Это обеспечивает сохранение целостности и непрерывности человеческого Я, несмотря на социальные изменения.

Можно сказать, что В. Рейч рассматривает проблему социальной идентичности в контексте жизненного и социального выбора, определяя идентичность как комплекс многоаспектных характеристик взрослого человека [441]. Он развивает идею Эриксона, а также ряда других исследователей о том, что идентичность проявляется как результат взаимодействия между индивидуальным эго и окружающими социальной и культурной средой, а также символизирует диалектическую связь между потребностями и интересами самоидентификации и социальной идентификации [292, 328, 329, 423].

По его мнению, главная функция идентичности заключается в реализации чувства "глубоких корней", самооценности, достоинства, непрерывности во времени, целенаправленности, что является надежной основой для жизненного выбора. Здоровая идентичность включает в себя набор мнений о Я реальном, а также Я идеальном и Я вероятном, которые ассоциируются с одобрением, чувством вины и достоинством.

Определенным развитием ролевого подхода в исследовании идентичности является ситуативная теория идентичности, авторы которой С. Александер и М. Вилей определяют социальную идентичность в терминах, происходящих из диспозиционных атрибутов, которые возникают на основе восприятия происходящих событий [309]. В ситуативной идентичности выражаются наиболее типичные комбинации распространенных социальных действий. Важно подчеркнуть, что ситуативные идентичности – это не атрибуты личности или окружения, но суммирование взаимосвязи между ними, происходящей в тот или иной момент времени, которое позволяет более динамично интерпретировать отражение событий в эмоциональной жизни человека. Таким образом, они подчеркивают функцию идентичности, которая заключается в отражении ролевой структуры общества [439].

В отечественной психологии этот подход развивается в работах А.А. Цуциева, который рассматривает социальную идентичность как относительно устойчивое соотношение произвольно или произвольно выбираемых ролей в определенных коммуникативных контекстах [277].

В более когнитивно ориентированных направлениях исследования идентичности проявляется тенденция рассматривать социальную идентичность как субъективную схему, сеть социальных ролей, отражающую процесс социального взаимодействия, внутреннюю когнитивную схему и т.д.

Например, Г. Мак Кол и Д. Симонс, описывая устройство личности в терминах "сеть организаций", "сеть социальных взаимосвязей", "сеть

социальных ролей", отводят место социальной идентичности как третьему термину [423]. Именно сеть социальных ролей занимает главное место в их концепции общества как такового. Поэтому социальная идентичность является важным компонентом в структуре Я, обеспечивающим необходимую психологическую основу для того, чтобы более ясно определить место личности в социальной структуре взаимодействия.

Общество выступает как адаптированная детерминанта места расположения идентичности. В связи с этим авторы отмечают три важных момента:

Во-первых, отношение человека к обществу оказывается производным от сети усвоенных им социальных ролей. При этом человек пытается жить согласно простой ролевой идентичности, проявляющейся в двух процессах: межиндивидуальных, ответственных за когнитивную стратегию, и персональных, ответственных за специфическое восприятие происходящего.

Во-вторых, в процессе жизни у человека происходит много различных взаимодействий и взаимосвязей, в ходе чего идентичность структурируется. Появляется концепция "сети социальных взаимосвязей". Понятно, что управление сложными многочисленными взаимосвязями сложнее, чем простыми.

В-третьих, в сознании человека общество представлено как "сеть организаций", которые находятся в динамике и взаимосвязи и требуют соответствующего управления. Идентичность выполняет функцию внутренней сети социальных ролей, позволяющую упорядочить и привести к балансу весь комплекс социальных взаимосвязей.

В последующих своих работах авторы более четко приписывают ролевую основу идентичности, ссылаясь на символическое взаимодействие и объединение в роли соответственных образов Я [423].

М. Чандлер, изучающий взаимосвязь между культурной жизнеспособностью и здоровой идентичностью, считает, что идентичность – это внутренняя конструкция (схема), которая позволяет человеку сохранить чувство протяженности и стабильности во времени [344]. В связи с этим он выделяет два вида идентичности: человеческую идентичность (human identity) и социальную идентичность. Все остальные виды идентичности, такие как, гендерная, профессиональная, семейная, национальная, в данном контексте важны не в такой степени, как первые два.

Аналогичную точку зрения высказывал в своих работах К. Шейбе. Описывая человеческую идентичность, он апеллировал к слову "существование" (being), что соотносится с постоянством Я. Социальная идентичность имеет другой ярлык "существование в определенном месте" (being - in - place) [448].

В ряде подходов подчеркивается сам факт объединения человека с другими через социальную идентичность, а также выделения Я. Так, Ю.П. Качанов определяет социальную идентичность как символическое средство объединения с одними и отдаления от других. Главное назначение идентичности заключается в мобилизации человека – носителя общественных отношений [115].

Социальная идентичность автором рассматривается в контексте социальных отношений и обозначает, что есть и где есть человек в социальном плане. Она входит в структуру генерализованных, значимых отношений личности через ценностно-смысловое отождествление с позицией в социальном пространстве. Смыслообразующая функция социальной идентичности придает ей личностную значимость.

Социальная идентичность устанавливается как следствие двух процессов: объединения и различения, в ходе которых человек определяет, кто из других людей занимает сходные с ним позиции, и отделяет всех остальных. Поэтому

ее истинный смысл связан со всеми сходствами и противопоставлениями общественной жизни. Иметь социальную идентичность – это значит в одно и то же время выйти из социальных отношений и войти в них [115].

Аналогично М. Бревер допускает, что социальная идентичность представляет собой восприятие себя как уникальной единицы и соответствует групповой взаимозависимости так, как это объективно определено [331].

В своих исследованиях автор уделяет большое внимание проявлениям индивидуализма и коллективизма в идентичности по отношению к различным ситуациям. Например, изучая поведение человека в условиях социальных дилемм, она выявила, что люди проявляют разную степень ориентации на социальные цели в зависимости от того, какие качества у них выражены: коллективистические или индивидуалистские. Социальная идентичность основана на компромиссе между ассимиляцией (стремлением быть в группе, разделять ее цели и ценности) и дифференциацией (стремлением отличаться от других групп). Механизмы сопоставления и сравнения, установления сходства и различия позволяют реализовать ассимиляцию и дифференциацию.

Люди, которые формировались в условиях тесных связей с группой (коллективом), проявляют большую тенденцию к ассимиляции, и, наоборот, индивиды, становление которых проходило в индивидуалистической культуре, более склонны к процессам дифференциации [331].

Ряд авторов рассматривают социальную идентичность в качестве личностного или социального конструкта. Т.Г. Стефаненко рассматривает социальную идентичность (на примере этнической идентичности) как один из социальных конструктов, возникающих в процессе субъективного отражения и построения индивидом социальной реальности [244].

В традициях французской школы исследований, заложенных в работах С. Московиси, социальная идентичность рассматривается сквозь призму теории социальных представлений, которые помогают человеку воспринимать себя частью общей системы. Идентификация человека с группой предполагает формирование группового самосознания, групповых представлений. Поэтому социальная идентичность выступает как категориальная система знаний субъекта о своем месте в социальном окружении [73, 431, 432].

С. Московиси вводит понятие идентификационной матрицы как модели организации сознания индивида. Это специфическая категориальная система знаний субъекта, основу которой составляют различные принадлежности или идентичности: общечеловеческая, половая, религиозная и другие. Распределением информации в идентификационной матрице руководит доминирующая в данный момент идентичность или группа идентичностей. Она определяет взгляд на мир, угол зрения человека в какой-то момент времени. Идентичность, которая становится ведущей в данный момент, организует соответствующую иерархию и порядок.

Развитием этого подхода могут служить работы У. Дойза, который также анализирует социальную идентичность в контексте социальных представлений [358, 359].

В его подходе идентичность может изучаться как когнитивная организация, ориентированная на метасистему социальной регуляции. Для иллюстрации этого тезиса он доказывает, что существует общее знание идентичности; организационные принципы, регулирующие индивидуальную позицию в процессе взаимодействия, связаны с общим знанием системы; такой порядок регулируется социальными включениями и опытом.

Изучение идентичности как социального представления, по его мнению, вполне возможно. В его исследовании, проведенном на подростках Греции и

США, было показано, что в обеих странах наблюдается максимальная связь между фактором физического имиджа и самоуважения. Общие знания отражают то, как индивиды определяют себя, других и взаимосвязь между ними. Применение этих знаний к себе высоконормативно, поэтому наблюдаются сходные результаты в представлениях разных людей. Это особенно важно исследовать в многокультурных условиях [358, 359, 414].

Из приведенных примеров видно, что в литературе противоречиво описывается место социальной идентичности среди других личностных образований. Выражен подход, согласно которому социальная идентичность вместе с личностной идентичностью образует единую когнитивную систему – Я-концепцию [8]. В этом смысле Я-концепция регулирует поведение человека, делая более выраженным осознание либо социальной, либо личностной идентичности. Большая выраженность в самосознании социальной идентичности влечет за собой переход от межличностного поведения к межгрупповому, основной чертой которого является то, что оно контролируется восприятием себя и других с позиции принадлежности к социальным категориям. Когда на первый план в Я-концепции выходит социальная идентификация, личность начинает воспринимать себя и других членов своей группы как имеющих общие, типичные характеристики, которые и определяют группу как целое. Это ведет к акцентуации воспринимаемого сходства внутри группы и воспринимаемого различия между теми, кто относится к разным группам [8].

Если говорить о месте социальной идентичности в структуре личности в целом, то этот вопрос также не получит однозначного ответа, поскольку связан с различными традициями в изучении личности. В этом вопросе нам ближе феноменологический подход (Э. Гуссерль, М. Вебер), который а) позволяет рассматривать социальную действительность прежде всего как продукт конструирования нашего знания о ней; б) признает субъектность в

отношении к человеку, а именно, способность к интерпретации своих впечатлений о мире относит к важнейшей способности личности; в) придает большое значение субъективному истолкованию человеком целей своего социального поведения. Также нам близко конструкционистское понимание социальной идентичности, которое позволяет рассматривать изучаемое явление не только как социокультурно обусловленный компонент личности, но и как активно выстроенную субъектом знаниевую схему социальной среды, позволяющую эффективно ориентироваться в социальном окружении, находить там свое место и, главное, создавать перспективы для саморазвития.

Сложным вопросом является проблема соотношения социальной идентичности и самосознания, которое в общепсихологическом плане понимается как осознание и оценка человеком самого себя как субъекта взаимодействия, практической и познавательной деятельности [211].

Согласно наиболее распространенной точке зрения самосознание как процесс включает в себя осознание и оценку человеком самого себя как субъекта практической и познавательной деятельности, как личности (т.е. своего нравственного облика и интересов, ценностей, идеалов и мотивов поведения). В этом смысле оно свойственно не только индивиду, но и обществу, классу, социальной группе, нации, когда они поднимаются до понимания своего положения в системе общественных отношений, своих общих интересов и идеалов. В самосознании человек выделяет себя из окружающего мира, определяет свое место в круговороте природных и общественных событий [211].

Поскольку мерой и исходным пунктом отношения человека к себе выступают прежде всего другие люди, самосознание по самому существу носит общественный характер [263, с.566]. Сознание включает отношение субъекта как к различным ценностям (философским, научным, политическим, нравственным, эстетическим, религиозным и др.), так и к

самому себе, выступая тем самым в виде самосознания, которое также имеет социальную природу [263, с. 596]. На уровне самосознания формируется целостный образ собственного Я, т.е. прежде всего когнитивный компонент Я, поскольку в нем выражено знание человека о своих отдельных особенностях.

Самосознание определяется социальным опытом и формируется в процессе общения и деятельности. Это и предпосылка и в то же время следствие социального взаимодействия. Можно выделить различные области самосознания: физическое, когнитивное, социальное и т.д. Все они носят социальную природу. Социальное самосознание означает определение себя как члена социальной группы, как носителя определенных социальных ценностей и норм, как объекта для сравнения себя с другими людьми и т.д.

В широком междисциплинарном смысле понятия социального самосознания и социальной идентичности тесно смыкаются. Но на более конкретном, операциональном уровне рассмотрения они вовсе не являются синонимами, а находятся в сложном взаимоотношении. С одной стороны, социальная идентичность не исчерпывает все проявления социального самосознания, она представляет собой лишь его когнитивно-мотивационное ядро. И в этом смысле она уже, чем самосознание. С другой стороны, она содержит в себе слой как сознательной, так и бессознательной самоидентификации, поэтому в этом смысле может рассматриваться шире, чем самосознание. Но в любом случае социальная идентичность – это та область психологии самосознания, которая изучается наравне с Я-концепцией.

Можно предположить, что идентичность входит в структуру качеств, образующих психологическую основу сознательного поведения. Человеческое поведение складывается из ряда приспособлений к жизненным условиям, но каждый субъект должен прийти к соглашению с самим собой

точно так же, как и с другими особенностями своего мира. Чтобы это было возможным, индивид должен знать, кто он и что он значит для самого себя.

Идентичность имеет проявления в аффективной и смысловой сфере личности, в поведении, стратегиях жизненного выбора человека. Она функционально придает целостность, непрерывность и определенность личности, обеспечивает сходство с одними людьми и категориями и отличия от других. Поэтому можно сказать, что социальная идентичность представляет собой когнитивно-мотивационное ядро личности [324]. Это динамическая характеристика, которая меняется под влиянием различных обстоятельств. Потребность в социальной идентичности проявляется не только в желании принадлежать какой-то общности, но и в стремлении реализовать себя в комплексе своих качеств, как социальных, так и личностных.

Принадлежность к социальной группе формируется в определенной культурной среде. Она предполагает первичное разделение всех на своих и чужих и может привести как к сотрудничеству, так и противоборству. В связи с этим социальная идентичность может рассматриваться в качестве одного из важных инструментов, который оказывает влияние на ценности, стратегию, поведение человека.

Итак, проведенный нами анализ теоретических работ по данной проблематике показал, что в современных работах термин "социальная идентичность" представлен достаточно широко и рассматривается по отношению к различным понятиям, таким, как категории, роли, элементы Я-концепции, схемы и ряд других. Надо отметить, что эти понятия невозможно рассматривать как рядоположные. Например, отнесение идентичности к разряду категорий для многих исследователей означает процесс ее порождения и развития, в то время как понятие роли – способ ее

существования и функциональность. Также сложно расположить понятия идентичности в зависимости от общего научного подхода, которому следует автор, поскольку современной тенденцией изучения этого феномена является комплексный, междисциплинарный подход.

Идентичность определяется через понятия, относящиеся прежде всего к когнитивным структурам: "когнитивная организация", "субъективная схема", "категориальная система знаний", "внутренняя конструкция", "восприятие себя", "субъективные представления о себе" и т.д. Да и классическое определение идентичности как части Я-концепции также носит явно выраженный когнитивный характер, поскольку в нем главным ключевым словом выступает "знание".

Кроме того, идентичность используется, дополняя, уточняя, а нередко и заменяя собой более традиционные термины, такие, как Я-концепция, образ Я, самость и т.д. [28].

Категория идентичности представлена в аффективной и смысловой сфере. Многие авторы подчеркивают, что когнитивная структура сопровождается соответствующими ценностными и эмоциональными проявлениями, а также влияет на поведение, стратегии жизненного выбора.

Согласно точке зрения практически всех исследователей идентичности, принадлежность к той или иной общности - "зависимая переменная".

Расширяется число исследований, в которых социальная идентичность рассматривается на междисциплинарном уровне, в рамках нескольких научных подходов, например, социально-психологического, когнитивного, личностного и др.

Таким образом, социальная идентичность выступает как категория индивидуальная, но связанная с социальной ролью, позицией или статусом. Она рассматривается в контексте социализации индивида и связана с поиском ответа на вопрос, к какой социальной группе принадлежит человек,

какой смысл, эмоциональную окраску и какие социально-структурные последствия имеет для него принадлежность к социальной общности.

2.2. Виды и функции социальной идентичности

Проблема видов идентичности является очень сложной, поскольку в современной литературе можно отметить большое разнообразие точек зрения относительно того, что подразумевается под видами идентичности и какие критерии могут быть положены в основу их классификации [51, 119, 144, 145, 225, 241, 244, 274, 372, 512].

Как известно, понятие вида относится к концептуальному аппарату логики и рассматривается в соотношении с родом [263, с.89]. Эти понятия служат для выражения отношения между классами: из двух классов тот, что содержит в себе другой, называется родом, а тот, что содержится – видом. В этом смысле они соотносятся как часть и целое. В то же время род и вид обладают определенными признаками, причем характеристики вида соответствуют родовым: от рода возможны различные пути к виду, но от вида – только один путь к роду (там же, с.89). В отношении рода и вида выделяются два аспекта: содержательный и объемный, поэтому в классификации отношения между объектами возможны на основе связи понятий или связи объемов.

При определении видов социальной идентичности в качестве родового признака выступает понятие социальной идентичности, взятое в широком смысле этого слова, т.е. оно применимо к любым группам.

Традиционно вопрос о видах социальной идентичности решается по аналогии с теми социальными группами, членом которых воспринимает себя человек. Чаще всего за основу классификации различных видов социальной идентичности берут тип социальной общности, к которой может

принадлежать человек, например, этническая (национальная), социальная, культурная, гражданская, профессиональная и т.д. Они отражают разные компоненты социальной отнесенности [119, 512 и др.]. Кроме того, выделяются компоненты структуры идентичности в зависимости от выраженности личных или социальных аспектов Я, сознательных или бессознательных признаков, полного или частичного включения в группу, непосредственного или опосредованного членства и т.д. [244].

В литературе наблюдается эклектичность в ответе на вопрос о видах идентичности, которые выделяются от трудно сопоставимых признаков, например: от выраженности личных или социальных аспектов Я (личностная или социальная идентичность), сознательных или бессознательных признаков (сознательная или бессознательная), полного или частичного включения в группу, непосредственного или опосредованного членства и т.д. Интересно, что бессознательная идентичность проявляется в ряде признаков, например, можно считать себя представителем одной группы, но при этом проявлять качества, характерные преимущественно для другой. Частичная идентичность проявляется при многогрупповом членстве, когда человек воспринимает себя членом нескольких общностей (семья, профессиональная, спортивная группы и т.д.). Непосредственная идентичность осуществляется через группу, близкую той, к которой субъективно относит себя человек, но по каким-то причинам не может принадлежать ей непосредственно.

Соотношение личностной и социальной идентичности

В современной психологической литературе выделяют два основных вида идентичностей, которые точнее можно назвать двумя гранями идентичности: личностная (персональная) и социальная идентичности. Хотя З. Фрейд в свое время и писал, что противопоставление индивидуальной и социальной психологии, которое на первый взгляд может показаться столь значительным, теряет свою остроту при ближайшем рассмотрении [266, с. 71], тем не менее,

до сих пор в психологии проблема идентичности рассматривается в двух своих видах: личностной и социальной.

Вопрос относительно их соотношения между собой является очень сложным, поскольку, с одной стороны, это два различных вида идентичности как таковой, с другой, личностная идентичность сопровождает представления человека о групповой принадлежности и в этом смысле является необходимым элементом социальной идентичности.

Интерес к проблеме соотношения социальной и личностной идентичности в настоящее время значительно повысился. Это связано с тем, что во многих странах в силу социальных изменений необходимость самовыражения, самостоятельности, выбора своего независимого пути становится все более актуальной [9, 28, 86, 99 и др.].

В то же время некоторые авторы считают, что современная сравнительная социальная психология, имеющая тенденцию быть слишком оптимистичной и некритичной во взгляде на Я со стандартной точки зрения индивидуализма и индивидуальности, уделяет минимальное внимание социальной идентичности в общем анализе Я, поскольку социальная идентичность – это не просто другой аспект персональной идентичности [328]. Поэтому во всех направлениях социальной теории и практики можно отметить и новый всплеск интереса к социальным парадигмам исследований [314].

Распространенной точкой зрения является рассмотрение этих видов идентичности как полюсов одной дихотомической оси. Движение идентификационных процессов осуществляется от одного полюса к другому. В тех случаях, когда хотят акцентироваться на проблеме самовыражения, выбора, переходят на полюс личностной идентичности, когда изучается место человека среди других, ценность и эмоциональная значимость группового членства, полюс меняется на противоположный.

Однозначного отношения к самому факту существования этой дихотомии нет, хотя есть попытки вывести рассмотрение идентичности из этой плоскости и найти какое-то другое измерение для выявления соотношения этих видов идентичности (например, соподчиненность одного вида идентичности другому). Например, в работах Л. Зучера, Ш. Струкера социальная идентичность включает в себя все виды идентичности, а у Э. Эриксона, наоборот, она соподчинена личностной идентичности; иной вариант – социальная и личностная идентичность соотносятся как пересекающиеся круги [417, 420]. Несмотря на то, что традиционно личностная и социальная идентичность расположены на противоположных полюсах одной оси, исследователями признается тот факт, что различие между ними натянуто и произвольно.

Обычно личностная идентичность имеет отношение к тем качествам и характеристикам, которые мы видим в себе и которые индивидуальны. Если кто-то отвечает на вопрос, "Кто вы?" – утверждениями типа: "Я скучный", "Я слишком много нервничаю", то обычно эти ответы относят к их личной идентичности. Хотя в каждом из этих утверждений можно обнаружить социальный подтекст, соотнесение себя с определенными групповыми канонами и критериями.

Изучение проблематики соотношения личностной и социальной идентичности восходит к работам У. Джемса, который в конце XIX века разработал концепцию осмысления личностью своей самотождественности, своих границ и места в мире [69]. Джемс показал, что человек думает о себе в двух плоскостях, а именно, в личном (I), где создается личностная самотождественность, и в социальном (Me), где формируется многообразие социальных Я индивида. Эти две плоскости – стороны одного целостного образования (Self).

По сравнению с терминологией Джемса ("два аспекта Я") в современной литературе данная проблема формулируется в плане двух видов идентичности – личностной и социальной. Если личностная идентичность – это самоопределение в терминах физических, интеллектуальных и нравственных черт индивида, то социальная идентичность – самоопределение в терминах отнесения себя к определенной социальной группе [15, с. 181].

Дальнейшее развитие эта проблема получила у Э. Фромма. В работе "Бегство от свободы" Фромм вводит понятие персональной и социальной идентичности [267]. Персональная идентичность является результатом индивидуализации человека. Через отождествление себя с идеями, ценностями, социальными нормами других людей человек обретает социальную идентичность. Это своеобразное средство реализации потребности не быть одиноким. У Фромма индивидуальное и социальное находятся в противоречии: персональная идентичность предполагает раскрытие индивидуальности, а социальная идентичность означает отказ от собственной индивидуальности в пользу принятых в обществе стандартов.

3. Эриксон отмечает, что на каждой стадии развития у ребенка должно быть чувство, что его личная, персональная идентичность, отражающая индивидуальный путь в обобщении жизненного опыта, имеет и социальное значение, значима для данной культуры, является достаточно эффективным вариантом и групповой идентичности. Для Эриксона персональная и социальная идентичность выступают как некоторое единство, как два полюса одной дихотомии, две грани одного процесса.

В концепции А. Тэшфела социальная идентичность выступает как категория индивидуальная, но связанная с социальной ролью, позицией или статусом, т.е. хотя дихотомия присутствует, но она не признается как абсолют, а лишь как возможное соотношение двух видов идентичности [479].

Предлагая идею о наличии межличностного – межгруппового континуума, в котором располагаются все поведенческие реакции человека, Тэшфел имел в виду, что такое деление поведения представляет собой лишь смещение акцентов рассмотрения поведения. И в том и в другом случае действует человек как некоторая целостность, но в одном случае он ведет себя как более или менее независимое существо, принимающее решение на основе каких-то собственных критериев, во втором – как член группы, выполняющий требования группы [244].

Согласно Тэшфелу социальная категоризация есть система критериев, которая создает и определяет конкретное место человека в обществе [483]. Социальное поведение человека в соответствии с этой позицией рассматривается по отношению к гипотетическому континууму, на одном полюсе которого расположены варианты социального поведения индивидов, полностью обусловленные влиянием группового членства, а на другом – такие формы социального взаимодействия, которые полностью определяются индивидуальными характеристиками субъекта. Личный – социальный, таким образом, являются подсистемами Я-концепции, полюсами одной дихотомии, которая регулирует социальное поведение личности. Они представляют собой равнозначные структуры, по-разному определяющие самоопределение человека: первая – в терминах физических, интеллектуальных и нравственных черт, а вторая – в терминах субъективной принадлежности к различным социальным категориям (полу, этносу, профессиональной группе и т.п.). Это своеобразная мерка с помощью которой можно "измерить" и объяснить различные варианты социального поведения.

Нечто подобное прослеживается и в работах Дж. Тернера, согласно которым социальная и личная идентичности представляют собой не столько различные формы идентичности, сколько различные формы самокатегоризации. В своей гипотезе Тернер отметил наличие реципрокной

зависимости между двумя подсистемами Я-концепции. Это значит, что актуализация личностного уровня идентичности подавляет социальный полюс самокатегоризации, снижая количество ролевых, стереотипных самопроявлений, и, наоборот, актуализация групповой идентичности тормозит установки и поведение, порождаемые личностным уровнем самокатегоризации, и ведет к деперсонализации [501].

В отечественных работах близкая точка зрения прослеживается в работах В.С. Агеева, который считает, что личностные и групповые начала находятся в обратных и даже реципрокных отношениях друг к другу [7, с.211]. Отчасти это подтверждается в исследованиях трансформаций в идентификационной структуре под влиянием социальных изменений [40, 57, 156, 195, 515]. По нашему мнению, несмотря на эмпирическую ценность этих данных, они не могут служить основанием для окончательных выводов, поскольку сам факт снижения социальной идентичности в посттоталитарном обществе и повышения персонального Я не означает того, что личность теряет групповые начала.

Различия социальной и личностной идентичности авторы описывают не как простую дихотомию, а, следуя за Тернером, как сложный иерархический континуум, имеющий полюса от индивидуальной уникальной идентичности до широкой человеческой идентичности с набором различных социальных идентификаций в промежутке. На каждом одном уровне иерархии следующий уровень уже в какой-то мере представлен, что обеспечивает релевантное социальное сравнение.

Дж. Тернер отметил наличие реципрокной взаимозависимости между этими двумя подсистемами Я- концепции [389]. Он считал, что усиление одной идентичности приводит к снижению другой, иными словами, актуализация личностного уровня идентичности подавляет социальный полюс само- категоризации, снижая количество ролевых, стереотипных само-

проявлений и, наоборот, актуализация групповой идентичности тормозит установки и поведение, порождаемые личностным уровнем само- категоризации. Таким образом поведение на полюсе социальной идентичности (в дихотомии личный- социальный) ведет к деперсонализации, т.е. подчинению мышления, восприятия и поведения индивида требованиям групповых стандартов, норм, стереотипов, прототипов, в большей степени, чем индивидуальным нормам и стандартами. Это может продуцировать внутригрупповой фаворитизм, социальные стереотипы восприятия и нормативное поведение. Как было позже исследовано, деперсонализация возникает под влиянием многих факторов, таких, как размер группы, анонимность, отвлечение внимания, ослабленное самосознание и т.д. [314].

В ТСК социальная идентичность и личная идентичность – это не различные формы идентичности, но в большей степени различные формы самокатегоризации [397, 485].

Таким образом, в концепции Тэшфела и Тернера утверждается значимость межгрупповых отношений наравне с межличностными, что в итоге и задает более высокий уровень приспособления человека к социальной действительности [28, 484, 485].

Ж-К Дешам и другие представители швейцарской науки развивают идею о комплементарности между личностной идентичностью и социальной идентичностью и расположенности их в одном ряду в качестве равных элементов Я [353, 354]. Например, в исследовании взаимосвязи между личностной и социальной идентичностью, проведенном Ж.-К. Дешамом и Т. Дево, было показано, что в ситуации персонализации, т.е. при усилении различий между Я и другими внутри группы, одновременно возрастает и дифференциация между группами, что невозможно при наличии расположенности этих видов идентичности на различных полюсах одной

дихотомии [355]. Это дало основание авторам отказаться от рассмотрения социальной и личностной идентичности как двух полюсов одного континуума и предложить ковариативную концепцию, в которой эти элементы являются ортогональными, не связанными между собой. В то же время авторы подчеркивают, что в определенных случаях может наблюдаться и противопоставление идентичностей друг к другу.

Также Г. Стефенсон аргументировал, изучая переговоры и сделки, что оба вида поведения могут оперировать симультанно. Поэтому возможен конфликт между социальным контекстом и частично индивидуальным [464].

Диалектика развития представлений о соотношении социальной и личностной идентичности проявляется в том, что социальным, зависимым от контекста компонентам Я отводится все большая роль в общей структуре Я [244]. Зависимость индивидуальности от социального контекста, обнаруженная в ряде современных исследований еще раз доказывает, что взрослый человек не может быть полностью свободен от социального контекста. Возможно говорить лишь о некотором смещении объекта актуализации того или иного уровня абстрагирования при самокатегоризации.

Выше уже отмечалось, что есть работы, где само понятие "личностная идентичность" рассматривается как фикция, поскольку вся идентичность, все формы себя, само-конструкции, должны быть социальными [314, 504, 514]. В этом подходе наблюдается попытка преодолеть разделение и противопоставление личностного и социального. Но это не значит, что авторы, работающие на полюсе социальной идентичности, отвергают лично ориентированную проблематику. Когда они говорят, что различия между личным и социальным – это надумано и фикция, то они имеют в виду, что социальное всегда и везде продуцируется вместе с индивидуальным [314].

Этот спор еще раз свидетельствует о том, что различия между личным и социальным, между группой и индивидом являются большой проблемой в социальной психологии. Здесь уместно вспомнить дебаты, которые велись в начале XX века по поводу идеи "групповой ум". Например, Ф. Алпорт считал, что все группы в конце концов уменьшают роль членов группы и их индивидуальную психологию [310]. С другой стороны, У. Мак Даугол считал, что такое уменьшение невозможно, объединение индивидуумов в группы не приводит к минимизации каждого элемента [424].

В подходе к проблеме соотношения личностной и социальной идентичности мы будем опираться на работы сторонников теории социальной идентичности, суть которых в данном контексте заключается в том, что социальная психология должна быть подлинно социальной. Это значит, что необходимо понимать феномены социальной психологии, а не объяснять их в терминах индивидуальных, элементарных свойств [390, 493, 494]. В этих работах особый акцент делается именно на социальной идентичности, поскольку предшествовавшие им "индивидуалистические" подходы изучения самосознания "грешили" тем, что пытались объяснить важнейшие реальности социального взаимодействия, исходя лишь из личностной идентичности человека [8]. Мы согласны с теми авторами, которые считают, что у социализированного человека все идентификационные характеристики носят социальный характер. Говоря "я добрый" или "я красивый" человек соотносит свои представления о себе с определенной референтной группой или группами. Поэтому в эмпирической части нашего исследования все характеристики идентичности, которые выявляются в ходе тестирования, наблюдения и опросов, будут рассматриваться нами как компоненты социальной идентичности.

Функции социальной идентичности

В отношении вопроса о функциях социальной идентичности наблюдаются также противоречивые точки зрения [7, 8, 15, 119, 145, 245, 274 и др.]. Как правило, в психологических исследованиях функция связана с продуцированием определенного результата [278]. Но трудность приложения этого определения к проблеме социальной идентичности заключается в запутанности представлений о целях функционирования идентификационных структур.

В связи с анализом функций социальной идентичности уместно вспомнить слова М. Хога и Д. Абрамса, которые писали, что основная человеческая потребность заключается в конструировании смыслов и порядка из шумного, запутанного, жужжащего необработанного сенсорного опыта. Поэтому наиболее важные функции процесса идентификации помогают людям найти их место в социальной структуре, обрести смысл и систематизировать сенсорный опыт [392].

Многие исследователи отмечают, что социальная идентичность обеспечивает одновременно следующие процессы [115, 243, 296]: дифференциации, которые проявляются в определенности границ, целостности и независимости Я, признании социальной принадлежности как личностно значимой ценности; интеграции Я, которые проявляются в субъективном объединении себя с другими людьми, что осуществляется не спонтанно, а на основе сравнения и оценивания других.

Социальная идентичность является средством не только интеграции, но и выбора путей этой интеграции с другими. Например, учитель, социальная функция которого связана с высокими моральными ценностями, определяя более широкую группу – педагогическое сообщество и еще более общую – человечество, будет при этом выстраивать ценностно значимые для людей ниточки этой интеграции. Человек с низкими моральными ценностями идет

другим путем, а именно, он выстраивает логику интеграции на основе потребления или истребления и т.д.

В процессе анализа и обобщения сложившихся представлений о социальной идентичности, мы выделяем следующие *основные функции социальной идентичности*:

- ориентационная (поиск своего места в мире),
- структурная (сохранение определенности, соотношение детерминизма и неопределенности);
- целевая (приспособление, построение модели поведения);
- экзистенциальная (прогнозирование, собственный духовный потенциал).

Таким образом, несмотря на различия в подходах к феноменологии и функциям идентичности, несомненным является то, что социальная идентичность функционально придает целостность, непрерывность и определенность личности, обеспечивает сходство с одними людьми и категориями и отличия от других. Изучение социальной идентичности направлено на понимание механизма и последствий отнесения человеком себя к какой-то социальной группе. В отношении представления о видах идентичности, основные дискуссии сконцентрировались вокруг личностной (персональной) и социальной идентичностями. Поэтому в следующем параграфе будет уделено внимание этому вопросу.

2.3. Мотивационная и ценностно-смысловая основы идентификационных процессов

В современных исследованиях идентичности центральными проблемами выступают вопросы о мотивации идентификации, ценностно-смысловой основе идентификационных процессов.

Начиная с Тэшфела, психологи подчеркивают связь идентичности с чувством самоуважения, поскольку потребность в позитивном самоуважении удовлетворяется в условиях усиления идентификационных процессов через релевантное позитивное сравнение своей группы с чужими [337]. Самоуважение рассматривается как основной мотив межгрупповой дискриминации, а следовательно, как основная мотивация идентификации [485, 493, 499], которая действует на социальном и индивидуальном уровне, приводит в движение социальное поведение и влияет на тенденцию позитивно оценивать собственное членство в группе [496], а также увеличивать позитивное самоуважение [306, 391].

Поскольку ТСИ носит когнитивно-мотивационный характер, в ней рассматриваются две модели категоризации, ответственные за социальную стабильность (социальные изменения) и самоуважение. М. Билинг предположил, что они представляют собой когнитивно-мотивационный конструкт [324]. В свое время Дж. Брунер подчеркивал, что контекстуальная последовательность различных социальных идентичностей может быть рассмотрена в связи с тем, насколько они пригодны в жизни, имеют значение для человека [39]. Это помогает дать объяснение социальным изменениям в терминах категоризации, а также подчеркнуть роль социокультурных и контекстуальных факторов в поведении. Мотивационный процесс максимально необходим для обеспечения смысловой структуры, а категоризация – для реализации этой задачи.

В вопросе содержания мотивации многие исследования развивают теорию социальной идентичности, поэтому самоуважение рассматривается как основа процесса саморазвития. Но в то же время подчеркивается, что мотивация самоуважения связана со многими другими компонентами Я, такими как, система знаний о себе, смысл, баланс и постоянство, сила и контроль, самооффективность, самооценивание [306, 391]. Поэтому в

дальнейших исследованиях, хотя и делается основной акцент на потребности в самоуважении, изучаются и другие виды побуждений, в частности, мотивация достижения хорошей психологической структуры группы [391], сокращения, смены группы [426], противоречия в мотивации [473] и т.д. О наличии других видов мотивации идентификации, кроме самоуважения свидетельствуют результаты ряда современных исследований [145, 146, 363].

В ряде работ делается попытка выйти на новый уровень исследования мотивации самоидентификации, определить потребность в идентичности шире, чем необходимость принадлежать какой-либо группе или общности. В них изучается множественная интегрированная идентичность, связанная со стремлением реализовать самоидентификацию по отношению к сложно организованной общности [340, 371, 444].

Исследование ценностно-смыслового компонента, который, по определению А. Тэшфела является необходимым атрибутом идентичности [479, 484, 486], занимает важное место и в современных работах. Так, А. Аклаев подчеркивает, что ценностный компонент идентичности выходит на первый план, поскольку каждое общество нуждается в обязательном наборе ценностей, на которые могут опираться его граждане [308].

Отнесенность СИ к ценностям подчеркивается практически во всех известных подходах: Э. Эриксона, Э. Фромма, Ч. Кули, Ш. Струкера, Г. Брейкуэлл и других.

Мотивация идентификации многими авторами рассматривается как внутренне присущая идентификационным процессам составляющая, поэтому во многих работах подчеркивается связь социальной идентичности с мотивацией [324, 333, 392 и др.]

Надо отметить, что исследование мотивации идентификации зашло в тупик, поскольку слабо оформлены представления о структуре и функциях

идентичности. В ТСИ основным мотивом межгрупповой дискриминации, а следовательно, основная мотивация идентификации, начиная с А. Тэшфела, рассматривается самоуважение [335, 484, 495, 496, 500]. Некоторые современные авторы пытаются оспорить универсальность мотивации самоуважения и доказать наличие других видов побуждений [146, 333, 441 и др.], но они также не выходят на анализ множественности мотивации.

Вопрос о мотивационном компоненте социальной идентичности имеет глубокую историю, поскольку мотивационная функция идентичности так или иначе всегда была одной из центральных проблем в исследованиях социальной идентичности [241]. В связи с этим интерес исследователей вызывали два вопроса: почему у человека возникает стремление к идентификации и какое место занимает потребность в идентичности в структуре мотивации.

Э. Фромм связывает социальную идентичность с потребностью избегания одиночества и является одним из наиболее сильных движущих мотивов поведения. Эта потребность составляет сущность человеческого бытия и проявляется в желании ощущать себя частью окружающего мира [267].

Э. Эриксон, определяя психосоциальную идентичность как внутреннюю непрерывность и тождественность личности, считает ее необходимым условием выживания человека, сохранения его внутренней целостности и стабильности [294]. Из его последующих работ можно заключить, что мотивационный компонент идентичности включает в себя базовые потребности, связанные прежде всего с выживанием и адаптацией.

Наиболее распространенная точка зрения относительно мотивации идентификации заключается в признании мотива самоуважения в качестве ведущего. Начиная с Джемса, который в своей знаменитой формуле связал, по сути, два параметра: идентификацию и самоуважение [69], идентификация

определяет не только цели человека, но и уровень его самоуважения и самооценку.

Вопрос о мотивации отнесения себя к какой-либо социальной общности, а также движения из одной группы в другую был поставлен в работах Г. Тэшфела и Д. Тернера [482, 483, 493, 500]. Потребность в позитивном самоуважении рассматривалась ими как фундаментальная человеческая мотивация, которая удовлетворяется в условиях усиления идентификационных процессов через релевантное позитивное сравнение своей группы с чужими [335]. При этом Тернер подчеркивал, что такое предположение о функции мотивации самоуважения не является аксиомой, но лишь основой для широких исследований.

Благодаря работам А. Тэшфела и его последователей самоуважение рассматривается как основной мотив межгрупповой дискриминации, а следовательно, как основная мотивация идентификации [337, 484, 485, 493, 500]. Мотив самоуважения действует на социальном и индивидуальном уровне. Он приводит в движение социальное поведение и влияет на тенденцию позитивно оценивать собственное членство в группе [496]. Эта идея была развита М. Хогом и Д. Абрамсом, которые, начиная с 1988 года, разрабатывают концепцию самоуважения [307, 391]. По мнению Э. Тессер, сильнейший и универсальный мотив, который действует на социальном и индивидуальном уровне, – это мотив думать хорошо о самом себе, иметь позитивную оценку идентичности или позитивное самоуважение. Неудача успешно приписывать себе мотив самоуважения часто рассматривается как психологическое нездоровье. Этот мотив приводит в движение социальное поведение и влияет на тенденцию позитивно оценивать собственное членство в группе, социальные категории принадлежащие нам [496].

Эта мотивация действует не только при соотнесении себя с той группой, к которой реально принадлежит человек, но и с группой, к которой человек

реально принадлежит. Тест Брауна "быть поклонником", позволяющий выявить, как меняется отношение человека к самому себе под влиянием взлетов и падений его кумира, показал, что наше собственное самоуважение может расти и падать вместе с успехом или неудачей объекта нашего восхищения [334]. Этот же метод можно рассматривать как способ изучения социальной идентичности. В качестве кумира человек выбирает такого носителя социальных атрибутов, с которым можно идентифицировать в чем-то и самого себя или укрепить определенное представление о себе. Социальная идентичность всегда привязана к некоторым социальным отношениям, происходящим в социальной группе. Если психологические удачи соотносятся нами с определенными социальными отношениями, то они идентифицируются с этими отношениями. Человек считает, что он достиг успеха, потому что не ошибся в выборе группы [334].

Более подробное и экспериментально обоснованное воплощение проблема мотивации социальной идентификации нашла в работах М. Хога и Д. Абрамса, которые, начиная с 1988 года, разрабатывают концепцию самоуважения, заключающуюся в том, что основным мотивом самоидентификации является самоуважение [307, 389, 390, 391, 393]. Согласно этой гипотезе межгрупповая дискриминация возникает под влиянием желания индивида достичь и увеличить позитивное самоуважение. Авторы сфокусировали свое внимание на роли процесса самокатегоризации, который, как они предполагали, отвечает за психологическое формирование групп (социальную идентичность), групповую нормативность (стереотипы, прототипы), самовосприятие и поведение [391].

В ТСИ самоуважение рассматривается как основа процесса саморазвития и как один из первичных человеческих мотивов, что подчеркивал Тэшфел еще в своих ранних работах [477, 479]. Эта мотивация имеет большое значение в жизни человека. Изучив многочисленные работы по социальной

мотивации, Абрамс и Хог пришли к выводу о том, что мотивация самоуважения связана со многими другими компонентами Я, такими, как: система знаний о себе, сила и контроль, самоэффективность, самооценивание и т.д. [391]. Поскольку ТСИ носит когнитивно-мотивационный характер, в ней рассматриваются две модели категоризации, ответственные за социальную стабильность (социальные изменения) и самоуважение. М. Билинг предположил, что они представляют собой социально-мотивационный конструкт [324].

В свое время Дж. Брунер [37] подчеркивал, что контекстуальная последовательность различных социальных идентичностей может быть рассмотрена в связи с тем, насколько они пригодны в жизни, имеют значение для человека. Это помогает дать объяснение социальным изменениям в терминах категоризации, а также подчеркнуть роль социокультурных и контекстуальных факторов в поведении. Мотивационный процесс максимально необходим для обеспечения смысловой структуры, а категоризация – для реализации этой задачи. Соответственно поведение может проявляться различным образом, например, в межгрупповой дискриминации, уступчивости, межгрупповом нормативном соревновании, повышении или понижении самоуважения, которые исходят из социокультурных и контекстуальных факторов.

Важно подчеркнуть, что мотивация идентификации необходима для последовательной самоконцептуализации и поиска своего смысла. В этом проявляется гуманистический характер ТСИ.

Таким образом, мотивация самоуважения связана с тем, что у человека есть желание самооценивания, позитивного отношения к себе, что является мотивационной основой для дифференциации между группами.

Абрамс и Хог выявили, что успешная межгрупповая дискриминация увеличивает социальную идентичность, а также самоуважение. В этом

смысле самоуважение является специфическим продуктом определенных форм межгруппового поведения. Кроме того, угнетение самоуважения или угроза ему повышают межгрупповую дискриминацию. Поэтому можно сказать, что самоуважение – это мотивирующая сила для специфических форм межгруппового поведения. М. Хог и Д. Абрамс доказали наличие мотива самоуважения в процессе формирования мотивации. В то же время в дальнейших исследованиях они показали роль и других видов побуждений, в частности мотивации достижения хорошей психологической структуры группы [307], сокращения, смены группы [426, 473, 473] и т.д.

В современных исследованиях потребность в идентичности рассматривается как одна из наиболее значимых [145, 241, 244]. К основным потребностям относят стремление к идентичности и А. Маслоу и Г. Мюррей, которые отводили для потребности в идентичности определенное место в своих иерархиях [241]. Маслоу включал ее в число потребностей "роста", которые удовлетворяются в социальных отношениях [164], а Мюррей обозначил ее как потребность в аффилиации [241].

За последние годы во многих странах мира были проведены многочисленные исследования этого вопроса, направленные на понимание динамики этой мотивации, ее влияния на различные психические и поведенческие характеристики. Например, исследовалась роль мотивации самоуважения в достижении успеха [28, 333]. Данные показывают, что дифференциация между членами вне и внутри группы повышает самоуважение и тем самым способствует успеху [305, 391, 395].

В других экспериментах изучалась связь самоуважения с предубеждениями. Эта тема особенно актуальна сегодня в связи с необходимостью управления многочисленными социальными конфликтами. Была выявлена позитивная связь уровня самоуважения с характером

предубеждений, что позволило логически предположить, что к собственной группе возникает позитивное отношение, и движение к достижению и сохранению позитивной личной и социальной идентичности прямо ведет к определенному ментальному или социальному устройству межгрупповых и внутригрупповых отношений, которое усиливает позитивную внутригрупповую дифференциацию [315]. Поэтому проявлениями этой дифференциации могут быть предубеждение и враждебность, идущие от негативного оценивания других групп [348, 472].

Исследования показали, что предубеждения по отношению к различным меньшинствам, порождаемые большинством членов группы, имеют свою стоимость для общества: цену игнорирования; цену моральной амбивалентности; экономическую цену [457]. Из этого следует организационный вывод о том, что мотивацию самоуважения необходимо учитывать в плане развития демократического общества, которое должно давать возможность уважать себя всем законно существующим группам.

Надо отметить, что мотивация самоуважения признается основной в перечне побудительных причин идентификационного поведения. В вопросе содержания мотивации многие исследования развивают теорию социальной идентичности, согласно которой социальная идентичность – это категория, выражающая тождественность самому себе. Индивиды стремятся достичь позитивной разницы с другими людьми через эту категорию для увеличения и сохранения самоуважения. Поэтому исследования направлены на понимание того как идентичность связана с категориями группового членства и поведением человека [390].

В то же время появляется все больше исследований, которые показывают, что существуют и другие виды мотивации самоидентификации, в частности, мотивация достижения хорошей психологической структуры группы [390], сокращения, смены группы [391, 426], противоречия в мотивации [473] и т.д.

Оригинальный подход к исследованию мотивации идентификации развивает Н.М. Лебедева, которая на основе результатов этнопсихологических исследований трансформации социальной и этнической идентичностей на постсоветском пространстве строит вектор изменения процессов идентификации от потребности в самоуважении к потребности в смысле [144, 145]. Автор аргументирует, что в нестабильном обществе в целях лучшей адаптации к меняющимся условиям у людей проявляется тенденция определять себя через те социальные категории, принадлежность к которым не является престижной или уважаемой. Проблема идентификации в этой ситуации состоит в том, чтобы сначала найти "свою" группу, определиться в неопределенной социальной реальности, поэтому ведущей может стать именно потребность в смысле, а не самоуважении [144, с. 51].

Кросс-культурные различия в мотивации идентификации выявлены, например, в исследовании П. Млиски и Н. Эллемерс, которые показали, что кроме мотивации самоуважения (быть лучше) в идентификационных процессах действует мотивация отличия (быть отличным от других). Они выявили на примере изучения стереотипов у польских и голландских студентов, что в некоторых случаях стремление к обретению собственной национальной идентичности является более важным, чем создание позитивного национального имиджа [363].

В исследовании этнической идентичности, проведенном Г.У. Солдатовой, рассматриваются три тесно взаимосвязанных вида мотивов: аффилиативные (мотивы привязанности), статусные (мотивы самоуважения и достоинства), архитипические (мотивы безопасности). В них выражаются три составляющие потребности в этничности: потребность в этнической принадлежности, потребность в позитивной этнической идентичности, потребность в этнической безопасности [241, с. 28-29]. Все эти потребности можно отнести к базисным.

Таким образом – самоуважение рассматривается как основной, но не единственный мотив внутригрупповой дискриминации при допущении, что есть также и другие важные мотивы, такие, как самосохранение или самооценивание [391]. Но также можно отметить наличие и других мотивов, которые вызывают идентификационный процесс, например, "не быть одному", "самооценивание", "знание себя", "самоусиление" и т.д. В целом можно сказать, что вопрос о мотивационной стороне идентификационного процесса изучен еще явно недостаточно.

В эмпирической части нашего исследования будут рассматриваются три составляющие мотивации идентификации: архитипические (потребность в самосохранении), мотивы самоуважения и мотивы развития. Мы исходим из того, что в зависимости от преобладающего уровня идентичности можно говорить о ведущей мотивации, которая поддерживает личность на этом уровне и придает направление поиску своего места в социальной структуре. Более того, по нашему мнению, по выраженности той или иной мотивации в структуре личности можно сформулировать гипотезы и о ведущем уровне идентичности.

2.4. Проблема анализа структуры социальной идентичности

Трудности изучения структуры социальной идентичности связаны с тем, что для большинства исследователей этот вопрос, во-первых, был производным от вопроса о ее развитии, а во-вторых, конкретные решения его, по сути, не выходили за рамки эриксоновского деления идентичности на персональную и социальную [28]. Кроме того, вопрос о структуре идентичности тесно связан с общими методологическими позициями автора, которые, как было показано в предыдущих главах, достаточно противоречивы и не позволяют выйти за пределы сложившихся стереотипов в изучении этого вопроса.

Проблема целостности социальной идентичности вытекает из работ многих авторов. К этой идее приходят, когда анализируют происхождение идентичности [167, 351, 468], подчеркивают ее основную функцию, которая заключается в сохранении целостности и непрерывности Я несмотря на социальные изменения [309, 358, 359, 423 и др.].

Но также можно отметить работы, где социальная идентичность рассматривается как феномен, но не как некоторая целостность, являющаяся предметом специального изучения (М. Бревер, Д. Майерс, С. Холл, М. Ярумович и др.). Также достаточно большое количество исследований направлено посвящено отдельным видам идентичности (этническая, профессиональная, гражданская и т.п.) и направлено на анализ их признаков, способы конструирования, зависимость от социального контекста [241, 277, 274, 317 и т.д.]. Эти работы показали, что проблематика социальной идентичности еще не заняла места, адекватного тому значению, которое она имеет для круга проблем социальной психологии.

При анализе психологической структуры социальной идентичности необходимо учитывать сложившиеся представления о структуре явлений. Под структурой подразумевается совокупность устойчивых связей между множеством компонентов объекта, обеспечивающих его целостность и тождественность самому себе [211, с. 387].

Важно подчеркнуть, что представление о структуре проводится на основе принципа системности, т.е. психическое явление рассматривается как система, не сводимая к сумме своих элементов, обладающая структурой, а свойства элемента определяются его местом в структуре [211, с.363]. Конфигурация и характер связей внутри системы и являются ее структурой, остающейся неизменной при изменениях (в определенных пределах) системы, например, при изменении состава элементов [211, с. 387].

Согласно точке зрения В.В. Новикова, любая структура представляет собой единство целого и составляющих его элементов, что предполагает между целостностью и каждым элементом наличие ряда сложных подструктур, т.е. промежуточных структур различных уровней. При переходе от структуры более высокого уровня к структуре более низкого уровня или (что то же самое) при выделении подструктур различного уровня следует руководствоваться принципом "необходимости и достаточности". Это значит, что каждый раз число подструктур целого должно включать в себя все элементы этого целого и вместе с тем не должно быть более того. Степень зависимости сущности целого от каждой из его подструктур не равнозначна. Есть более или менее существенные для целого подструктуры, но не может быть совсем не существенной подструктуры целого [183, с. 56].

Структура – это не просто единство целого, связей подструктур с целым, а многоэтажная пирамида, каждый этаж которой является одновременно основанием для следующего и немислим без него, хотя автор предполагает и наличие других конструкций [183].

Традиционно структура (от лат. *structura* – строение, расположение, порядок) понимается как совокупность устойчивых связей объекта, обеспечивающих сохранение его основных свойств при различных внешних и внутренних изменениях; основная характеристика системы, ее инвариантный аспект [263]. Поэтому при анализе структуры практически неизбежно обращение к понятию системы, что делает еще более сложным изучение психологической структуры социальной идентичности. Проблема в том, что в различных научных направлениях существуют свои толкования понятия системы. Например, в работе В.Н. Садовского приводится более 30 определений системы, которые используются в различных областях науки и практики [180]. Поэтому очень важно при планировании исследования очертить границы изучаемого явления. В нашей работе мы опираемся на

понятие системы, разработанное в рамках концепции системогенеза профессиональной деятельности В.Д. Шадрикова [278]. Кроме того, мы учитываем те представления о системе, которые сложились в конструктивистской психологии Дж. Келли [403].

Согласно концепции системогенеза, которая широко применяется при анализе психологических явлений [112, 180, 205, 279, 280 и др.], система – это структура, рассматриваемая в отношении определенной функции, отвечающая следующим критериям: 1) нечто целостное, отличное от окружающей среды; 2) целостность носит функциональный характер; 3) целостность, дифференцируемая на конечное множество взаимосвязанных элементов, обладающих качественно-количественной определенностью; 4) отдельные элементы взаимодействуют в соответствии с общей целью и назначением системы; 5) свойства системы не сводятся к свойствам образующих ее компонентов; 6) система находится в информационном и энергетическом взаимодействии с окружающей средой; 7) система изменяет характер функционирования в зависимости от информации о полученных результатах; 8) системы обладают свойствами адаптивности [180, с.210].

Используемые в литературе понятия "система", и "функциональная система" при таком подходе являются синонимами, поскольку система всегда носит функциональный характер. "Динамическая система" – это система, развивающаяся во времени, изменяющая состав входящих в нее компонентов и связи между ними при сохранении функции [278].

Поэтому когда говорят о структуре, то обычно имеют в виду некоторую целостность, элементы которой связаны друг с другом определенным образом, при этом важны и связи и особенности (свойства) последних.

Система – это структура, но более совершенная, настроенная на достижение определенной цели, при этом успешность достижения цели функционирования системы определяется не столько свойствами отдельных

ее компонентов, сколько характером их взаимосвязей и взаимовлияний. Чем совершеннее организация элементов, тем теснее их взаимосвязи, тем эффективнее "работает" система. Любая система – это структура, но не каждая структура обладает признаками системы. На ранних этапах системогенеза объект выступает лишь как структура и только в процессе функционирования и развития приобретает системные свойства. Один и тот же результат может быть получен в результате функционирования разных по структурным характеристикам систем; одни и те же элементы могут образовывать разные по целевому назначению системы [180].

Процесс развития системы рассматривается как системогенез и означает формирование компонентного состава, установление и совершенствование взаимосвязи элементов, их развитие, т.е. оптимизацию исходной структуры в соответствии с назначением (целями и функциями) системы [180]. Поскольку компоненты или элементы структуры, системы – это условно неделимые и относительно сопоставимые ее части, то компонентный анализ структуры, системы представляет собой определение совокупности элементов, образующих структуру, систему. Функция (элемента, системы, структуры) – продуцирование определенного результата [180, 278]. Следовательно, структурно-функциональный анализ – это определение значимых связей элементов структуры и их функционального значения в плане обеспечения достижения цели.

Эти представления о системе и структуре явления дополняются идеями о психологической системе, которые разрабатываются в рамках конструктивного альтернативизма, в частности, предполагается, что любая психологическая система имеет определенный диапазон пригодности и фокус пригодности. Внутри событийной области системы есть подобласть проблем, где эта система имеет тенденцию работать лучше всего [117]. Каждый человек создает свои собственные способы видения и понимания мира, в

котором он живет, социальных взаимоотношений и взаимозависимостей. Согласно этому видению он строит конструкты и применяет их к сложившимся социальным отношениям. Время от времени его конструкты организуются в системы – согласно Келли, группы конструктов, объединяемые субординатными и суперординатными отношениями. Поэтому одни и те же представления о себе могут часто рассматриваться в свете двух или более систем, которые имеют специфический фокус и ограниченный диапазон пригодности.

Социальная идентичность – это индивидуально-личностная характеристика, которая придает человеку определенность, задает границы его места в социальном мире.

Структура социальной идентичности представляет собой совокупность устойчивых связей между компонентами идентичности, которые обеспечивают ее целостность и тождественность самому себе. В связи с этим можно выделить генетически и онтологически разные подструктуры (уровни). В реальности компоненты структуры (системы) идентичности взаимосвязаны. Качественное своеобразие идентификационной структуры определяется содержанием отдельных компонентов и их взаимосвязей.

Функция структуры социальной идентичности заключается в обеспечении приспособления к новым социальным условиям и сохранении определенности.

Мы считаем, что главный фокус пригодности идентификационной системы находится в зоне сохранения определенности и приспособления к изменяющимся условиям социальной среды. Напрашивается аналогия идентификационной системы с индивидуальностью в плане обеспечения неповторимости человека, его сходства с одними и отличия от других.

Поэтому в структуре идентичности, так же как и в структуре индивидуальности, можно выделить компоненты, обеспечивающие

адаптацию человека как биологического существа (индивид), субъекта деятельности (субъект) и субъекта общественных отношений (личность) [14]. В генетическом плане эти структуры представляют собой уровни индивидуальности. Каждая подструктура (уровень) образуется взаимосвязанными элементами, которые в процессе познания могут выступать как самостоятельный объект исследования, обладающий собственной качественной определенностью. На каждом из уровней появляются свои специфические закономерности развития и функционирования, отличные от закономерностей других уровней [165], вместе с тем имеют место общие закономерности развития и функционирования индивидуальности как некоторой целостности, которые действуют в отношении всех ее элементов и подструктур (уровней): закон функционирования целостности развития, неравномерность, гетерохронность, стабильность развития, его кумулятивный характер, закон социального опосредования развития и др. [180, с. 213].

Исследователи социальной идентичности исходят из того, что это явление имеет сложную структуру, поэтому изучение направлено на выявление отдельных компонентов идентичности, значимых связей между ними, иерархического упорядочения элементов.

Количество идентичностей ограничено, несмотря на множественность группового членства, которое усиливается пространственно-временными характеристиками идентичности [28]. Существует определенная иерархическая структура идентичности, в которой лишь немногие представления о своем групповом членстве оказываются значимыми для поведения и мышления. Можно говорить о системе идентичностей, о структуре этой системы, системо-образующем факторе, критериях поддержания целостности, мотивах. Поэтому конечное количество идентичностей не может быть большим. Каждый человек специфичен. В

экспериментах, проведенных нами было выявлено, что человек может назвать достаточно много своих социальных признаков. Но лишь несколько из них будут играть существенную роль в его жизни и заслуживать особого внимания, в то время как остальные оказываются ситуативными и незначительными. Вопросы о том, какие характеристики преобладают в структуре социальной идентичности (ролевые, ситуативные), а также о сознательном и бессознательном членстве в группе являются очень сложными.

Попытки построить упорядоченную модель идентичности выявляют сложность и противоречивость этого вопроса [119, 244, 297, 345, 358, 359 и др.]. Трудным для изучения является вопрос о взаимовлиянии различных видов идентичности, иерархическом построении социальной идентичности [297]. По мнению многих авторов, социальная идентичность имеет сложную структуру, в которую включаются элементы субъективной схемы, отражающей принадлежность к социальным общностям, а также убеждения и ценности, в которых проявляется единство активизирующего, оценочного и смыслового функционального значения идентичности [241, 297].

Первым упорядочил различные виды идентичности Дж. Тернер, выдвинув гипотезу о существовании трех уровней самокатегоризации – уровней идентичности [499, 503]:

- суперординатный высший уровень – определение себя как человеческого существа;
- промежуточный (средний) уровень – определение себя в терминах группового членства, например, профессиональных;
- субординатный, подчиненный уровень – определение себя как уникального индивида.

Практически все эти уровни категоризации выявляются при ответах на вопрос теста "Двадцать утверждений" [138, 150]. Выделение этих уровней

весьма относительно, поскольку они тесно взаимосвязаны друг с другом. Кроме того, они так организованы, что включают в себя друг друга: высшая категория включает в себя все низшие. В дальнейшем эта гипотеза проверялась в различных работах, которые в основном конкретизировали данные уровни [328, 329, 397 и др.].

Обращая основное внимание на промежуточный уровень, Тернер определяет социальную идентичность как общую сумму личностных идентификаций, которые являются специфическими социальными категориями, интернализованными в когнитивный компонент Я-концепции.

В современных социально-психологических работах, выполненных в рамках концепции Тернера, заложенное в ней представление об иерархичности самокатегорий нашло свое более конкретное воплощение.

Актуальным направлением в области исследования социальной идентичности является изучение взаимодействия или взаимовлияния различных уровней и видов идентичности. В современном мире благодаря развитию системы коммуникаций, происходит резкое увеличение субъективной причастности к различным реальным и виртуальным группам [28, 283]. Это же создает трудности и в отнесении себя к какой-либо группе, а также в выстраивании собственной иерархии идентичности.

В экспериментальных исследованиях социальной идентичности достаточно сложно смоделировать и проконтролировать участие индивида в нескольких группах. Как отмечалось выше, на сегодняшний день исследователи ограничиваются 3 – 4 такими группами. В реальности групповое членство может быть достаточно широким. Например, в ответах на тест "Двадцать утверждений" студенты называют от 5 до 10 социальных характеристик, что может быть гораздо больше при использовании другой техники [513].

Особенно трудным для изучения является вопрос о иерархической соподчиненности и противоречиях в структуре идентичности [119, 295, 244, 413]. Например, Л. Чанте изучает взаимовлияние социальной идентичности, связанной с этносом или расой, и социальной идентичности, опирающейся на личные убеждения, в условиях, когда эти идентичности приходят в противоречие друг с другом [345].

Интерес к исследованию иерархического построения социальной идентичности становится все более явным, однако вопросы о взаимовлиянии различных социальных идентичностей, а также о противоречиях внутри идентификационной структуры личности, на наш взгляд, остаются еще слабо изученными.

Перспективным направлением современных исследований в области взаимосвязи и взаимовлияния различных видов идентичности являются работы М. Ярумович. Для понимания процесса социальной идентификации она использует тезис о том, что восприятие сходства между собой и другими ведет к развитию просоциальной вовлеченности (участию) и что восприятие сходства с другими – главная детерминанта привязанности к ним [397].

М. Бревер использует обращение к уровням социальной идентификации при изучении проблемы социальных дилемм, т.е. процесса социального выбора в затруднительных условиях [328, 332]. Она считает, что групповая идентификация обеспечивает основу для решения социальных дилемм в зависимости от предположения, что социальная идентичность соответствует различным уровням коллективной взаимозависимости. К членам коллектива автор относит тех, кто имеет доступ к общим ресурсам или услугам и понимает при этом, что персональное использование этих ресурсов влияет на возможности всех других членов. Вклад социальной идентичности в кооперацию в условиях социальных дилемм может зависеть от того, является

ли эффект общего категориального членства одинаковым в разных по размеру и признакам группах.

М. Бревер и Ш. Шнейдер описывают эффект социальной идентичности, когда люди находятся в конфронтации с социальными дилеммами [331]. Социальная идентификация может помочь уменьшить тенденции деструктивной конкуренции с группами, когда цена внутригрупповой связи не увеличивается. Должны быть более высокие по субординации цели, чтобы индивиды стремились к лучшей кооперации.

Одной из наиболее сложных задач исследований в области самокатегоризации является изучение так называемого многочисленного группового членства. Понятно, что социальный мир создан из большого количества групп и каждый человек одновременно принадлежит к многочисленным группам и имеет соответственные установки, признаки, характеристики. Проблема заключается в том, чтобы выяснить, а действительно ли причиной того или иного уровня фаворитизма является членство в нескольких группах. В рамках ТСИ человек изучается как член двух групп. Наличие третьих групп подразумевается. При этом используются различные показатели изучения: коллективизм – индивидуализм [386 223], стабильность в самоконцепции – способность к изменениям [312].

Как показали исследования, провести качественный эксперимент на четырех и более группах по изучению эффекта категоризации очень сложно. Есть попытки выяснить, как влияет членство индивида в нескольких группах на уровень внутригруппового фаворитизма и межгрупповой дифференциации [337, 355, 508].

Эксперимент по изучению многогруппового членства строится чаще на четырех группах, в которых объединяются две дихотомии. Например, в исследовании, которое проводилось в Северной Ирландии, к дихотомии "католик – протестант" добавляется разный уровень стимуляции "слабо

стимулированных и сильно стимулированных" [314]. В этих условиях уровень внутригрупповых религиозных пристрастий был ниже, чем в одинарной дихотомии на двух группах.

В большинстве экспериментов, посвященных данному вопросу, доказывалось, что в условиях пересечения двух и более дихотомий уменьшаются внутригрупповые предубеждения и фаворитизм [356, 508].

По предположению Ж. Дешама, уменьшенное, но все еще очевидное внутригрупповое предубеждение могло быть продуктом возрастающего количества категорий, которые субъекты должны рассматривать [354].

В то же время есть и другие данные, которые показывают, что не всегда увеличение группового членства приводит к снижению внутригруппового фаворитизма. П. Оакес подчеркнула, что выделение категорий значимо детерминируется тем, как субъекты обычно конструируют межгрупповые ситуации и как они соответственно ведут себя. Когда осознание группового членства возрастает, расширяется само- категоризация, делая более вероятной межгрупповую дифференциацию. Она доказывает, что обострение контраста при межгрупповом сравнении усиливает межгрупповую дифференциацию [437].

Современные исследования внутригрупповых связей больший акцент делают на изучении реальных социальных групп, чем лабораторных. В реальной жизни межгрупповая дискриминация между тремя группами встречается достаточно часто. В качестве аргумента приводится война на Балканах между сербами, хорватами и мусульманами [314]. Психологи изучают, как влияют на межгрупповую дифференциацию сходства и различия между группами, природа общественного сравнения, например, экстремальные условия, и т.д. В целом идея о том, что многочисленное групповое членство несколько ослабляет эффект внутригруппового

фаворитизма, становится все более популярной среди исследователей социальной идентичности [314].

В исследовании М. Бревер показано, что уровневое строение социальной идентичности может иметь применение в исследованиях различных аспектов меж- и внутри-групповых отношений. В ряде случаев эффект социальной идентификации может уменьшаться в плане интенсивности и направления как следствие изменения в иерархическом уровне социальной идентичности. Бревер выявила, что при определенных условиях может возникать фундаментальное напряжение между потребностью в дифференциации и стремлением к предпочтению социальной общности. Трудности конструирования идентификации с большой социальной категорией связаны с размытостью идентификации и тенденцией внутригрупповой дифференциации [328, 329].

В этом исследовании проверяется эффект социальной идентичности в ситуациях социальных дилемм по отношению к различным уровням идентичности. Следуя основным уровням, предложенным Тернером, Бревер конкретизирует их в соответствии с целями своего исследования, допуская, что взаимозависимая группа будет концептуализироваться альтернативно как: простая группа в контакте с независимыми группами на том же уровне; коллектив, имеющий внутри одну – две подгруппы; группа индивидов.

На этой основе исследуются выборы, которые делают индивиды в ситуациях социальных дилемм в соответствии с различными условиями, на том или ином уровне социальной идентичности.

В русле психоанализа структура социальной идентичности предположительно включает в себя социальные характеристики, связанные с индивидуальными и личностными, главными из которых являются цели, ценности и убеждения. Наличие социальной идентичности сопровождается определенными чувствами, стремлениями, идеологией [294].

В рамках ролевой концепции структура социальной идентичности рассматривается как относительно устойчивое соотношение непроизвольно или произвольно выбираемых ролей в тех или иных социальных контекстах. Эта структура воспроизводится в ситуации взаимодействия как акцентируемая принадлежность к определенной общности, культуре в терминах, в которых Я дает определения данной ситуации и придает ей смысл [5].

Структура социальной идентичности, по мнению Ш. Струкера, включает в себя набор ролей, в которых концентрируются внутренние представления о себе в отношении к другим. На основе этих ролей образуется внутренняя схема "социального Я", позволяющая производить поведенческий и жизненный выбор [469, 468, 469]. Личностная идентичность – это подсистема самопознания, которая состоит из черт, воспринимаемых как основные характеристики и в то же время основные специфические особенности Я [397]. Социальная идентичность по отношению к личностной рассматривается как противоположный полюс дихотомии. На основе экспериментальных исследований эти понятия разводятся следующим образом: социальная идентичность преобладает в случае, когда у человека наблюдается высокий уровень определенности схемы "мы – другие" и низкий уровень определенности схемы "я – мы"; личностная идентичность превалирует у людей с высоким уровнем определенности схемы "я – другие" и низким уровнем определенности схемы "мы – другие".

В теориях социальной идентичности как части Я-концепции, как, например, в работах У. Дойза, структура социальной идентичности рассматривается по аналогии с пятью основными компонентами Я-концепции: этническая идентичность, академические способности, спорт, популярность, образ тела. Дойз ссылается на сравнительное исследование Я-концепции турецких и голландских подростков, в котором было выявлено,

что все эти компоненты имеют социальную окраску. Анализ взаимосвязи между самоуважением и пятью компонентами идентичности показал, что имидж тела имеет наибольшее влияние на самоуважение и национальную идентичность. В исследовании делается вывод о том, что для формирования самоуважения и социальной идентичности, более широкой по сравнению с национальной, очень важны разделяемые сообществом нормы. Общие социальные ценности преодолевают культурные барьеры. В этом смысле большая роль отводится совместному обучению [358, 359].

Дойз также описывает идентичность, которую можно назвать наиболее надежной в концептуальной системе, в терминологии автора – "якорной". Она связана с тремя характеристиками: общими убеждениями, ценностями, которые организуют символические взаимодействия в различных сферах; точкой зрения на структурирование социального опыта, например, представлениями, которые поддерживают взаимосвязь между социальными группами и категориями типа гендерных; индивидуальным влиянием на представления.

Есть примеры комплексных подходов к структуре идентичности. Например, А.А. Цуциев развивает, по сути дела, не только ролевой, но и ситуативный подход. Эта структура воспроизводится в ситуации взаимодействия как акцентируемая "принадлежность" к какому-либо "групповому основанию", культуре в терминах, в которых Я склонно определять данную ситуацию, придавать ей смысл [277].

Автор считает, что хотя структуру идентичности можно рассматривать как устойчивый продукт социализации, но в определенной мере она выступает как функция конкретных типичных ситуаций и гораздо более подвижна в своих рутинных реконструкциях. Он рассматривает структуру идентичности как "вероятностное включение" личностью значимого для нее в данный

момент контура связей, она есть выражение значимых типичных ситуаций и поэтому отчасти может быть описана через них.

В работах Т.Г. Стефаненко на примере исследования этнической идентичности выделяются следующие основные компоненты [244]: а) когнитивный (самоидентификация; выделение оснований этнической идентичности; содержание авто- и гетеростереотипов; представления о “дистанции” между своей группой и релевантными ей этническими группами); б) аффективный (чувство принадлежности к этнической общности; выраженность внутригруппового фаворитизма, проявляющаяся в этнических аттитюдах и направленности этнических стереотипов).

Итак, проблематика исследования социальной идентичности формировалась в русле нескольких научных направлений, что послужило причиной существования большого количества различных точек зрения на сущность и структуру этого явления. Но можно выделить и некоторые общие идеи, которые объединяют различные точки зрения, в частности, идею о том, что социальная идентичность является областью самосознания и в то же время личностной характеристикой. Она трансформируется под влиянием взаимодействия и накопления социального опыта, тесно связана с мотивационными и смысловыми компонентами личности. Остается открытым вопрос о психологической составляющей структуры идентичности, а именно, тех компонентах идентичности, которые образуют ее индивидуальное своеобразие, обеспечивают психологические последствия самоидентификации. Также важный вопрос связан с трансформацией идентификационных структур, соотношением стабильности – нестабильности и прогнозирования в процессе изменения идентичности.

Проблема динамики, трансформации социальной идентичности относится сегодня к разряду актуальных и вместе с тем сложных междисциплинарных областей исследования [15]. Ситуация радикальных социальных перемен, появление новых общественных идеалов и ценностей стимулируют процессы конструирования идентификационных структур личности.

Объективно происходящие изменения на уровне общества, социальной группы или личности имеют субъективную представленность в рамках общественного или индивидуального сознания [28]. Поэтому социальные изменения и последующий кризис идентичности и ценностей становятся актуальным объектом психологического анализа. В то же время проблема трансформации идентификационных структур сначала была предметом анализа социологов, что сказывается на явно недостаточном количестве психологических работ в этой области. В психологии наблюдается разграничение областей исследования: в социальной психологии разрабатывается концепция идентичности, в возрастной – ее динамика и формирование, поэтому в итоге концептуальные разработки сущности и структуры идентичности не оказывают должного влияния на изучение процесса трансформации идентификационных структур.

Проблема динамики и трансформации социальной идентичности разрабатывается в зарубежной психологии, прежде всего, в русле ТСИ и психоанализа, а также тех направлений, о которых речь шла выше, в отечественной – в парадигме психологии социального познания и социального развития личности (Г.М. Андреева, Е.П. Белинская), этнической психологии (Н.М. Лебедева, Г.У. Солдатова, Т.Г. Стефаненко, В.А., Хотинец), этнологии (А.П. Садохин, Т.Г. Грушевицкая), возрастной психологии (И.А. Снежкова), политической психологии (И.Ю. Киселев, А.Г.

Смирнова). Больше всего исследований, направленных на выявление этапов, принципов, причин и механизмов формирования социальной идентичности, было проведено на подростках, а также в связи с изучением этнической идентичности [25, 57, 23, 26, 122, 174, 245 и др.].

По отношению к различным типам изменений идентификационных структур применяются понятия: трансформация, конструирование, развитие и формирование, которые зачастую используются как синонимы или отчасти дополняют друг друга [28, 243, 244 и др.]. Поэтому необходимо уточнить, в каком смысле они будут использоваться в данном исследовании.

Развитие психических процессов в социально-психологической литературе рассматривается практически так же, как и в других направлениях психологии, а именно, как закономерное видоизменение во времени, выраженное в количественных, качественных и структурных преобразованиях [211]. Поэтому развитие идентичности представляет собой изменение представлений о своем месте в социальном мире в течение жизни.

Процесс формирования идентичности в социально-психологическом смысле рассматривается несколько шире, чем в возрастной и педагогической психологии, и представляет собой необходимый момент социализации, в ходе которого проявляется влияние всей совокупности факторов личностного становления [15].

Можно сказать, что процессы развития и формирования идентичности сопровождают друг друга, но, говоря о формировании, подчеркивается целенаправленность влияния на идентичность в процессе социализации. Результатом развития и формирования идентичности является новое качественное состояние идентификационной структуры личности. В определенном смысле можно говорить о развитии личностной и формировании социальной идентичности. Но, учитывая сложную взаимосвязь между понятиями личностная и социальная идентичность, по

отношению к социальной идентичности мы будем использовать оба термина, имея в виду, что развитие больше связано с влиянием природных, слабо контролируемых факторов, а формирование – со всей совокупностью различных целенаправленных факторов, которые воздействуют на возникновение и изменение идентификационных структур.

Иначе говоря, формирование идентичности понимается нами как связанный с влиянием различных факторов процесс преобразования идентичности на разных этапах социализации, результатом которого является качественное изменение идентичности, т.е. развитие.

Конструирование используется в рамках конструктивистского подхода и означает приведение информации о мире в систему, организацию этой информации в связанные структуры, помогающие постичь ее смысл [15, 244]. Здесь подчеркивается активность познавательной деятельности субъекта в ходе построения идентификационной структуры.

Трансформация идентичности – более современный термин, который, по сути, включает в себя предыдущие, поскольку означает преобразование, превращение, изменение структуры идентичности под влиянием различных факторов, как возрастных, так и социальных. Но в большей степени он применяется по отношению к быстрому изменению и конструированию идентификационных структур под влиянием социальных факторов, в частности, нестабильности, неопределенности [28]; социокультурных перемен [130]; смены политического устройства общества [207]; кризиса идентичности [234].

Процесс трансформации идентичности анализируется в двух аспектах:

- возрастном (закономерно происходящие изменения в ходе возрастного развития), в этом смысле важно понять, как идентичность складывается в жизни на разных этапах социализации индивида;

- социально- психологическом и
 деятельностном (процесс, происходящий под влиянием изменений в
 социальном окружении и деятельности субъекта), в этом смысле
 необходимо выявить возможности и механизмы целенаправленного
 влияния на содержание и структуру идентичности.

3.1. Роль социокультурной среды в трансформации социальной идентичности

Особое значение в трансформации и конструировании социальной идентичности придается социокультурной среде, о детерминирующей роли которой по отношению к структуре, типу самосознания человека, характеру его развития писали многие ученые. Например, Л.С. Выготский, изучая природу самосознания и его истоки, пришел к выводу, что социокультурная среда – внешняя, идеальная форма, которая становится реальной, вызывает к жизни внутренние формы деятельности через психические орудия: знак, слово, символ, значение и смысл [50].

Дальнейшее изучение роли психических орудий показало, что они вызывают к жизни внутренние формы деятельности, а не только выступают в роли стимулов, способных вызвать те или иные ответы, реакции, поведенческие акты. В результате описание и предсказание внешнего поведения становятся очень сложной задачей. Как писал В.П. Зинченко, обращение на самого себя, взгляд на себя со стороны – это начало способности "заглядывания" внутрь самого себя, начало формирования образа Я и вынесения его в целом или отдельных свойств вовне. Это объективация самого себя, своей собственной субъективности, формирование самосознания. В этом тайна и первое условие формирования себя, условие самостроительства человека, культурного формирования личности [93].

Самоидентификация индивида определяется свойствами культуры, миссию которой в становлении самосознания подчеркивали многие психологи и философы [20, 53, 106, 132, 214, 219, 229, 247]. Человеческая культура как способ организации и развития жизнедеятельности людей, представленный в продуктах материального и духовного труда, в системе общественных норм и учреждений, в духовных ценностях, в совокупности отношений к природе, людям, а значит, в совокупности качественного своеобразия отношений этнических субъектов к параметрам развития своей общности (социокультурные, климатические, географические, биологические и т.д.), в совокупности отношений с другими общностями, является важнейшим фактором формирования сознания [157, 263].

В отношении культуры особенно подчеркивается роль общества, что, например, конкретно и четко сформулировано М. Херсковицем, понимающим культуру как часть человеческого окружения, созданную самими людьми [244]. Аналогичная идея прослеживается в определении субъективной культуры Г. Триандиса [497]. Субъективной культурой Триандис, работы которого связаны с изучением этнокультуры, называет характерные для каждой культуры способы социального восприятия, с помощью которых члены культурных сообществ познают созданную людьми часть человеческого окружения: то, как они категоризируют социальные объекты, какие связи между категориями выделяют, какие категории (нормы, роли и ценности) признают своими [497]. Понимаемая таким образом, она охватывает все представления, идеи и убеждения, которые являются объединяющими для того или иного народа и оказывают непосредственное воздействие на поведение и деятельность его членов.

Процесс влияния культуры на сознание очень сложен, поскольку культура – это идеальная форма, внутри которой рождается человек, которую потом он постепенно присваивает себе или превосходит и которая становится

собственной субъективной реальной формой. „Отношения между идеальной и реальной формами правильнее всего могут быть описаны как взаимное порождение”; „идеальная, реальная и медитативная – это живые формы, они имеют общую природу. Они органичны, комплиментарны, конгениальны друг другу, совместимы друг с другом” [93, с. 22].

Самосознание индивида, формирующееся внутри определенной культуры, находится под влиянием конкретных ее элементов. В социальном плане важнейшими структурами, в которых сосредоточены опыт и ценности культуры, являются различные социальные группы. Принадлежность человека к группе отражается в содержании социальной идентичности.

Актуальность данной проблемы не означает, что в жизни каждого человека вопросы самоидентификации являются перманентно центральными по сравнению с другими проблемами реальной жизни. Но в какие-то периоды человек оказывается перед сложнейшей психологической проблемой, связанной с групповым членством и необходимостью поиска ответа на вопрос: "Кто я?"

В процессе развития, усвоения норм и ценностей культуры человек постепенно определяет границы своего субъективного Я и социальных общностей. В детстве возможности активного вмешательства в этот процесс весьма ограничены. Взрослый человек имеет большие возможности "работы" со своей идентичностью. Субъективную неизбежность содержания первичной социализации подчеркивают и П. Бергер и Т. Лукман, утверждая, что “волей-неволей ребенок живет в мире, определяемом его родителями” [30, с.232]. На примере исследования развития этнической идентичности было показано, что в процессе инкультурации ребенок приобретает все новые знания о межэтнических различиях и более четко определяет свою принадлежность к определенному этносу [244].

Процесс конструирования социальной идентичности осуществляется в течение практически всей жизни человека [481, 486].

На последовательных этапах развития этнической идентичности формируется как этническая осведомленность, так и этническая самоидентификация. Если первоначально этническая осведомленность основывается на очевидных показателях – цвете кожи, внешности, языке, то постепенно повышается способность ребенка воспринимать, описывать, интерпретировать этнические признаки. Одновременно развивается способность ребенка к адекватной самоидентификации, которая проявляется в правильном самоназвании. В результате каждый новый член общества оказывается “приписанным” к той или иной этнической группе. Это значит, что в процессе развития действуют как пассивные, так и активные механизмы. Взрослому человеку важно научиться осознавать вопросы границ своего Я и перспектив развития [244].

Многочисленные исследования показывают, что идентичность может меняться при изменениях социальной ситуации, в которой находится индивид. Например, в условиях миграции происходит перестройка сложившихся представлений о себе [62, 63, 143, 145, 154, 240].

На трансформацию социальной идентичности влияют не только бесчисленные обстоятельства индивидуальной человеческой жизни, но и факторы, обусловленные изменениями в жизни общества. Глобальные изменения в социально-политической сфере могут способствовать интенсификации определенных идентификационных структур как целого народа, так и отдельного человека [15]. Ярким примером этого является рост локальной и этнической идентичности народов нашей страны, когда осознание принадлежности к этнической общности и к государству, дополняют и усиливают друг друга [143, 145, 244]. Как показывают эмпирические исследования, у многих русских, живущих в бывших союзных

республиках, пробудилась этническая идентичность. При этом часто наблюдается действие "синдрома навязанной этничности" [74], который сопровождается ростом негативных чувств, связанных с этнической принадлежностью, а также обостренным восприятием дискриминации и увеличением культурной дистанции с "титульным" этносом.

Социокультурный аспект влияет на трансформацию идентичности как взрослых, так и детей. Как показала Т.Г. Стефаненко, у детей последовательность стадий развития этнической идентичности и их временные границы не являются универсальными для всех народов и социальных ситуаций. В зависимости от социального контекста они могут ускоряться или замедляться [244].

Большое влияние на осознание своей идентичности имеют условия жизни человека, а именно: в полиэтнической или моноэтнической среде он живет [143, 145, 154, 244], в обществе с простым или сложным разделением труда и распределения знания [30], жестко структурированном или динамичном обществе [15] и т.д. Например, в поликультурной среде ситуация межкультурного взаимодействия дает индивиду больше возможностей для приобретения знаний об особенностях своей группы и других культурных групп, их сходстве и различиях, способствует развитию межкультурного понимания и формированию коммуникативных навыков [143, 145, 154, 244].

Вопрос о структуре идентичности в поликультурной среде является очень запутанным. В поликультурной среде, особенно в ситуации неконфликтных межэтнических отношений, кроме потребности в дифференциации проявляется и тенденция к межгрупповой интеграции [7], которая приводит к стиранию границ идентичности отдельных этнических и культурных групп. В то же время размытая самоидентификация может соседствовать с глубоким переживанием своей этнической принадлежности, использованием при конструировании идентичности большего количества элементов. Например,

свою этническую принадлежность глубже переживает русский ребенок, живущий в многонациональной Москве, чем житель отдаленной деревни в Архангельской области, хотя у последнего может быть более однозначная и четкая самоидентификация [244].

Все это позволяет сказать, что в процессе социализации происходит постепенное осознание существования различных социальных структур, а также социальной идентичности, заключающейся в признании собственной принадлежности к какой-либо общности, которая может быть узкой, например, референтная группа, или широкой, например, народ. В связи с этим формируется система социальных характеристик, неразрывно связанных с индивидуальными, но имеющих смысл объединения человека с другими, определяющих его позицию в обществе, отношение к ценностям, нормам, ролям группы, социальную перспективу и деятельность.

Под влиянием социокультурных условий происходит формирование новых компонентов социального Я, соответствующих образцов "психической культуры" [58, 59, 133], которые помогают человеку найти свое место в социальном мире, построить стратегию деятельности и обучения, взвесить ценностные ориентиры, найти разумное сочетание индивидуального и социального в реальном поведении и осознании происходящих событий. Важность обращения к культуре в контексте проблематики идентичности, подчеркивается тем, что личностная и социальная идентичность проявляются через существование культуры.

В последнее время наблюдается попытка выйти за рамки линейного рассмотрения формирования идентичности, т.е. линейной биполярной модели. Поскольку индивид может одновременно идентифицировать себя с несколькими общностями, то возникает проблема выраженности той или иной идентичности. Например, мигранты могут называть себя не одним словом, а более описательно, скажем, "я скорее американец, чем русский".

Поэтому в социально-психологических исследованиях наблюдаются попытки использования "модели двух измерений идентичности", которая используется, например, в этнопсихологии [244]. В этих работах было показано, что для большинства индивидов характерна моноэтническая идентичность, совпадающая с "объективной" этничностью. При благоприятных социально-исторических условиях позитивная этническая идентичность сопровождается патриотизмом, гордостью за достижения своего народа и его великих представителей, адекватно высокой самооценкой, чувством собственного достоинства и т.п.. Этот тип идентичности по типу "нормы" (позитивная этническая идентичность) предполагает соотношение в структуре идентичности позитивного образа собственной этнической группы с позитивным ценностным отношением к другим этническим группам [241]. Нормальная этническая идентичность может сохранять свои характеристики и в условиях кризиса, что подтверждается тем фактом, что даже в кризисное постсоветское время для многих россиян характерна подобная "нормальная" этническая идентичность без чувства национальной исключительности и враждебности к другим этническим общностям [90, 231].

В поликультурном обществе возможна идентификация себя с чужой этнической группой (измененная этническая идентичность) в случаях, когда в полиэтническом обществе чужая группа расценивается как имеющая более высокий экономический, социальный и т.д. статус, чем своя. Конечным результатом идентификации с чужой группой является полная ассимиляция, т.е. принятие ее традиций, ценностей, норм, языка и т.п. вплоть до – при условии принятия индивида группой – полного растворения в ней [244].

В то же время, более распространенной моделью идентичности поликультурного общества является биполярная идентичность, что проявляется в наличии у субъектов бикультурной компетентности,

психологических особенностей обеих групп и осознании своего сходства с ними. Именно биэтническая идентичность является наиболее благоприятной для жизни в полиэтническом обществе, поскольку она позволяет органично сочетать разные ракурсы восприятия мира, овладевать богатствами еще одной культуры без ущерба для ценностей собственной [244].

Несмотря на очевидное продвижение вперед в понимании сложности структуры идентичности благодаря "модели двух измерений", можно отметить, что такой подход не позволяет учесть все многообразие идентификационных характеристик и внутренних взаимосвязей между ними и требует своего развития и дополнения.

Проведенный анализ показывает, что пока в психологии еще не выработаны четкие представления о механизмах и критериях процесса трансформации социальной идентичности, которые позволили бы описать изменения в структуре идентичности под влиянием различных социокультурных условий.

По нашему мнению, проблема трансформации социальной идентичности связана прежде всего с поиском механизмов, которые помогают индивиду соотнести настоящее и будущее, интегрировать различные влияния культуры и найти свое место в сложном динамичном мире. Социальная идентичность – зависимая переменная. С одной стороны, она сама формируется в определенном социальном и культурном контексте, с другой, оказывает влияние на процесс личностного и профессионального становления человека, адаптации к реальности, требованиям культурной среды. В этом смысле преобладающая идентичность может быть некоторым индикатором актуального спектра личностных проблем субъекта в контексте реальной социокультурной среды и в то же время – внутренней основой для преодоления трудностей социализации.

3.2. Возрастные и социально-психологические закономерности развития и формирования социальной идентичности

Первые эмпирические данные относительно закономерностей развития и формирования социальной идентичности были получены в *психологии развития*, в основном в рамках ранней юности, поскольку в большинстве возрастно-психологических концепций период отрочества определяется в первую очередь через новообразования индивидуального самосознания, среди которых важнейшими признаются именно идентификационные структуры [28].

Первоначальные представления о своей принадлежности к той или иной группе формируются с детства. Дети, воспринимая мир глазами окружающих их взрослых, начинают понимать, к какой группе они принадлежат, и приобретают предписанный обществом статус. Если на ранних стадиях этот процесс основан больше на механизмах подражания, то уже в подростковом возрасте приходит осознание собственной принадлежности к определенным общностям. Не случайно подростки стремятся определить границы этих общностей через сленг, внешний вид, особенности поведения.

Начало исследований данной проблематики было положено Э. Эриксоном, который рассматривал становление Я в социокультурном контексте. В его концепции идентичность является продуктом определенной культуры, а также возможностями индивида. Эго-идентичность происходит из культурно значимого достижения человека и возникает в процессе интеграции отдельных идентификаций. Она относится к числу "энергетических" компонентов Я, поскольку является заряжающим человека психической энергией субъективным чувством непрерывности самотождественности [292, 293].

Процесс развития идентичности Эриксон понимал как взаимодействие трех составляющих: биологической, социальной и собственно эго. Важно подчеркнуть, что, так же как и другие представители данного направления, он полагал, что надсистемными в формировании идентичности являются процессы эго-синтеза. Это означает, что социальная идентичность входит как подструктура в более общую – личностную.

Человек в своем развитии приобретает разные качества, как положительные, так и отрицательные. Поэтому, кроме содержательных компонентов идентичности, о которых шла речь выше, он выделяет еще и позитивную и негативную идентичность, которые можно назвать оценочными компонентами. Описание развития идентичности строится на основе анализа новых образований, элементов в личности, а также их позитивной или негативной окраски.

В процессе развития происходит взаимодействие всех названных выше компонентов (эго-синтез), в результате чего появляется гипотетическая конфигурация идентификаций, которая в течение жизни несколько раз меняет свою структуру за счет двух основных процессов: интеграции и дифференциации. В ходе первого процесса происходит объединение одиночных качеств в группы, второй – направлен на разделение различных групп качеств по каким-либо признакам. Момент переструктурирования идентичности переживается человеком болезненно и может иметь негативные эмоциональные последствия.

На основе эпигенетического принципа Эриксон описывает восемь стадий развития и соответственно жизненных психологических кризисов, которые проходит человек в своем развитии [178]. На каждом этапе происходят переструктурирование конфигураций, качественное преобразование внутреннего мира и вследствие этого изменение отношений с окружающими людьми. Процесс развития идентичности на каждой стадии подготовлен

процессом предшествующего развития. Новые характеристики идентичности отражают какие-то особенности данного этапа развития, но следы конфигураций каждого этапа сохраняются на протяжении всей последующей жизни.

На каждой стадии на уровне индивидуального опыта в процессе развития у человека появляется чувство идентичности (чувство личностного тождества и исторической непрерывности личности). Это чувство становится сознательным благодаря двум одновременным процессам: восприятию индивидом себя как тождественного самому себе, а также восприятию того факта, что другие признают его тождество и непрерывность (293). Переживание чувства идентичности с возрастом усиливается.

Стадии личностного развития в полной мере можно отнести к соответствующим стадиям развития идентичности, поскольку одним из основных критериев перехода из одной стадии в другую являются изменения эго-идентичности. На каждой стадии возникают *кризисные* поворотные моменты, при разрешении которых появляются определенные личностные качества [15, 178]. Центральной тенденцией в переживании всех критических периодов развития является стремление к собственной идентичности.

Эриксон выделяет две крайние линии личностного развития: нормальную и аномальную. Поскольку идентичность занимает центральное место в контексте личностного развития, то можно сказать, что возможны нормальная и аномальная линии формирования идентичности. Он считал, что "поворотными пунктами" в этой периодизации, когда проявляется особенно сильно кризис идентичности, являются подростковый период и зрелость. На подростковой стадии наблюдаются два основных механизма формирования идентичности: проецирование вовне смутных представлений о своей идеальности (сотвори себе кумира) и негативизм по отношению к чужому, подчеркивание своего (боязнь обезличенности, усиление своей непохожести).

Когда подросток не готов осуществить выбор идентичности, у него наступает состояние, которое Эриксон назвал психосоциальным мораторием – продление переходного периода. Это часто сопровождается кризисом идентичности, который проявляется в утрате чувства дома, психологического благополучия. В результате подросток стремится найти себе пристанище в различных молодежных субкультурах (рокеры, битники и т.д.). Радикальный перелом наступает при переходе к шестой стадии – молодости, когда возникают готовность и желание смешивать свои идентичности с другими, правда, при возможном сохранении дистанции. Этот период совпадает с важными событиями, в частности, поиском друга, будущего спутника жизни и т.п. Важно, что при всех вариантах повышается значимость другого человека, причем настолько, что смешать свою идентичность с ним не представляется ни жертвой, ни изменой себе [15, 187].

По мнению Эриксона, центральным конфликтом подростково-юношеского этапа в формировании идентичности является противоречие между становлением индивидуальности, осознанием себя и диффузией (размыванием) идентичности, а также мотивами "быть индивидуальным" и "быть как все".

Второй пик наступает на восьмой стадии – зрелость, когда происходит окончательная конфигурация идентичности в связи с переосмыслением человеком его жизненного пути [15].

По мнению Бернса, формирование идентичности в концепции Эриксона – это процесс, напоминающий самоактуализацию в концепции Роджерса. Он характеризуется динамизмом кристаллизирующихся представлений о себе, которые служат основой постоянного расширения самосознания и самопознания. Внезапное осознание неадекватности существующей идентичности Я, вызванное этим замешательство и последующее исследование, направленное на поиск новой идентичности, новых условий

личностного существования, – наиболее характерные черты динамического процесса развития эго-идентичности [33]. Эти слова созвучны тем представлениям о роли опыта в формировании личностных понятий, которые мы находим в концепции Дж. Келли о природе личностных конструктов (изложены в предыдущей главе).

Анализируя концепцию Эриксона, Г.М. Андреева отмечает, что вместе с теорией восьми возрастов, где намечены рубежи становления социальной идентичности, идеи Эриксона имеют непосредственное отношение к идеям А. Тэшфела. В частности, проблема социальной идентичности становится, по существу, проблемой межгрупповых отношений. Идентичность рассматривается как инструмент социальной ориентации личности, результат же этого рассмотрения – построение личностью не просто своего собственного образа, но и образа группы, к которой она принадлежит или не принадлежит. Иными словами, социальный мир для личности – это всегда мир, на который она смотрит глазами группы [15].

Таким образом, Эриксон заложил основу понимания не только идентичности как таковой (хотя, по сути, не дал четкого ее определения), но и основных этапов ее развития и формирования. Процесс социального развития в его концепции предстает как последовательность психосоциальных кризисов и осуществляется в неразрывной связи с процессами социального взаимодействия.

Развитие этих идей мы находим в теории социальной идентичности. А. Тэшфел показал, что идентичность личности может сформироваться только в межгрупповом взаимодействии. Предложенная Тэшфелом так называемая минимальная групповая парадигма, установленная на основании известных экспериментов, иллюстрирует это положение весьма четко: для индивида достаточно минимального ощущения себя членом группы для того, чтобы он начал идентифицировать себя с нею [15].

Исследования были связаны в основном с выявлением этапов в формировании этнической идентичности [119, 202, 235]. Ж. Пиаже описал три этапа [202]:

- 6 – 7 лет – ребенок приобретает первые фрагментарные и несистематические знания о своей этнической принадлежности. В этом возрасте наиболее значимыми для него являются семья и непосредственное социальное окружение, а не страна и этническая группа;
- 8 – 9 лет – ребенок уже четко идентифицирует себя со своей этнической группой, на основе таких критериев, как национальность родителей, место проживания, родной язык, просыпающиеся национальные чувства;
- 10 – 11 лет – ребенок уже обладает этнической идентичностью в полном объеме, может описать особенности разных народов, понимает уникальность истории, специфику традиционной бытовой культуры.

Приведенный пример хорошо иллюстрирует основной подход к формированию идентичности, когда происходит переход от принятия им своих близких и подражания к осознанию признаков, по которым происходит идентификация и дифференциация. Также здесь очень четко прослеживается смена критериев и эталонов самоидентификации: от наиболее близких, понятных, доступных, как семья, к более сложным, отдаленным и абстрактным, как особенности народов, культура, история. Важно подчеркнуть, что первые идентификации происходят с людьми, которые выполняют функции защиты, ухода за ребенком, а именно, его близкими. Это позволяет предположить, что все-таки одной из базовых мотиваций самоидентификации является мотивация самосохранения. Человек стремится выжить в соответствующих социальных условиях и поэтому определяет себя

членом тех групп, где эта потребность удовлетворяется максимальным образом.

Изучение развития идентичности в возрастном плане показывает, что по мере развития самосознания, основанного прежде всего на мыслительных процессах, происходит и усложнение критериев самоидентификации, а также мотивации и смысловых компонентов идентификации.

Последняя мысль может быть проиллюстрирована особенно наглядно на примере исследования И.А. Снежковой [235, с. 144 – 145]. Автор так же как и Пиаже, выделяет три основных этапа развития этнического самосознания, которые можно соотнести с тремя этапами развития социальной (этнической) идентичности.

На начальном этапе (до 10 лет) формирование идентичности происходит по принципу "Я такой же, как окружающие" (констатация похожести на людей из непосредственного окружения).

На втором этапе (11 – 15 лет) формирование идентичности происходит по принципу "Я такой же, как мой народ" (констатация похожести на людей из более широкого окружения).

На третьем этапе (16 – 17 лет) формирование идентичности осуществляется по формуле "Я представитель своего народа" (констатация выбора и отнесенности к большой общности).

После 17 лет, в период юношеского возраста, происходит дальнейшее становление этнического самосознания и развитие процесса идентификации (51). Исследователи называют этот период решающим в развитии этнического самосознания, его упрочении и закреплении. Формирование этнической идентичности происходит по принципу "мы и они", что возможно благодаря процессам идентификации и дифференциации.

Усложнение критериев социальной идентификации и расширение области их приложения хорошо прослеживаются и в работах известного

исследователя Я-концепции подростка Г. Родригеса-Томэ, выполненных в русле интеракционистского направления [443]. Его точка зрения основана на понимании Я как результата принятия отраженных оценок других – в первую очередь родителей и референтных групп сверстников. Основная гипотеза автора заключается в том, что присутствие другого включается в осознание себя, которое никогда не отделено от осознания другого как партнера по взаимодействию.

Родригес-Томэ изучал идентичность подростка с точки зрения референтных источников ее построения. Главной методикой исследования был тест "Двадцать утверждений", который позволял выявить тематическое содержание самоописаний, формы самопрезентаций и формальные характеристики высказываний. На основе полученных данных он выделил в структуре подростковой идентичности три основных дихотомически организованных измерения [28, 443]:

1. Определение себя через состояние или активность (я добрый, я ученик), которое противопоставляется при этом позиции предпочтения какой-то деятельности (я люблю играть в футбол). В возрасте от 12 до 18 лет происходит постепенный переход от активного Я к Я-состоянию.
2. Определение себя через статусные и личностные черты, которые расположены на одной дихотомической оси: официальный социальный статус – личностные черты. В самоописаниях юношей преобладали официально статусные черты, а в самоописаниях девушек – личностные самохарактеристики.
3. Описание себя через социально одобряемые или социально неодобряемые самохарактеристики. Это описание, как оказалось, не имеет выраженных возрастных или половых особенностей и рассматривается автором как наиболее оценочное измерение

идентичности, связанное с уровнем удовлетворенности жизнью и самооценкой.

В большинстве работ возрастные закономерности формирования и развития социальной идентичности изучались в основном в рамках периода отрочества (подросткового или ранней юности). Это связано с тем, что в большинстве возрастно-психологических концепций при всем их многообразии период отрочества определяется, в первую очередь, через новообразования индивидуального самосознания, среди которых важнейшими являются именно самоидентификационные структуры. Это не случайно, поскольку именно на рубеже между детством и юностью происходит определенная консолидация самохарактеристик и усвоенных образцов поведения. Расширение социоролевого репертуара, заимствование моделей поведения, присущих более старшему возрасту, достижение равновесия между зависимостью и независимостью, развитие личностной системы ценностных ориентаций и многие другие новообразования подростка впервые становятся для него предметом рефлексии, результатом которой является обретение идентичности [28].

Примером структурного анализа идентичности в подростковом возрасте является концепция Дж. Марсиа, который рассматривает идентичность как определенную структуру, функционирующую в контексте решения проблем [415]. Она достигается через выбор из числа конкретных альтернатив, пусть даже самых незначительных, с которыми сталкивается человек в жизни. Каждая решенная проблема усиливает это, наполняет его содержанием, раскрывает сильные и слабые стороны и способствует осознанию целенаправленности и осмысленности своей жизни. Поэтому в его понимании идентичность – это динамическая организация потребностей, способностей, убеждений и собственной истории.

В ходе развития человек обретает различные статусы (состояния) идентичности. Суть модели Марсиа заключается в описании четырех статусов идентичности и их взаимосвязи. Вслед за Эриксоном Марсиа определяет статусы идентичности, более или менее благоприятные для психического состояния и общего фона жизни человека. На основе двух пересекающихся осей координат: наличие или отсутствие кризиса идентичности и наличие или отсутствие единиц идентичности (цели, ценности, убеждения) – он выделяет четыре статуса идентичности:

1. Достигнутая (реализованная) идентичность: человек прошел период кризиса, он знает, кто он и что он хочет, у него сформирована система значимых ценностей, целей и убеждений, ему свойственно чувство стабильности, доверия, оптимизма, веры в будущее.
2. Мораторий: так же как и у Эриксона, этот термин применяется к человеку, который переживает кризис идентичности и активно пытается разрешить его, он находится в постоянном поиске информации, на эмоциональном подъеме (правда, чувство радостного переживания и любопытства человек переживает на ранних стадиях поиска, в последующем может появиться чувство страха, разочарования и т.п.).
3. Преждевременная (предрешенная) идентичность: человек не переживал еще состояния кризиса идентичности, но он уже обладает определенным набором целей, ценностей и убеждений; элементы собственной идентичности формируются под влиянием примера родителей или других значимых людей, поэтому ценности и цели могут быть сходны с чужими или отражать чьи-то ожидания.
4. Диффузная идентичность: человек не имеет прочных целей, ценностей, убеждений и не пытается активно сформировать их; он никогда не находился в состоянии кризиса идентичности и не умеет решать

возникшие проблемы; для него характерно состояние пессимизма, тоски, тревоги, чувства беспомощности и безнадежности.

В этой работе также прослеживается диалектическое отношение к проблеме идентичности. Марсиа считал, так же как и Эриксон, что идентичность – это не природное качество, оно постепенно развивается и формируется в процессе жизни человека. Движение происходит от преждевременной идентичности, которая образуется на основе осознания человеком изначально присущих ему качеств (пол, имя, возраст, традиции семьи и т.д.), к достигнутой идентичности, появление которой возможно только на основе осознания своих целей, ценностей, убеждений и самостоятельного решения о том, каким быть [415]. Хотя данная модель разрабатывалась при изучении подростков, она вполне применима для описания механизма формирования новых идентичностей у взрослого человека.

В этот возрастной период хорошо прослеживаются связи видов идентичности и личностной системы ценностных ориентаций. Так, например, в исследовании Э. Уотерман [509, 510] было показано, что сформированная идентичность включает в себя выбор целей, ценностей и убеждений. Этот выбор актуализируется в период кризиса идентичности и является основанием для дальнейшего определения смысла жизни.

Были выявлены связи между видами идентичности и уровнем тревожности. Вне зависимости от половых различий подростки в ситуации "моратория" обладали максимальной тревожностью, а подростки в ситуации "предрешенной идентичности" – минимальной. В этом, по мнению исследователей, проявлялась актуализация защитных механизмов. Но что касается изучения взаимосвязи видов идентичности с уровнем самоуважения, то результаты были противоречивы и не позволили однозначно отметить наличие этой связи [121].

Среди методов формирования идентичности большая роль отводится игре [33, 320, 513].

Исследования становления идентичности в возрастной психологии дают богатый материал для понимания и анализа процесса трансформации идентичности под влиянием внутренних факторов, а также формирования благодаря психолого-педагогической деятельности. Поэтому междисциплинарный подход в изучении проблемы формирования социальной идентичности позволит глубже разобраться в психологической сущности, мотивации и структуре социальной идентичности.

Социально-психологические исследования идентичности

Примеров изучения процесса трансформации идентичности *в социальной психологии* не так уж много. В частности, в ТСИ эта тема вообще долгое время не являлась предметом специального анализа. Но в последнее время под влиянием ускорения темпов социальной динамики проблема преобразования старых и возникновения новых субъективных социальных структур становится очень востребованной. Об этом свидетельствует поток исследований в этой области, о которых пойдет речь в данном параграфе. В основном эти исследования касаются трансформации определенных видов идентичности, например, этническая [75, 145, 177, 247, 277], гражданская [118, 119], религиозная [48, 131], профессиональная [41, 79, 91, 153, 205] и ряд других. Актуальным направлением исследований является трансформация идентификационных структур в изменяющемся обществе [25, 26, 84, 158, 170, 176].

Наибольший вклад в изучение данной проблемы внесли разработки в логике сочетания когнитивного и личностного подходов, в рамках которых исследователи имеют дело с тремя основными понятиями: категоризация (самокатегоризация), социальное сравнение, социальная идентичность. Они тесно связаны между собой, и все вместе обеспечивают процесс

формирования социальной идентичности. Изучение категоризации и социального сравнения приблизили психологов к пониманию механизмов появления и поддержания идентификационных структур.

Различные проявления категоризации в межличностных и межгрупповых отношениях исследуются в рамках теории социальной идентичности (ТСИ) и теории самокатегоризации (ТСК), представители которых считают, что социальная идентичность связана с категоризацией, поскольку благодаря последней устанавливается различие между собой и другими [392]. Они показали, что приобретение данных различий – это ранняя и необходимая часть социализации. Чувство себя и знание, "кто я такой", способность "отражать" и осознавать себя – все это формируется в социальном взаимодействии. Этот процесс связан с нравственными канонами, воспитанными в семье и транслируемыми в обществе [486]. Согласно ТСИ социальная категоризация есть система критериев для ориентации в социальном окружении, которая определяет конкретное место человека в обществе.

В подходе к процессу появления и преобразования социальных категорий ТСИ, по сути, приближается к конструктивистскому подходу, поскольку признает постепенное построение системы категорий, которые необходимы для постижения мира, как предметного, так и социального.

Социальная идентичность является результатом двух основных процессов: категоризации и сравнения, последнее основано на объединении и различении. Социальное сравнение является необходимым компонентом процесса самоидентификации, поскольку для оценки себя в любом измерении необходимо имплицитное социальное сравнение с другими людьми или социальными категориями [401].

Категории необходимы для постижения мира, особенно социального. У человека нет врожденных или природных категорий, которые он может использовать при восприятии мира. Понятия обо всем, что нас окружает, постепенно формируются. Это касается и предметного и социального мира. Проблема заключается в том, что трудно найти методы, адекватные задачам социально-психологического исследования категорий.

Категории, которые формируют основу нашего понимания воспринимаемого мира, отчасти навязываются нам. Они конструируются по мере столкновения с новыми ситуациями и переструктурирования уже имеющегося опыта. Человек постепенно открывает мир, но это не значит, что он делает это заново, просыпаясь каждое утро. В когнитивной психологии признается уникальность категорий каждого человека и в то же время связь их с основными понятиями других людей. Категории восприятия в большой степени даются нам через культуру, в которой мы родились. Это делает социальным восприятие человека. Согласно ТСИ, в широком смысле, формы и процессы и даже содержание воспринимаемого социального мира структурируются и лимитируются доминирующими социальными представлениями вокруг нас. Знания этих социальных структур, по-видимому, приобретаются в раннем детстве, хотя постоянно трансформируются в течение жизни [314].

В рамках изучения категоризации важным вопросом является природа различия между собой и другими, представленная в схеме: Я – мы – они. Приобретение различий между Я и другими – это ранняя и необходимая часть социализации. ТСИ в этом вопросе близко соприкасается с теорией социального интеракционизма, в рамках которой было показано, что некоторые символические взаимодействия возникают только через социальное взаимодействие, которое приводит к различению Я как субъекта и объекта [428, 471]. Иными словами, чувство себя и знание, что такое Я, а

что нет, способность отражать и осознавать себя – все это формируется в социальном взаимодействии.

ТСИ утверждает, что социальный мир воспринимается в категориях, которые сконструированы в процессе социализации человека. Каждый из нас принадлежит и, более того, стремится, сознательно и подсознательно, принадлежать к социальным категориям. В лабораторных экспериментах создавались группы, по сути, не имеющие для человека никакого реального значения, но, тем не менее, субъект сам навязывал себе членство в них.

А. Тэшфел показал, что достижение идентичности возможно как посредством развития личностной идентичности, так и посредством формирования социальной идентичности. По Тэшфелу, развитие идентичности происходит по пути повышения осознанности как личностной, так и социальной идентичности, что помогает человеку осуществить приспособление к различным ситуациям, регулирует поведение. В некотором смысле развитие идентичности идет от личностного к социальному полюсу дихотомии, а также от одного уровня самокатегоризации к другому.

Между этими уровнями существует функциональный антагонизм: с позиции личностной идентичности человек не видит сходства между группами, с позиции социальной – не различает индивидуальных характеристик отдельных членов группы. Любые факторы, усиливающие выраженность групповой самокатегоризации, ведут к увеличению воспринимаемого тождества между собой и членами своей группы и, таким образом, деперсонализируют индивидуальное самовосприятие. По причине деперсонализации люди воспринимают себя как аналогичные другим, а не как уникальные личности [18].

Идеи символического интеракционизма нашли свое воплощение в работах И.Гоффмана и Р. Фогельсона.

И. Гоффман выделяет три вида идентичности: социальную, личную и Я-идентичность [277, 278].

- в социальной идентичности представлены типовые атрибуты группы, к которой человек принадлежит;
- личностная идентичность включает в себя индивидуальные признаки человека, известные его партнерам по взаимодействию, в основном, это природные характеристики, а также его собственная история (события, даты);
- Я-идентичность представляет собой субъективную характеристику, которая отражает жизненную ситуацию, непрерывность и своеобразие индивида.

Таким образом, все виды идентичности имеют социальную природу.

В ходе взаимодействия присутствуют все три вида идентичности, но в разной степени. Противоречия возникают вследствие того, что в реальной ситуации взаимодействия человек использует не все свои признаки, а только некоторые из них, которые он выбирает для того, чтобы подчеркнуть свое отличие от других, добиться необходимого эффекта и т.п. Гоффман называет такие признаки знаками. Он предлагает различать знаки актуальные, т.е. хорошо проявляющиеся во взаимодействии, известные многим, очевидные или легко доказуемые, и знаки виртуальные, т.е. известные немногим, неочевидные и порой только предполагаемые. Для организации своего влияния на окружающих человек манипулирует разными видами идентичности. Противоречивость идентичностей проявляется прежде всего в этом процессе, называемом "политикой идентичности", которая реализуется при помощи различных техник:

- техника изоляции, направленная на то, чтобы закрыть от другого те признаки, которые человек не хотел бы обнародовать;

- техника компенсации или фальсификации, т.е. различные способы искажения информации о себе;
- техника деидентификации, т.е. способы и приемы моделирования новых идентификаций, коррекция виртуальной идентичности.

Важно подчеркнуть роль символов (вербальных и невербальных средств общения) и мышления (выбор политики, техники, анализ признаков виртуальной идентичности и т.д.).

Р. Фогельсон выделяет четыре вида идентичности: реальная, идеальная, негативная, транслируемая [374]:

- в реальной идентичности представлены характеристики индивида о себе самом реальном, которые он может дать на основе самоописания;
- в идеальной идентичности выражаются те позитивные характеристики, которые человек хотел бы у себя видеть;
- негативная идентичность обозначает те черты, которые не приемлемы для человека, он старается их избегать;
- предъявляемая идентичность – это внешние характеристики, которые человек "предъявляет" в ходе взаимодействия другим людям, чтобы сформировать у них определенное отношение к себе.

Между этими видами идентичности возможны ситуации противодействия, борьбы, поскольку человек стремится в реальности быть лучше, чем он есть на самом деле, как-то скрыть негативную идентичность или отойти от нее и усилить предъявляемую идентичность. При этом используются различные техники, близкие тем, о которых шла речь выше.

Во всех этих моделях личная и социальная идентичность находятся как бы на разных полюсах одного континуума, одной дихотомии, которая возникает в результате социального взаимодействия. Социальная детерминированность идентичности, которая прослеживается в работах представителей данного

направления, позволяет сказать, что в дихотомии "личный – социальный" надсистемным признаком является социальная идентичность.

Можно привести работы, в которых различные виды социальной идентичности описываются на основе исследований в области возрастных изменений этнической идентичности. Выше уже приводился пример исследования В.Ю. Хотинца, в котором описываются возрастные периоды становления этнической идентичности, но также проводится и обобщающий анализ уровней развития идентичности.

В.Ю. Хотинец, анализируя этническое самосознание, выделяет два уровня самосознания, в которых заложено представление и о формировании социальной идентичности [51, 274]:

- типологический, на котором формируется представление об этнических особенностях общности;
- идентификационный, на котором формируется этническая самоидентификация.

Типологический уровень проявляется в представлениях субъекта о реальности, в осознании общих социально-психологических признаков группы. Такие группы объединяют лишь общие для ее членов отличительные признаки. Идентификационный уровень выражается в том, что члены группы осознают свою принадлежность к ней и сознательно отделяют свою группу от другой. На этом уровне общность отражается в представлениях „мы” и „они”. Результат становления первого уровня обуславливает меру становления второго. Уровни развития самосознания являются результатом воздействия определенных условий и ситуаций.

В современных работах, посвященных проблеме развития идентичности, часто внимание исследователей сосредоточено на диалектическом и уровневом характере идентичности [28].

Так, например, Петер дю Приз, развивающий идеи психоаналитического подхода, разработал стратегическую теорию социальной идентичности, которую можно назвать психо-социологической [24]. В ней идентичность выступает в качестве внутреннего стратегического проекта, позволяющего выстраивать отношения в социальном мире.

Автор предположил, что идентификация является целенаправленным или стратегическим процессом. Каждый акт идентификации осуществляется с определенной позиции и служит некоторой цели, например, чтобы понять мир, укрепить свою позицию Я, найти союзников, отделить себя от тех, кого считают отверженными, чтобы кому-то угодить или достичь позитивной социальной позиции и т.д. Эти цели и пути их достижения автор называет проектами. Проекты являются попыткой ощутить желаемую стабильность. Знание проектов личности позволяет понять направленность ее жизни.

В работах Дж. Марсиа и Э. Уотерман, о которых речь шла выше, также прослеживается диалектическое отношение к проблеме идентичности. Движение происходит от преждевременной идентичности, которая образуется на основе осознания человеком изначально присущих ему качеств (пол, имя, возраст, традиции семьи и т.д.), к достигнутой идентичности, появление которой возможно только на основе осознания своих целей, ценностей, убеждений и самостоятельного решения о том, каким быть. Хотя данная модель разрабатывалась при изучении подростков, она вполне применима для описания механизма формирования новых идентичностей у взрослого человека.

Уотерман для описания развития идентичности использует модель Марсиа, дополняя ее различными направлениями движения. Человек может не только двигаться вперед от стадии диффузной идентичности к стадии достигнутой идентичности, но и возвращаться назад. Он может, имея достигнутую идентичность, испытать серьезную проблему или ощутить

потерю смысла, разочароваться в каких-то своих ценностях или убеждениях и снова попасть в диффузное состояние. Дальнейшее развитие будет осуществляться так же, как и в самом начале: человек может начать решать проблему поиска новой идентичности или отказаться от этого. В первом случае у него есть шанс достигнуть высшего уровня идентичности, во втором он останется в диффужном состоянии.

Аналогично по отношению к группе: когда мы знаем коллективные проекты, мы понимаем, какой мир будет строить этот коллектив. Культура в этом смысле представляет собой систему проектов, разделяемых группой.

Особое внимание автор уделяет процессу идентификации, имеющей целью доминирование над другими. В случае угрозы потерять такую идентичность индивиды ощущают напряжение, выражаемое в чувстве страха, тревожности, стыда, ярости и зависти. Автор считает, что существует много возможных стратегий (путей), чтобы снять напряжение, не изменяя своей идентичности, т.е. проекта доминирования.

Данный подход представляет собой попытку изучения идентификации в условиях нестабильного общества. Де Приз определил общественные процессы в таком обществе, как "психосоциальную акселерацию", посредством которой индивидуальные невзгоды агрегируются и политизируются, а группы поляризуются. Психосоциальная акселерация состоит из последовательности социальных явлений, которые Де Приз назвал "активаторами". К ним он отнес, например, наличие конфликтующих проектов, крушение экономики, возникновение военизированных групп, изменение в структурных позициях, идеологическое объяснение событий, заговоры и др. Психологическим следствием этих социальных явлений становятся предубеждения, чувство тревожности, страх, желание найти врага, возрастающая идентификация, потребность в сильном лидере. Помимо активаторов в обществе могут существовать и сдерживающие механизмы,

существенно нивелирующие процессы противостояния групп. К ним можно отнести доверие народа к политикам, защита меньшинств, традиции инакомыслия и критики правящих структур, подчиняемость государства закону, независимость культуры, религии и профессионализма [24].

Примером выявления уровней идентичности на основе альтернативного подхода к соотношению личностной и социальной идентичности может служить работа Г. Брейкуэлл, в которой подчеркивается социальное происхождение идентичности, вторичный характер личностной идентичности по отношению к социальной. Автор пытается представить социальную и личностную идентичности как разные точки в процессе развития социальной идентичности. Эта структура идентичности помогает преодолеть поляризацию социальной и личностной идентичности через введение таких параметров, как содержательное, ценностное и временное измерения. Она подчеркивает целостность идентичности и выделяет следующие ее структурные компоненты [18, с. 139 – 140]:

1. Биологический организм. Идентичность является продуктом взаимодействия биологического организма с социальным контекстом. Биологический организм – "сердцевина" идентичности, однако со временем он становится все менее значимой ее частью.
2. Содержательное измерение. Включает в себя все характеристики, которые индивид использует, чтобы описать себя, и которые описывают его как уникальную личность. Они относятся как к социальной (роли, групповое членство), так и личностной (ценности, мотивы, эмоции, установки, каузальные схемы, персональные конструкты) идентичности. Предполагается, что содержательное измерение непрерывно во времени и сводит воедино характеристики, относящиеся к личностной и социальной идентичности. Если признать,

что социально-ролевые категории порождают личностные установки, поддержание дихотомии между социальной и личностной идентичностью теряет смысл. Содержательное измерение расширяется по мере жизни человека. Актуальные содержания идентичности не статичны, как и их структура. Они изменяются в соответствии с динамикой социального контекста. Люди различаются по степени связанности между элементами идентичности. Одни люди обладают строгой иерархической структурой содержательных элементов, другие – лишь хаотическим набором отдельных элементов. В зависимости от актуальной ситуации какие-то элементы могут оказаться более значимыми для человека.

3. Ценностное измерение. Каждый элемент содержательного измерения имеет свою оценку, позитивную или негативную, которая приписывается ему индивидом, исходя из социальных норм и ценностей. Оценки также не статичны и могут меняться в соответствии с измерениями в наличной социальной ситуации. Таким образом, ценности индивида находятся в состоянии измерения.
4. Время. Развитие идентичности протекает в плане субъективного времени. Биографическое же время определяется содержательным и ценностным параметрами измерения идентичности, влияя, в свою очередь, на их структурную организацию.

Процессы категоризации и социального сравнения интенсивно изучаются в настоящее время в психологии.

М. Ярумович, изучая процесс категоризации и формирования в сознании структур "Я- мы- они" – выделяет следующие уровни. Социальные идентификации, выражающиеся в настройке на других и просоциальной вовлеченности, рассматриваются как характеристики социального Я (397).

Исследовательница выявила различные формы социальных идентификаций, которые базируются на различных социальных структурах:

1. Экспериментальное социальное Я. Аффективные и мотивационные механизмы, такие, как эмоциональная эмпатия, безопасность, присоединение и другие гедонистические мотивы. Например, "у меня есть опыт преподавания", "я чувствую, что понимаю детей" и т.д. Сопровождается настройкой чувств, поиском контактов, желанием включиться в какую-то группу, комфортными чувствами.
2. Публичное Я. Зависимость от группового подкрепления, концепция "мы как группа", например, "мы семья". Сопровождается согласованностью, уважением к отдельным внутригрупповым нормам и целям.
3. Коллективное Я. Когнитивные представления в реальном социальном разделении и групповом членстве, категория "мы как категориальная концепция", например, "мы психологи". Сопровождается чувством внутригрупповой (категориальной) однородности, усвоением социальных норм, внутригрупповым фаворитизмом.
4. Концептуальное социальное Я. Когнитивная категоризация, основанная на абстрактных критериях, атрибутивная концепция мы, например, "мы – честные, устойчивые". Сопровождается чувством мы, которое проходит через все социальные группы и категории.
5. Самостоятельное социальное Я. Различие двух подсистем Я: индивидуальной и групповой. Сопровождается распознаванием различных и общих ценностей, целей, принятием автономности других, групп и категорий.

На первом уровне идентификации более сильные и как бы автоматические, направленные на объекты, которые удовлетворяют первичные потребности.

На втором уровне идентификации относятся к конкретным группам и существуют до тех пор, пока человек принадлежит этим группам.

На третьем уровне идентификации связаны с категориями членства и приводят к групповому фаворитизму. Они входят в когнитивную карту индивида, которая отражает социальную реальность, и сохраняются, пока эта карта актуальна.

На четвертом уровне идентификации могут относиться к другим людям безотносительно к их групповому членству. Они трансформируются как новые когнитивные абстрактные категории, необходимые для понимания мира. Например, овладение концепцией лояльности невозможно без различения между лояльными и нелояльными людьми.

На пятом уровне происходит определение себя за пределами сравнения с другими. Благодаря наличию собственных оценочных стандартов человек может распознавать, на какие ценности ориентируются люди. Социальные идентификации в этом случае направлены не на людей, а на общие цели. Когда ценности становятся общими, похоже, что идентификации будут существовать долгое время, до тех пор пока они релевантны [397].

Иную точку зрения развивает Ю.Л. Качанов, согласно которому, социальная идентичность устанавливается как следствие двух процессов: объединения и различения. Расположить индивида в социальном пространстве – это значит определить группу людей, занимающих сходные позиции в социальном пространстве, и одновременно – отделить его от остальных. Поэтому истинный смысл социальной идентичности связан со всеми сходствами и противопоставлениями общественной жизни. Социальная идентичность – это символическое средство объединения с

одними и дистанцирования от других, важнейшее средство мобилизации индивида как носителя определенных социальных отношений [115].

Ю.Л. Качанов описывает следующие уровни социальной идентичности:

- Ситуационная социальная идентичность. Обусловлена непосредственной ситуацией. Человек, обладающий этой идентичностью, еще не является субъектом в полном смысле этого слова, так как не выступает в качестве созидателя своей идентичности. На уровне этой идентичности личность пока еще не принимает нормы и правила практики, схемы мышления, восприятия и оценивания, которые присущи идентифицируемой социальной позиции, в качестве своей социальной идентичности. Поэтому эта социальная идентичность является как бы внешней по отношению к личностным смыслам и чувственной ткани индивидуального сознания. Она связывается с социальной практикой непосредственно и поэтому достаточно осмысления, рефлексии, анализа, чтобы ее изменить.
- Надситуационная социальная идентичность. Детерминируется позицией человека в социальном пространстве, всем его социальным опытом, и поэтому она лишь опосредованно связана с актуальными условиями и предпосылками практики субъекта. Она дает "чувство социального", не отделимое от позиции человека: нормы и правила социального действия, схемы восприятия, оценивания и мышления, способы коммуникации, постановки и разрешения проблем и т.д. Она делает человека относительно независимым от внешних и внутренних ограничений его актуальной практики, определяет стратегию, так как фиксирует значимость тех или иных социальных отношений.

- Трансверсальная. Процесс перехода от ситуационной к надситуационной идентичности отражается на уровне трансверсальной идентичности (поперечной, сквозной, длящейся во времени).

Существует преемственность этих уровней: идентичность ситуационная – это своеобразный "строительный материал" для идентичности более высокого порядка. При определенных условиях идентичность ситуационная может перерасти в надситуационную. Переход от одного уровня идентичности к другой – процесс не простой и, при определенных условиях, растянутый во времени. Для того чтобы идентичность перешла из временной, отражающей конкретную ситуацию, в более устойчивую, она должна быть вписана в габитус (в теории П. Бурдьё – это всеохватывающая и протяженная во времени система диспозиций, личностная схема перцепции, оценивания и действия). Личностно значимые социальные отношения должны интегрироваться с личностным смыслом позиции и чувственной тканью социальной практики. При этом становление идентичности проходит ряд этапов, отличающихся уровнем интеграции со смысловой сферой:

- возникновение эмпатии;
- становление ситуационной социальной идентичности на основе эмпатии;
- осознание ситуационной социальной идентичности и формирование надситуационной идентичности;
- принятие личностью осознанной устойчивой идентичности в качестве личностной социальной идентичности.

Эти этапы представляют собой стадии структурно-функциональной трансформации ситуационных эмоционально-смысловых образований человека в социальную идентичность на личностном уровне организации. Согласно этому подходу, личность является субъектом своего внутреннего мира в том смысле, что она способна объективировать свои социальные

идентичности, выбирать их, выходить за рамки ситуационных социальных идентичностей. По мнению Качанова, в ходе социализации человек может объективировать свои идентичности, относиться к ним как субъект, т.е. принимать или не принимать те или иные идентичности.

Важно подчеркнуть, что идентичность рассматривается как структура и как процесс. Этому посвящены многие исследования, проводимые в рамках различных научных направлений.

Согласно приведенным выше концепциям в основе формирования социальной идентичности лежат три последовательных когнитивных процесса [28]:

Во-первых, индивид самоопределяется как член некоторой социальной категории (так, в Я-концепцию каждого из нас входит представление о себе как о мужчине или женщине определенного социального статуса, национальности, вероисповедания, имеющем или не имеющем отношение к различным социальным организациям, и прочее).

Во-вторых, человек не только включает в образ Я общие характеристики собственных групп членства, но и усваивает нормы и стереотипы поведения, им свойственные. Процесс социального взросления и состоит, по сути, в апробации различных вариантов поведения и выяснении, какие из них являются специфическими для собственной социальной категории: так, например, кризис подросткового возраста потому во многом и воспринимается как кризис, что, хотя самоопределение подростка в тех или иных социальных категориях уже произошло, форм социального поведения, данный факт подтверждающих, наблюдается еще не так много.

В-третьих, процесс становления социальной идентичности завершается тем, что человек приписывает себе усвоенные нормы и стереотипы своих социальных групп: они становятся внутренними регуляторами его социального поведения. Так, мы не только определяем себя в рамках тех или

иных социальных категорий, не только знаем и умеем вести себя соответственно им, но и внутренне, эмоционально идентифицируемся со своими группами.

Таким образом, в социально-психологическом контексте наибольшую сложность представляет выявление механизмов конструирования и трансформирования социальной идентичности, а также методов изучения этих процессов. Многие авторы признают, что социальная идентичность формируется в результате двух основных процессов: объединения и различения, которые лежат в основе сравнения. В то же время абсолютно неясно, почему те или иные виды идентичности становятся преобладающими, в чем заключается их взаимовлияние, каковы временные рамки изменения. Ответы на эти и другие вопросы требуют глубокой проработки проблемы структуры идентичности, ее динамики в различных условиях.

По мнению многих авторов, в студенческом возрасте уже сформированы основные личностные характеристики, выражающие принадлежность к полу, социальной группе, этнической группе и т.п. [2, 12, 21, 31, 53, 82, 261 и др.]. Период, когда человек стремится занять определенное место в жизни, в обществе, в отношениях со взрослыми, в повышенной потребности оценить самого себя в системе "Я – общество" приходится по мнению исследователей, на старший школьный возраст [261]. В то же время, исходя из разрабатываемого нами подхода к исследованию социальной идентичности как системы конструкторов, представляется возможным говорить о влиянии ситуативных факторов, особенно значимых в те возрастные периоды, когда основная "буря", обусловленная возрастным становлением, в отношениях с обществом улеглась, но появилась проблема профессионального самоопределения.

Перспективным в плане изучения трансформации профессиональной идентичности, на наш взгляд, является применение деятельностного подхода. Данный подход представлен в работах В.С. Агеева, который проводит анализ идентичности с позиции теории деятельности [7, 8].

Согласно его точке зрения идентичность является одним из условий осуществления деятельности, поскольку психическая деятельность членов группы в виде социальной категоризации является лишь опосредующим звеном влияния объективных условий на социальное поведение. Идентичность – это категория, которая является следствием групповой дифференциации и обеспечивает процессы объективного и перцептивного отличия своей группы от чужой, а также укрепления границ группового членства в качестве личностно значимой единицы. Вместе с тем автор подчеркивает, что групповые процессы не сводимы только к дифференциальным. У группы, наряду со стремлением к обособленности, сохранению своей индивидуальности, есть также стремление к интеграции. В связи с этим Агеев выделяет следующие интегративные характеристики группы:

- групповая аффилиация, выражающаяся в стремлении быть составной частью более широкой социальной общности;
- групповая открытость, выражающаяся в стремлении к межгрупповому взаимодействию, социальным процессам более высокого порядка;
- межгрупповая референтность, выражающаяся в обращении к внешней, более значимой группе, как к зеркалу, для проверки определенных ценностей и норм.

К созданию социальной идентичности причастны, по его мнению, дифференцирующие групповые процессы. Интегративные процессы, которые предохраняют группу от изоляции и самоизоляции и обеспечивают все богатство связей с другими группами, вхождение группами в более широкие

социальные общности, принятие ценностей более высокого порядка и в конечном итоге обмен социальным и культурным опытом, не ответственны за создание социальной идентичности.

Это интересная точка зрения, которая заслуживает внимания особенно в плане поиска новых подходов к изучению идентичности. Вместе с тем если следовать логике рассмотрения социальной идентичности как результата процесса категоризации, то можно допустить, что идентичность имеет специфические, особенные и всеобщие черты, сопровождающиеся определенными ценностными, эмоциональными и мотивационными характеристиками. Также можно предположить, что идентичность – это проявление двух процессов: как дифференциации, так и интеграции.

Развивая идеи автора, можно сказать, что на формирование идентичности должно влиять восприятие сходства профессионального пространства, а также его включенности в более широкую социальную среду, без учета которой невозможно комплексное решение задач профессиональной деятельности. В таком случае косвенным показателем идентичности (а также и следствием ее) будет восприимчивость к ценностям и нормам профессионального сообщества, несмотря на географические, политические и другие барьеры. Поэтому нами проводился анализ стереотипов, а также анализ соотношения социальной идентичности с особенностями усвоения современных требований и ценностей образования.

3.3. Проблема кризиса социальной идентичности

Социально-психологическое исследование трансформации идентичности в современной науке проводится прежде всего в связи с так называемым явлением кризиса социальной идентичности.

Важной особенностью современного общества является его динамичность. Общественные изменения происходят буквально на наших глазах и

охватывают сразу все поколения. Они создают противоречия в социальном самосознании как у каждого конкретного человека, так и между поколениями. Если раньше многие люди относили себя к категории "советский человек", которая определяла их образ жизни, стиль поведения и чувства, то теперь пока еще нет такой обобщенной категории, детерминирующей социальную идентичность многих людей, например, нескольких поколений. Это явление психологи называют кризисом социальной идентичности [15, 145].

Кризис идентичности является одним из важных компонентов современной социальной ситуации в России, что отражено в ряде работ, направленных на изучение развития человека в новых социально-экономических условиях [29, 70, 75, 84, 170, 176]. Отход от однажды зафиксировавшейся идентичности переживается человеком как эмоциональный кризис, сила которого зависит от многих факторов, в том числе от глубины прошлой идентичности в сознании человека [30].

В контексте проблемы социальной идентичности так же часто, как по отношению к экономической и политической ситуации в стране, применяется термин "кризис". Это понятие еще находится в стадии определения и проработки, поэтому в литературе можно найти несколько достаточно далеких друг от друга подходов [15, 119, 145, 194, 241 и др.].

Г.М. Андреева кризис идентичности определяет как особую ситуацию сознания, когда большинство социальных категорий, посредством которых человек определяет себя и свое место в обществе, кажутся утратившими свои границы и свою ценность. В проблеме идентичности интересно не только, к какой социальной группе принадлежит человек объективно, но и то, с какой группой он субъективно отождествляет себя и какую соответствующую систему ценностей вырабатывает. Поскольку позитивная оценка сопровождает социальную идентичность, человек не просто относит себя к

какой-то группе, но и наделяет эту группу позитивными чертами. Поэтому кризис идентичности определяется не только как трудность в обозначении своей ниши в обществе, но и как утрата позитивных представлений о своей группе и ценностных ориентиров [15].

Этот подход отчасти развивает концепцию Г. Тэшфела и Д. Тернера, согласно которой кризис социальной идентичности можно определить как утрату позитивной определенности группового членства [490].

В контексте эпигенетического принципа Э. Эриксона кризис идентичности – это поворотный момент в развитии, ситуация выбора между позитивной и негативной линиями развития, прогрессом и регрессом.

В.Н. Павленко подходит к пониманию кризиса как к рассогласованию исходной гармонии, возникающих новых противоречий в сознании. "Отражением субъективно переживаемого кризиса социальной идентичности является наличие осознаваемого или неосознаваемого рассогласования между стремлением индивида к идентификации с основными социальными общностями и невозможностью осуществления этого в желаемой степени" (194). При этом основными общностями автор считает, в первую очередь, этническую и гражданскую, располагая их на одной линии. Безусловно, потеря идентификации с более широкими общностями приводит к конфликтам и противоречиям между группами, иерархически расположенными внутри этих общностей. В то же время, если человек не может отождествить себя с какой-то общностью так, как ему хотелось бы, является ли это непременно признаком кризиса идентичности? Это может быть проблемой, например, развития, мышления, т.е. не идентичности. Предположим, что человек хочет как бы продлить свою принадлежность к общностям, например, стать жителем Советского Союза, которого нет, или ребенком, когда детство уже ушло, и т.д. При этом, на наш взгляд, основное противоречие, порождающее кризис, находится не между стремлением к

идентификации и слабыми возможностями в осуществлении этого, а между желанием стабильности Я и необходимостью искать себя и делать выбор. Кризис порождается тем, что человек не в состоянии оставаться тем, кто он есть, он должен делать осознанный выбор новой идентичности. Этот процесс сложный и для многих людей болезненный. Он может осложняться крахом социальных структур, отсутствием культуры рационализации проблем, самостоятельного принятия решений и другими внешними и внутренними факторами.

Кризис идентичности рассматривается как один из показателей противоречивости исторического процесса в период радикальных преобразований, а также острой ломки устоявшегося образа мира [15].

Н.М. Лебедева, изучающая социальную идентичность в условиях нестабильности общества, определяет кризис социальной идентичности как ощущение утраты смысловой насыщенности прежних форм социальной идентификации и поиск новых, отвечающих базальной потребности человека в смысле и способствующих наиболее адекватной адаптации в изменяющейся социальной реальности (144, 145). На основе изучения процессов динамики социальной идентичности у русских в ближнем зарубежье автор приходит к выводу, что кризис идентичности заключается в утрате связи между позитивной этнической идентичностью и этнической толерантностью, лежащей в основе сбалансированной и непротиворечивой социальной (этнической) идентичности, а поиски выхода из кризиса (часто неосознаваемого) — это поиски наиболее адекватных способов восстановления этой утраченной связи на новом уровне (143, 144, 145). Это интересный подход, но, по нашему мнению, в нем упускается такой важный компонент анализа, как уровень выраженности идентичности, поскольку сильная позитивная социальная идентичность возможна на основе постоянного социального сравнения, что ставит под сомнение саму

вероятность толерантности к чужакам. Опыт управления этническим самосознанием, который имел место в период социализма в нашей стране, служит хорошим примером, подтверждающим справедливость этой мысли.

Кризис может вызываться разными причинами: возрастными изменениями и необходимостью адаптации к новым психосоматическим качествам, социальными изменениями в глобальном и локальном плане. В любом случае суть кризиса остается одной и той же: человек теряет устоявшееся представление о себе и пытается найти новые ориентиры и критерии обретения гармоничного состояния. Поэтому кризис социальной идентичности – явление глубоко индивидуальное. Когда и как он будет протекать у каждого конкретного человека – сказать невозможно без обращения к опыту этого человека. Можно лишь определить общую тенденцию: в некоторые возрастные периоды и в определенных социальных условиях вероятность переживания кризиса идентичности растет. Но так же, как реакция на происходящие события различна у разных людей, и кризис по-разному переживается. Не случайно Павленко предлагает разделить кризис социальной идентичности на объективно фиксируемый (ОФК) и субъективно переживаемый кризисы (СПК). ОФК означает, что человек слабо ощущает себя членом крупных общностей (этническая или гражданская). При этом он может как испытывать, так и не испытывать субъективные переживания по данному поводу. СПК характеризуется тем, что человек испытывает переживания по поводу того, что он не отождествляет себя с этнической или гражданской общностями (194).

В данной работе кризис идентичности рассматривается с позиции утраты ценностных и позитивных представлений о своей группе, а также нарушения устоявшейся внутренней гармонии (Я не знаю, кто я теперь) и возникновения необходимости выбора возможностей для идентификации (Я должен решить,

кто я). Развивая идеи Г.М. Андреевой и Н.М. Лебедевой, мы также считаем, что кризис – это потеря гармонии и направленность на ее обретение.

Мы определяем *кризис социальной идентичности* как отражение в сознании индивида несоответствия сложившейся идентификационной системы личности новым требованиям реальности (внешней или внутренней), которое актуализирует необходимость сознательного выбора новой идентичности, умения следовать этому выбору. Этот процесс сопровождается переоценкой имеющихся ценностей и выработкой новых, а также динамикой соотношения бессознательных и осознанных механизмов идентификации, которые проявляются в условиях кризиса. В стабильные периоды жизни человек иногда бессознательно принимает навязанную ему идентичность, но, когда под влиянием различных причин эта стабильность нарушается, ему приходится делать сознательный выбор из альтернатив при ответе на вопрос идентичности.

В последнее время серьезной проблемой психологических исследований является трансформация идентичности в ситуациях, когда субъект оказывается в группах, которые не могут оцениваться позитивно по сравнению с другими. В этом случае, согласно аксиоме ТСИ, нарушается групповая дифференциация и возникает угроза сохранения самоуважения, что влияет на поведение человека. Но как ведет себя человек в такой ситуации – вопрос, требующий ответа для анализа реакции человека на определенную социальную ситуацию и прогнозирования его поведения под влиянием социальной динамики.

Стратегии поддержания позитивной идентичности.

Исследования показали, что как временные границы формирования социальной идентичности, так и точность знаний о своей принадлежности к определенной общности во многом зависят от того, к какой группе

принадлежит человек – группе большинства или меньшинства. В психологическом смысле группа меньшинства не обязательно меньшая по численности. Она отличается по статусу, являясь низкостатусной группой, члены которой по своим физическим или культурным особенностям отличаются от других членов общества и подвергаются дискриминации. Более исследованными являются группы этнических меньшинств. Результаты этих исследований показывают, что знание своей принадлежности к той или иной группе формируется уже в подростковом возрасте, когда у представителя меньшинства появляется осознание того, что у него есть весьма существенная, по словам Э. Эриксона, “свобода активного выбора”, идентифицировать ли себя с группой, членом которой его воспринимают другие, или с высокостатусной в обществе и являющейся для него референтной группой доминантного большинства. Это значит, что человек начинает осознанно использовать разнообразные стратегии поддержания позитивной идентичности уже в подростковом возрасте [244].

В случае неблагоприятного межгруппового сравнения выявлены разнообразные индивидуальные стратегии для поддержания позитивного самоотношения при конструировании социальной идентичности, как поведенческие (индивидуальная мобильность), так и когнитивные (конструирование множественной идентичности, выделение подгрупп внутри более общей группы; смещение акцента с социальной на личностную идентичность либо на другие типы социальной идентичности; изменение критериев или объектов при сравнении своей группы с другими).

На сегодня наиболее изучены две основные стратегии, а именно, поведенческие ответы на низкий групповой статус, направленные на сохранение или достижение позитивной социальной идентичности:

а) социальная мобильность, т.е. уход из группы, все виды попыток субъекта покинуть ее и перейти в другую группу;

б) изменение статуса группы, не уходя из нее (социальные изменения).

Какой выбор стратегии сделает человек, зависит в большей степени от его убеждений относительно этих двух стратегий [361], а также от рамок этих стратегий.

Социальная мобильность предполагает уход из группы, т.е. проницаемость границ группы. Когда индивиды негативно оценивают группу и считают, что ее границы проницаемы, они могут попытаться перейти в более позитивно оцениваемую группу. Выбор этой стратегии означает, что человек признает границы групп более открытыми, чем закрытыми, поэтому он допускает для себя возможность принадлежать одной группе и в то же время получать удовлетворение от другой [314]. Но не все группы могут быть открытыми в той мере, в какой хотелось бы некоторым людям. Расы и пол – наиболее закрытые группы, из которых выйти сложно, а иногда невозможно [457]. Другие группы более открыты, поэтому у человека может быть много возможностей реализовать стратегию мобильности.

Надо отметить, что в обществе существуют механизмы как продвижения людей из одной группы в другую, например, карьерный и профессиональный рост, так и поддержания стабильности и сохранения групп. Например, достаточно сложно перейти в высокостатусные группы, так как в этом случае действует психологическое правило одновременного преувеличения людьми внутригруппового сходства и межгрупповых различий: при оценке претендентов на вступление в “клуб для избранных” его члены скорее предпочтут, чтобы “подходящий” человек оказался вне клуба, чем “неподходящий” вступил в него [7].

Иногда человек не выходит из группы несмотря на ее низкий статус и возможность выхода, потому что чувствует психологическую связь с данной группой и не находит сил уйти. В обществе для обеспечения внутренней

стабильности существует много различных норм, которые противостоят тенденции ухода и делают мобильность в некотором смысле общественно регулируемой.

В зависимости от социальной системы у человека складывается представление о возможности смены даже таких "закрытых групп", как национальные. Например, в США многие люди называют себя "американец, но бывший русский (поляк и т.п.)". Но в то же время есть примеры индивидуального выбора национальной идентичности, не совпадающей с официальной [314].

В других странах поддерживается в обыденном сознании иллюзия принадлежности к национальному целому. В нашей стране, где паспортная система "приковывала" человека к месту проживания и этносу, определяя его национальную принадлежность по кровному родству, эта иллюзия особенно сильна, а понимание этнической принадлежности как приписываемого качества часто встречает отторжение [244]. Так, Ю.П. Здравомыслов на основе результатов социологического опроса, проведенного в 1995 году, показал, что 48,6% россиян считают, что национальность дана человеку от природы или от бога и менять ее нельзя и лишь 9,7% думают, что человек вправе делать сознательный выбор национальности [90].

Исследование малых групп показывает, что при адекватном неблагоприятном оценивании собственной группы, как правило, существует объективная возможность перехода в другую группу. Более сложна проблема при негативном восприятии собственной большой группы: социального слоя, пола, расы, т.е. групп с низким или нулевым уровнем межгрупповой мобильности [314]. Во все времена отдельные представители социальных низов выбивались "наверх" благодаря таланту, усилиям, удаче.

Субъективные границы группы очень размыты и ситуативны, что особенно проявляется в поликультурных обществах [182, 244, 314].

В ситуациях неблагоприятного социального сравнения человеку приходится проходить через “постоянный внутренний референдум” на лояльность к той или иной общности. В процессе их самоидентификации работают два основных критерия: внешний критерий приписывания (то, кем другие их воспринимают) и внутренний критерий внутреннего выбора (то, кем они сами себя осознают). Для бесконфликтного существования индивида в объективной реальности межэтнических отношений необходимы согласованность критерия приписывания и критерия свободного выбора, подтверждение субъективной идентичности окружением. Но когда явных межгрупповых различий нет, существует высокая степень согласия между внешними (даваемыми другими) и собственными (самоопределяемыми) критериями идентичности: группа примет индивида, даже если по крови он – “чужой”. Родившемуся и выросшему в русской культуре человеку, родители которого по паспорту белорусы, легко осуществить свой свободный выбор: он не только сам может осознавать себя русским, но его родной язык, поведение и внешний облик не мешают окружающим отнести его к этой этнической общности [244].

Внешний критерий приписывания особенно важен, когда этничность проявляется в очень явных физических характеристиках, например, в расовых различиях. Отдельные индивиды и в этом случае идентифицируют себя с доминантной группой большинства. Например, афро-американцы, которых называют “орео”, в мыслях и действиях больше похожие на белых, чем на черных, считают себя черными снаружи и белыми внутри [323], причем данная идентичность объективируется в их сознании как “действительное Я” [30]. Это вовсе не означает, что белые их принимают в свою группу. Даже люди из смешанных в расовом или этническом отношении браков, часто оказываются чужими для одной или обеих групп:

кем бы сам себя ни осознавал мулат, для белых он – негр, а для черных – белый.

Изменение статуса группы, не уходя из нее (социальные изменения). Согласно ТСИ эта форма позитивного ответа на негативно оцениваемое членство в группе предполагает возвращение в группу и последующие действия, направленные на изменение статуса или оценки этой группы. Если человек выбирает стратегию "социальные изменения", это значит, что его действия основаны на мнении о том, что статус групп может изменяться, поэтому возможно изменение негативной оценки членства на позитивную. Предполагается, что люди не могут реально оценить фактический статус группы, но они могут через свое поведение повлиять на отношение к группе.

А. Тэшфел и Д. Тернер [490, 500, 501] выделили два пути достижения данной стратегии:

- социальное творчество (социальная креативность), т.е. переоценка самих критериев, по которым проводится сравнение;
- социальное соревнование (конкуренция), т.е. прямое приписывание желательных характеристик своей группе и противопоставление их чужой, с которой производится сравнение.

Выбор между ними зависит больше от того, в каком случае человек чувствует себя наиболее защищенным. Безопасными человек воспринимает стабильные и узаконенные связи внутри группы. Неустойчивые или незаконные межгрупповые отношения воспринимаются как более опасные.

Социальное творчество. Стратегия социального творчества характерна для ситуаций, когда имеет место негативный результат межгруппового сравнения. Понятно, что социальное сравнение в контексте безопасности (стабильности и легитимности) лучше для сохранения стабильности группы, чем социальное сравнение, которое ведет к внутригрупповому отдалению, поскольку оно будет угрожать социальной идентичности. Когда человек не

может отвергнуть для себя негативный результат сравнения, он должен найти альтернативные пути поддержания социальной идентичности. Существует достаточно много исследований, подтверждающих важность для самоидентификации этого критерия. Например, роль критерия безопасности при выборе данной стратегии подчеркивают авторы, изучающие формирование этнической идентичности. Человек стремится сохранить или восстановить позитивную этническую идентичность, которая дает ощущение психологической безопасности и стабильности. Стратегия трансформации идентичности при этом может принимать различные формы, связанные с пересмотром критериев или объектов сравнения или поиском новых оснований для сравнения. Попытку таким способом сохранить позитивную этническую идентичность можно обнаружить в содержании автостереотипов групп, потерпевших поражение в межгрупповом соревновании: группы с более низким статусом имеют тенденцию характеризовать себя с точки зрения теплоты и добросердечия [244].

В ТСИ стратегии поддержания положительной социальной идентичности описываются как социальная креативность (социальное творчество). Суть этих стратегий заключается в том, что члены группы пытаются увидеть позитивные различия в пользу своей группы при сравнении с другими, а также найти положительные признаки их группового членства, переопределяя или изменяя элементы сравнительной ситуации [490].

Стратегия социального творчества проявляется и в восстановлении субъективного благополучия с помощью выбора для сравнения еще менее успешных или еще более слабых групп.

Варианты подобной стратегии реструктуризации идентичности позволяют членам групп меньшинства сохранить позитивную идентичность, исключив из нее вызывающую беспокойство этническую составляющую. Во-первых, она может проявляться в предпочтении личностной идентичности,

когда осуществляется осознание себя прежде всего как уникального индивида, а не как члена группы. Во-вторых, возможна реструктуризация социальной идентичности с вытеснением из нее этнической идентичности. Какие категории использует индивид, чтобы уйти от переживаний, связанных с принадлежностью к этнической группе? При формировании социальной идентичности он может опираться на гражданскую идентичность и причислять себя к широким наднациональным общностям – европейцам, гражданам мира, т.е. декларировать космополитическую идентичность [90, 195]. Но в иерархии социальных идентичностей индивида намного более значимое, чем этническая идентичность, место может занять и идентичность с малой группой – семьей или группой сверстников.

Можно выделить три основных способа реализации стратегии социального творчества [314]:

1. Поиск новых критериев для сравнения, благодаря которым стоимость группового членства становится более признанной. Как межгрупповая стратегия она получит успех, если, во-первых, участники группы отнесутся к новому критерию сравнения как правильному и, во-вторых, внешняя группа может в какой-то мере принять новшество. Можно привести много примеров, когда группа обладает не выгодными по сравнению с другими исходными ресурсами, но пытается изменить критерии оценивания конечного результата совместного труда.
2. Переоценка критериев сравнения, которые приводят к негативной оценке группы. Суть этой стратегии заключается в том, что члены группы отбрасывают характеристики, которые могут негативно влиять на социальную идентичность и уничтожить сущность группы. Хог и Абрамс [390] заметили, что эта стратегия наиболее вероятна по отношению к закрытым группам, члены которых обладают стабильными характеристиками, например, в случаях группового определения,

связанного с цветом (расы) или полом. В литературе приводится много убедительных примеров относительно переоценки качеств "черных" в США, которая наблюдалась в 1960-е годы и позже.

3. Поиск новых источников сравнения. Членство в группе, которая негативно оценивается через социальное сравнение с людьми вне группы, может быть источником для нового сравнения, поиска новых групп или людей. Это чаще происходит на индивидуальном уровне. Здесь действует мотив не самооценивания, а саморасширения, который позволяет не только делать сравнение с членами своей конкретной группы, но и искать других людей для сравнения (равного или более низкого статуса). Индивидуальное сравнение в данном случае придает устойчивость группе.

Социальное соревнование (конкуренция). В случаях, когда социальное сравнение небезопасно, применяется стратегия социального соревнования, которая является своеобразной реакцией на угрозы на уровне не внутригрупповых, а внегрупповых отношений. В реальности наблюдается много различных форм социального соревнования, каждая из которых носит политический характер и включает в себя попытки изменить структуру или позицию группы в пределах общности. Ярким примером социального соревнования как внутригрупповой стратегии может служить прямая конфронтация между группами (столкновение болельщиков, гражданская война и т.д.). Внутригрупповая реорганизация – это другая стратегия, встречающаяся чаще, например, в политических партиях после тяжелого поражения на выборах [314].

К развитию социального соревнования ведет много причин таких, как социальная несправедливость или дискриминация, противопоставление, восприятие депривации и других [328]. Все это прямой вызов для личной или социальной идентичности. Например, восприятие депривации не абсолютно,

оно существенно зависит от процессов социального сравнения. Люди верят, что они могут иметь лучшие результаты, чем те, которые у них есть на самом деле [465].

Соревнование возможно на различном уровне поведения: личном и социальном. Это следует из социального сравнения на индивидуальном уровне, т.е. между собой и другими членами своей группы, и социального сравнения на групповом уровне, т.е. между собственной и чужой группами [444]. Исследования выявили, что восприятие депривации группой может приводить к таким социальным результатам, как усиление групповой идентичности и социального протеста [306, 402]. Восприятие личной депривации чаще связано с некоторыми психосоматическими симптомами и стрессами.

Идентичность оказывается тем компонентом Я, который обеспечивает связь между этими двумя формами восприятия и поведения (личностного и социального). Когда результаты оцениваются на индивидуальном уровне, появляются аспекты личностной идентичности, которые проявляются в том, что человек объясняет воспринимаемую депривацию в терминах атрибутов личности. Когда результаты оцениваются на групповом уровне, проявляются аспекты социальной идентичности, которые окрашивают объяснение депривации и влияют на выбор поведения, направленного на решение проблем.

Таким образом, согласно ТСИ большинство попыток избежать негативного оценивания внутригруппового членства связано с переоценкой своего социального статуса. При этом любая межгрупповая стратегия может встретить сопротивление во внешней группе, вызвать межгрупповую напряженность и военные действия, поскольку, как правило, группа не освобождает свою любимую позицию легко или добровольно по

политическим причинам или ради поддержания благоприятной социальной идентичности [314].

В современных исследованиях выявлена еще одна стратегия, которая наблюдается при неблагоприятном результате межгруппового сравнения. Так, члены групп дискриминируемого меньшинства могут принять правильную самоидентификацию вместе с негативной оценкой группы. В этом случае формируется негативная этническая идентичность, которая может сопровождаться ощущением неполноценности, ущемленности и даже стыда за представителей своего этноса [241].

Современные эмпирические исследования, посвященные вопросам влияния знаний о себе и самооценности на поведение и взаимодействие в условиях социального взаимодействия и социального сравнения, делают сильный акцент на процессах самоверификации [473, 474]. В них тенденция к подтверждению позитивных взглядов и тенденция к подтверждению негативных взглядов на себя отмечаются как равноправные.

Что касается людей с негативными взглядами на себя, то в данных исследованиях показано, что для них самоверификация и самооценность оказываются разнонаправленными. Данные, полученные в результате как лабораторных, так и полевых исследований позволили сделать вывод, что люди преимущественно выбирали именно тех партнеров, которые бы подтверждали их представления о себе, даже в том случае, когда эти представления были негативными. Одной из причин, объясняющих такое поведение, является желание поддержать ощущение предсказуемости и контроля [473].

В ряде работ показано, что негативная этническая идентичность, характерна прежде всего для стигматизированных групп, т.е. имеющих неблагоприятные черты, которые вызывают стремление наказать, изолировать или как-нибудь иначе унизить представителей этих групп [233,

244], что часто происходит по отношению к группам этнических, половых и других меньшинств.

Также возможны стратегии поддержания позитивного самоотношения через выделение подгруппы, которой приписываются более положительные характеристики. Это проявляется в идентичности молодежных групп, которые называют себя в соответствии с определенными предпочтениями в музыке, спорте, одежде и т.д.

Осознание себя как члена негативно оцениваемой в обществе группы допускает и конструирование амбивалентной идентичности, которая позволяет частично сохранить позитивное самоотношение, но способствует формированию “комплекса раздвоения личности”. Так, начиная с 40-х годов принадлежность к еврейству в нашей стране создавала двойственное чувство: гордость в приватной сфере и унижение в сфере публичной [244].

Таким образом, в случае отрицательной идентичности, видимо, правильнее было бы говорить не о стремлении индивида к изменению представлений о себе, своего социального окружения или места в нем с целью усиления или подтверждения позитивной Я-концепции, но о стремлении к поддержанию стабильности представлений о себе. Возможно, что кроме мотивации самоуважения действует еще и мотивация стабильности. Этот момент нам представляется очень важным для развития идеи ТСИ о мотивационной природе идентичности и прогнозирования трансформации идентичности в новых социальных условиях.

Проведенные анализ позволяет выявить следующие *закономерности трансформации социальной идентичности*:

А) Идентичность является динамичным компонентом Я, степень изменчивости которого зависит как от индивидуальных особенностей личности, так и от интенсивности и характера внешних влияний на жизнь человека. Невозможно не согласиться с Э Эриксоном в том, социальная

идентичность постоянно развивается, никогда не достигает завершенности и не может использоваться как готовый инструмент личности.

Б) Процесс развития идентичности протекает в сфере сознательного, и бессознательного. Различение сознательного и бессознательного членства в группе является самым спорным моментом в проблеме социальной идентичности [15]. Сознательные и бессознательные процессы играют важную роль в становлении идентичности. Можно предположить, что эмоциональный компонент идентичности больше связан с бессознательной обусловленностью, а когнитивный – с сознательной. Любая идентичность строится как на каких-то априорно принимаемых и не осознаваемых явлениях, так и на осознанных фактах, решениях, выводах.

В) Основными механизмами развития и формирования идентичности можно назвать следующие: а) подражание, когда индивид независимо от уровня осознания копирует формы, эталоны, стереотипы, ценностное сопровождение поведения других людей из той социальной общности, с которой он себя идентифицирует; б) необходимое принятие, например, под влиянием групповых правил и ценностных норм, требований культурных традиций, тех форм поведения, которые свойственны его группе; в) осознанное, ответственное принятие идентификационных характеристик, сопровождающееся принятием норм, правил и стереотипов поведения.

На уровне межгрупповых отношений выделяются два основных механизма, выполняющих функцию конструирования социальной идентичности: а) стереотипизация как особый случай атрибуции черт, которые индивиду приписывают характеристики, исходя из его группового членства (социальные стереотипы, социальные представления); б) социальная каузальная атрибуция как приписывание причин поведения и достижений индивида на основе групповой принадлежности [119, 244].

Проведенный анализ показывает, что, несмотря на оживление исследований трансформации идентификационных структур в условиях ускорения социальной динамики, эта проблема является слабо проработанной. Многие серьезные вопросы остаются без ответа: Почему меняется идентификационная структура? В чем заключаются трудности социализации в условиях кризиса? Под влиянием каких воздействий строятся субъективные границы идентичности? Каковы критерии успешного выхода из кризиса? Поиск ответов на эти вопросы имеет научное и прикладное значение особенно для тех социальных институтов, которые занимаются реализацией задач воспитания.

3.4. Основные положения авторской концепции социальной идентичности

Проведенный анализ основных подходов к анализу изучаемого феномена показывает, что проблема принципов построения структуры социальной идентичности, целостного системного характера социальной идентичности является ключевой как в теоретическом, так и практическом плане.

Несмотря на растущую актуальность данной проблемы и большой поток исследований отдельных видов социальной идентичности, остаются еще слабо изученными вопросы относительно целостной картины этого феномена, взаимосвязи его структурных компонентов, динамики идентичности под влиянием различных социальных условий. Поэтому не существует полной и всесторонней модели социальной идентичности, в которой бы отражались как иерархичность существующих компонентов, так и психологические особенности их содержания и функционирования. Сложившиеся представления о социальной идентичности не позволяют перейти к анализу ее структуры как целостного и сложно организованного психологического образования.

Опираясь на теоретические подходы, мы пришли к выводу, что социальная идентичность представляет собой единство когнитивных, мотивационных и ценностных параметров.

По нашему мнению исследование мотивации идентификации связано с рядом проблем, поскольку в социальной психологии слабо проработаны вопросы о структуре и функциях идентичности. Ощутимо продвинуться вперед и прийти к анализу соподчиненности мотивации идентификации возможно, если сформировать более четкие представления о структуре идентичности и соподчиненности различных ее компонентов. Поэтому анализ структуры социальной идентичности имеет большое значение и для развития понимания мотивации идентификации.

Опираясь на сложившиеся в отечественной и зарубежной психологии представления, теоретические подходы о сущности и структуре социальной идентичности нами был разработан социально-психологический подход к исследованию социальной идентичности, суть которого сводится к следующим концептуальным положениям:

1. Социальная идентичность понимается как сложное целостное личностное образование, имеющее содержательные (предмет идентичности) и формально-динамические (устойчивость, осознанность, выраженность, интенсивность и т.д.) характеристики. Она является динамической системой социальных конструктов, т.е. функционирует в форме конструкта, который представляет собой симультанную констатацию сходства и различия [117].

"Социальные конструкты" – это способы истолкования мира, фокус пригодности которых сосредоточен на социальных общностях. Термин подчеркивает природу идентичности, а именно, происхождение из области социального взаимодействия и опыта. Социальный конструкт представляет собой когнитивно-мотивационное ядро социального самосознания, которое создается в ходе усвоения социального опыта.

Мы склонны употребить термин конструкт для определения социальной идентичности, поскольку он отражает все перечисленные выше признаки этого явления, а также позволяет применить конструктивистский подход к анализу трансформирования социальной идентичности.

Мы предположили, что социальная идентичность является целостной системной характеристикой, которая конструируется субъектом под влиянием необходимости выбора новых ориентиров в социальном пространстве. Целостность понимается нами в рамках системного подхода, как упорядоченность, иерархическая организованная совокупность компонентов идентичности.

Системность рассматривается на основе подхода, который развивается в российской психологии и предполагает анализ системы с позиции следующих критериев: 1) целостность; 2) функциональность 3) наличие взаимосвязанных элементов; 4) взаимодействие элементов в соответствии с общей целью; 5) ее свойства не сводятся к свойствам образующих ее компонентов; 6) информационное и энергетическое взаимодействие со средой; 7) свойства адаптивности.

2. Социальную идентичность можно рассматривать в качестве центрального смыслообразующего элемента личности, имеющего когнитивно-аффективную природу, который оказывает влияние на ценностно-смысловую сферу, мышление и поведение человека. В соответствии с этим социальная идентичность имеет сложную структуру, в которую включаются когнитивные (знание принадлежности к социальным общностям), а также мотивационно–ценностные компоненты, в которых проявляется единство активизирующего, оценочного, смыслового и регулирующего функционального значения идентичности.

3. Поскольку конструкт – это двухполюсная структура, то социальная идентичность основана на соотношении сходства и различия. Идентичность

обеспечивает процессы сближения Я с определенными индивидами и группами – на основе интеграции и процессы определения границ целостности и независимости Я – на основе дифференциации. Поэтому, когда человек отвечает на вопрос: "Кто я?", он имплицитно решает и другую проблему: "Кто не я?".

Каждая категория группового членства имеет два противоположных полюса, которые по-разному осознаются и вербализуются, поскольку имеют разный вес в реальной жизни. Например, говоря "я – учитель", человек как бы определяет в социуме тех людей, с которыми он может определить свое сходство, и тех, кто отличен от него. Он относит себя к группе учителей и одновременно с этим не относит себя к другим группам, причем не ко всем, а к тем, которые релевантны критериям сравнения. Проще выявляется тот полюс дихотомии, который актуален для человека. Но в целях более глубокого понимания сути идентификационной системы личности необходимо попытаться понять и суть противоположного полюса. Идентичность включает в себя характеристики, благодаря которым люди делят мир на похожих и непохожих на себя.

Изменение структуры идентичности сопровождается проявлениями, характерными для изменения конструктивной системы в целом, в частности, тревогой, переживанием кризиса, переходом на противоположный полюс конструкта, поиском адекватных категорий и последующей перестройкой системы в целом. Данную особенность социальной идентичности важно учитывать при анализе поведения человека в условиях кризиса социальной идентичности и при попытках перестроить свою жизнь в рамках его личной системы конструктов.

Таким образом, социальная идентичность рассматривается нами как переживание своего тождества с определенной группой и отделение себя от других групп (что свойственно конструкту). Поэтому при прояснении

социальной идентичности индивид отвечает как бы на два имманентно присутствующих в его сознании вопроса: "Кто я?" и "Кто не я?".

4. Хотя конструкт и является базовой единицей анализа, но социальная идентичность образуется не единичным конструктом, а целостной системой, объединяющей определенное количество взаимосвязанных конструктов. Конструктивная система может иметь различную структуру в зависимости от индивидуальных особенностей субъекта [117, 265], что позволяет по-новому подойти к анализу индивидуальной структуры социальной идентичности.

Как отмечалось выше, традиционно исследователи социальной идентичности, опираются на представления об уровнях самокатегоризации, предложенных Дж. Тернером [499]. Мы будем учитывать точку зрения Тернера, развивая ее в том смысле, что социальная идентичность может быть представлена не только на промежуточном уровне, как общая сумма личностных идентификаций, которые являются специфическими социальными категориями, интернализированными в когнитивный компонент Я- концепции, но и на других уровнях. Развивая идеи Тернера, нельзя не обратиться к исследованиям Ш. Струкера, который показал, что социальное поведение человека можно рассматривать как последовательность сконструированных и иногда принудительных процессов. Он считает, что Я является структурой, в которой представлены различные установки на других людей. Основной вопрос заключается не в том, является ли поведение сконструированным или нет, а в том, под влиянием каких условий оно будет конструироваться, какая позиция повлияет на формирование взаимоотношения между индивидом и обществом [470].

На наш взгляд, идея Тернера, основанная на логическом допущении существования трех уровней социальной идентичности, может получить свое развитие, если прибегнуть к иному ракурсу рассмотрения структуры

идентичности, а именно, как сложно организованной системы социальных конструкторов.

Мы выделяем две плоскости рассмотрения структуры идентичности:

Первая – подструктура характеристик идентичности: а) когнитивная: знания, представления об особенностях своей группы, о своих качествах, осознание принадлежности к ней; б) мотивационная: побуждения, которые соответствуют специфической картине мира субъекта (241), побуждения, благодаря которым человек конструирует ту или иную идентичность; в) ценностная: оценка значимости этого членства, оценка себя как члена группы. Сочетание этих элементов в структуре идентичности оказывает влияние на мышление и поведение человека.

Вторая – подструктура базовых конструкторов, которую можно анализировать, опираясь на различные теоретические подходы. Вслед за Б.Г. Ананьевым [14], мы будем рассматривать компоненты идентификационной структуры в соответствии с самоидентификацией: как биологического существа (индивид), как субъекта деятельности (субъект) и как субъекта общественных отношений (личность) – предполагает анализ формальных признаков конструктивной системы, в частности, наличие базового конструктора, сочетания конструкторов, монолитность или дифференцированность.

Это позволяет по-новому посмотреть на разновидности социальной идентичности, отойти от традиционного выделения видов идентичности в зависимости от типологии групп, дополнив ее анализом типологии индивидуальных социальных конструкторов.

У человека может быть достаточно много идентичностей. Но все они упорядочены в определенную систему взаимосвязанных и упорядоченных компонентов. Какие-то из них образуют основу, фундамент, другие надстраиваются над ними. Можно сказать, что социальная идентичность

представляет собой своеобразную внутреннюю систему координат, позволяющую человеку ориентироваться в сложном и противоречивом социальном мире.

Такой подход позволяет продвинуться в понимании структуры социальной идентичности, включив в структуру идентичности компоненты, обеспечивающие сохранение определенности и ориентацию человека в новых социальных условиях: а) подструктура базовых конструкторов: идентификация себя как биологического существа (индивид), как субъекта деятельности (субъект) и как субъекта общественных отношений (личность), а также б) подструктура характеристик идентичности: когнитивный компонент (знания, представления об особенностях своей группы, осознание принадлежности к ней), аффективный компонент (оценка значимости этого членства), поведенческий компонент (реальный механизм проявления себя членом группы).

5. Социальная идентичность как целостное системное образование выполняет ряд жизненно важных функций:

- 1) ориентационная – функция поиска в социальном пространстве своего места, ориентировка; ответ на вопросы: "Каков социальный мир вокруг меня?" "Где Я в этом мире?"
- 2) структурная – функция дифференциации Я от не- Я, детерминизма и неопределенности, придания определенности, упорядоченности; ответ на вопросы: "Кто Я?" "Кто свой, кто чужой?"
- 3) целевая – функция целеполагания, контролирующее воздействие на личность путем регулирования мотивационных, ценностных и поведенческих реакций индивида, построение модели поведения, приспособления к новым социальным условиям; ответ на вопросы: "Что и как я делаю?" "Какой мне сделать выбор?"

- 4) экзистенциальная – функция осмысления самого себя и сохранения своей сущности (собственный духовный потенциал), прогнозирование; ответ на вопросы: "Какой смысл имеет для меня групповой членство?" "В чем моя сущность?"

Во всей своей совокупности они обеспечивают познание социальных отношений, определение своего места в социальном мире, сохранение стабильности Я, регулирование поведения, выбор цели. Социальная идентичность не только функционально придает целостность, непрерывность и определенность личности, но и является характеристикой, обеспечивающей предвосхищения новых социальных условий и границ поведения в них.

В связи с этим, мы считаем, что главный фокус пригодности идентичности находится в зоне сохранения определенности, приспособления к изменяющимся условиям социальной среды и прогноза.

Социальная идентичность только тогда эффективна и адекватна реальной социальной ситуации, когда она обеспечивает реализацию этих функций. Поэтому ее необходимо рассматривать как целостную системную характеристику личности.

6. Социальная идентичность конструируется в ходе взаимодействия, социального сравнения и активного построения социальной реальности. Опираясь на работы Г.М. Андреевой и Т.Г. Стефаненко, под конструированием идентичности мы понимаем, приведение информации о мире в систему, организацию этой информации в связанные структуры, помогающие постичь ее смысл [15, 244].

Конструктивный подход позволяет обозначить в качестве одного из основных механизмов трансформации социальной идентичности необходимость делать выбор системы координат в социальном мире. Иными словами, ситуация выбора своего места среди других людей стимулирует идентификационные процессы. Поэтому самостоятельность и способность

делать выбор могут служить основаниями для более успешного обретения социальной идентичности.

Процесс конструирования идентичности осуществляется на разных этапах социализации. В ходе этого процесса происходят проверка уже сложившейся идентификационной структуры и ее качественное изменение. Исчезают и преобразовываются одни компоненты, появляются новые, меняются их взаимосвязи, роль и вес в общей структуре.

В процессе конструирования идентичности играют роль как сознательные, так и бессознательные компоненты, но человеку важно уметь осознавать критерии, эталоны, нормы и ценностные компоненты идентичности. Конечно, нельзя отбрасывать роль механизмов подражания в формировании способов поведения и мышления. Но если идентичность ребенка находится в руках взрослых, то взрослый человек уже во многом несет ответственность за свою идентичность. Если он хочет управлять своей жизнью и быть способным реализовать себя во благо не только себе, но и другим, то ему придется достаточно часто анализировать, кто он есть и кто есть другие люди вокруг него, т.е. решать вопросы идентичности. Он может и должен работать над своей идентичностью, формировать ее сам в процессе самопознания, взаимодействия и выбора.

Конструирование идентичности осуществляется в процессе взаимодействия человека с другими людьми в определенном социокультурном поле. В процессе взаимодействия происходит концептуализация себя или интериоризация определенных ролей, что, собственно, и производит идентичности [470, 471].

Конструирование идентичности в определенном культурно-ролевом поле подчеркивают и современные социологи [30, 296, 297]. Поэтому индивид должен прилагать определенные усилия для поддержания баланса в собственной идентичности и необходимого уровня взаимодействия,

стремиться осознавать актуальную ролевую позицию и ценностное сопровождение [296].

Учитывая сложную взаимосвязь когнитивных и мотивационных компонентов идентичности, мы подчеркиваем важность и взаимосвязь как минимум следующих трех вопросов социального самоопределения личности:

- "Кто я?" – собственно вопрос идентичности, направленный на получение знаний о самом себе в контексте существующих социальных отношений;
- "Какой я?" – вопрос ценностей, направленный на осознание смысловых компонентов своего Я, на развитие представлений об атрибутах должного по отношению к различным ситуациям и людям;
- "Что и как я делаю?" – вопрос поведения, ответить на который можно, только ответив на первые два вопроса.

Гармоничное состояние внутреннего мира человека предполагает прояснение в сознании этих трех вопросов. В этом смысле социальная идентичность является тем компонентом Я, который, формируясь в ходе взаимодействия с социальной реальностью, при соответствующих условиях может придать человеку ощущение внутренней гармонии и удовлетворенности собой.

Развиваемый нами подход к исследованию идентичности позволяет по-новому рассмотреть механизмы трансформации социальной идентичности.

В литературе отмечаются различные механизмы трансформации социальной идентичности, такие как подражание, необходимое принятие, ответственное принятие идентификационных характеристик [119, 145, 241, 292]. В контексте данного диссертационного исследования, практическая направленность которого связана с поиском новых путей и механизмов совершенствования процесса подготовки специалистов в новых социально-экономических условиях, мы обращаемся к поиску путей конструирования

социальной идентичности и построения соответствующей системы ценностей на основе понимания своего места в мире.

Опираясь на изложенные в первой и второй главах теоретические и методологические достижения отечественной и зарубежной психологической науки в области исследования социальной идентичности, мы рассматриваем трансформирование социальной идентичности в широком социально-психологическом смысле, а именно, как оформление социальной идентичности в ходе развития, как переструктурирование сложившейся идентификационной структуры, как необходимый момент социализации, в котором проявляется влияние всей совокупности факторов личностного становления.

Более конкретно, трансформирование идентичности понимается нами как связанный с влиянием различных факторов процесс преобразования, конструирования идентичности на разных этапах социализации, результатом которого является качественное изменение идентичности. В ходе конструирования идентичности происходит проверка уже сложившейся идентификационной структуры. Исчезают и преобразовываются одни идентичности, появляются новые, меняются их взаимосвязи, роль и вес в идентификационной структуре.

Формирование идентичности – подвид трансформации, в котором подчеркивается целенаправленность внешних воздействий, оказывающих влияние на трансформацию идентичности.

Принципиальным отличием нашего подхода к объяснению трансформации идентичности от других является подчеркивание существования двух связанных между собой процессов, в результате которых формируется идентичность: познание группы и познание самого себя, т.е. открытие в себе тех качеств, которые необходимы для восприятия себя полноценным членом группы. Субъекту для успешной ориентировки в

социальной реальности, особенно в ситуации ее изменения, необходимо постоянно сопоставлять качества, которыми он обладает, с требованиями новой группы. Этот процесс происходит как на сознательном, так и бессознательном уровне и сопровождается чувством тревожности.

Необходимость трансформации идентичности связана с некоторой потерей ориентиров в социальном пространстве или существованием определенных условий, которые вызывают эту необходимость и заставляют человека искать новую идентичность. Ощущение тревоги и дискомфорта, которые сопровождают этот процесс, преодолевается, человек открывает для себя ту социальную среду, в которой он чувствует свою адекватность и тождественность. Например, подростковый возраст является тем периодом, когда перед человеком впервые серьезно встает вопрос: "Кто Я: взрослый или ребенок?" Этот вопрос стимулирует поиски новых ориентиров в социальном пространстве.

Таким образом, проведенный анализ проблемы социальной идентичности и ее трансформации обусловили наше понимание социальной идентичности, базирующееся на конструктивистском подходе. Здесь уместно оговориться – данная тема настолько сложна и многогранна, что можно вспомнить слова из предисловия к книге "Идентичность: юность и кризис" Э. Эриксона: "Перечитывая написанное мною об идентичности, я спешу заявить, что в этой книге я не даю окончательного определения данного понятия. Чем больше пишешь на эту тему, тем более широким и всеобъемлющим кажется содержание этого термина. Единственный путь определить его – попытаться понять, в каких контекстах без него нельзя обойтись" [292, с. 20].

Приведенные выше идеи и выводы послужили основой для формулирования гипотез, постановки задач эмпирического исследования.

Глава 4

Эмпирическое исследование структуры социальной идентичности

4.1. Организация исследования

Эмпирическое исследование было направлено на проверку и конкретизацию представленной концепции социальной идентичности. Исследование проводилось в 1994 – 2002 годах.

Как было выявлено в ходе теоретического анализа проблемы социальной идентичности, вопрос о взаимовлиянии различных видов идентичности, иерархическом построении социальной идентичности остается еще очень слабо изученным. Дж. Тернер первым высказал предположение о том, что промежуточный уровень является показателем социальной идентичности как общей суммы личностных идентификаций, которые являются специфическими социальными категориями, интернализованными в когнитивный компонент Я-концепции [500, 501]. В более поздних работах появились попытки рассмотрения всех трех уровней в качестве элементов социальной идентификации [397, 409], что на наш взгляд, является более перспективным для изучения структуры социальной идентичности.

При исследовании структуры идентичности часто предполагается, что исследователю известно о социальной принадлежности испытуемых, на основе которой происходит приписывание критериев отнесения себя субъектом к той или иной общности. При этом возможно расхождение исследовательских и субъективных критериев, что снижает достоверность результатов и приводит к необоснованности выводов. Подобная ситуация отмечается, например, при исследовании этнической идентичности [244]. Разрабатывая процедуру исследования, мы старались учесть эту проблему.

Цель эмпирического исследования состояла в выявлении основных структурных компонентов социальной идентичности.

Предметом эмпирического исследования явились: а) функциональные блоки структуры идентичности; б) параметры – компоненты структуры социальной идентичности: когнитивный (содержание, структура, преобладающий уровень социальной идентичности), смысловой (жизненные ценности), мотивационный (основные потребности и мотивы).

Задачи исследования в соответствии с данной целью: выявить взаимосвязи когнитивных, мотивационных и смысловых параметров идентичности; изучить влияние социального контекста на содержание идентификационных характеристик и динамику идентификационной структуры.

Исследование проводилось на студентах вузов, представителях различных профессий (возраст 19 – 22 года). Общий объем выборки – 1156 человек (более 2000, включая пилотажные исследования). Отбор испытуемых осуществлялся в соответствии с поставленной задачей и проблемой исследования.

Опираясь на идею взаимосвязи смысловых, когнитивных и мотивационных компонентов сферы личности [9, 37, 44, 50, 126, 253 и др.], мы предположили, что в структуре идентичности проявится связь прежде всего когнитивных и ценностно-мотивационных параметров идентичности.

Первым шагом в достижении поставленной цели стала конкретизация понятия социальной идентичности как системы социальных конструкторов, операционализация ее когнитивных и мотивационных компонентов: когнитивного – самоидентификация (знание собственных идентификационных характеристик), содержание авто- и гетеростереотипов: мотивационного и ценностно-смыслового – мотивы и ценностно-смыслового – ценностные ориентации, сопровождающие процесс самоидентификации.

Вторым шагом стала разработка процедуры исследования структурных компонентов идентичности. Многие исследования взаимосвязи и

взаимовлияния различных видов идентичности основаны на логическом допущении, об их уровне строении на основе соотношения реальных групп [345, 397, 500, 501]. Это не позволяет понять психологическую структуру идентичности, а именно индивидуально-смысловую иерархию характеристик идентичности. В нашем исследовании была предложена принципиально новая схема изучения компонентов структуры идентичности на основе анализа целостной конструктивной системы личности, что позволяет выявить смысловой контекст идентификационного процесса. Развиваемый нами подход, в котором социальная идентичность определяется как система конструкторов, делает подобную процедуру вполне обоснованной.

Исследование заключалось в проверке гипотезы о наличии функциональных блоков в когнитивной структуре личности, которые могут рассматриваться в качестве компонентов идентичности и играть существенную роль в последующем анализе идентификационной структуры.

Таким образом, реализация задач в эмпирической части исследования проводилась по следующим направлениям:

- анализ социальных конструкторов испытуемых;
- изучение когнитивных компонентов социальной идентичности;
- изучение мотивационных и ценностных компонентов социальной идентичности;
- выявление взаимосвязи когнитивных, мотивационных и ценностных компонентов социальной идентичности.

В основу исследования были положены основные современные принципы проведения социально-психологических исследований: системности, целостности, детерминизма, развития, социокультурной обусловленности.

При подборе конкретных методов исследования учитывались современные требования к проведению психодиагностических процедур в

общепсихологических и социально- психологических исследованиях [193, 200, 208, 210, 222, 262 и др.].

Методы исследования: наблюдение, выборочное интервью, сочинения, беседа, методика "Двадцать утверждений" (М. Kuhn, Т. McPartland); методика "Ценностные ориентации" (М. Рокич); методика измерения мотивационной сферы личности (В.И. Чирков, В.Э. Мильман), методика "Жизненные ценности" (Н.В. Ключева, В.И. Чирков); "Must –тест" (А. Элис, П.Н. Иванов, Е.Ф. Колобова); опросник для выявления мотивации и др.

Исследование построено на соотношении идеографического и номотетического способов исследования социальной идентичности.

Идеографические методы ориентированы на описание личности как уникального феномена, что предполагает описание и объяснение сложного целого, а именно конкретного, единичного элемента. Номотетические методы ориентированы на изучение общих законов, справедливых для любого частного случая, поэтому основные структуры и процессы раскрываются с помощью экспериментальных процедур.

В качестве основной идеографической техники в нашем исследовании использовался тест личностных конструктов Дж. Келли. Номотетические техники представлены в виде набора методик, направленных на выявление особенностей мотивации, ценностей, идентичности испытуемых.

4.2. Система социальных конструктов

Анализ системы социальных конструктов проводился с помощью конструктивного теста Дж. Келли [403]. Было опрошено 177 человека.

Важно подчеркнуть, что эта методика открывает большие возможности для исследования социальной идентичности, она позволяет выявить индивидуальные средства, пути толкования мира [123]. Поскольку, по мнению автора, основными функциями человеческой психики являются исследование

реальности, прогнозирование будущего и контроль над поведением, то понятно, что такому пониманию психики должна соответствовать и единица анализа личности – конструкт [117]. Келли понимал конструкт как контраст, который человек замечает между двумя группами явлений, поэтому его анализ производится путем сравнения и сопоставления нескольких явлений.

Согласно Келли, конструкты образуют системы, т.е. образуют группировки, в которых минимизированы несовместимости и непоследовательности. Поэтому при изучении конструктов необходимо выявить, в чем заключается специфика системы у каждого конкретного человека, поскольку индивидом восприятие объектов преломляется через эту систему и становится неповторимым. Кроме того, эта система динамична, поскольку "человек – это форма движения" [403]. Разные люди выделяют в объектах различные признаки, анализируют реальность своим способом. Смысл функционирования конструкта заложен в идее предвидения событий.

Методика Келли уже нашла свое применение в исследованиях идентичности [63, 119, 145, 513, 515 и др.]. В частности, при изучении этнической идентичности. Г.У. Солдатова отмечает, что методика позволяет выявить латентные переменные "имплицитных теорий" не только отдельной личности, но и группы [241, с. 185].

Первая часть этого исследования была связана с задачей выявления ключевых социальных конструктов испытуемых. Под социальными конструктами мы понимаем способы истолкования мира, фокус пригодности которых сосредоточен на социальных общностях.

Согласно методике, выявление конструктов производится на основе сравнения различных категорий, которые в терминологии Келли называются элементами. Традиционно в качестве элементов (объектов сравнения) используется список ролей. Но в современной психодиагностике в качестве

элементов применяются очень разнообразный круг явлений как предметного, так и социального мира [98, 117, 206, 241, 265]. По Келли, подбор элементов не столь важен для определения системы конструкторов по сравнению с процедурой выявления конструкторов, поскольку сравнение любых явлений может дать возможность выявить конструктивную систему личности [117]. Тем не менее, он должен быть адекватен задаче исследования и отражать ту субъективную реальность, которая является предметом анализа.

В соответствии с целями нашего исследования в качестве элементов могут выступать либо сами идентификационные характеристики, либо те социальные реалии, которые служат основой формирования идентичности людей, живущих в определенных конкретно-исторических условиях.

В ходе пилотажного исследования был выработан список элементов, представляющий собой следующие социальные роли: 1. Студент. 2. Друг. 3. Иностранец. 4. Гражданин. 5. Коллега. 6. Мать. 7. Врач. 8. Сестра. 9. Человек. 10. Девушка. 11. Спортсмен. 12. Инженер. 13. Менеджер. 14. Счастливый человек. 15. Гость. 16. Родственник. 17. Свободный человек. 18. Жена. 19. Дочь. 20. Педагог.

Социальные конструкторы выявлялись индивидуально на основе сравнения триад элементов, предъявляемых в соответствии с инструкцией (**Приложение 1**). Результатом сравнения явились предпочитаемые признаки (конструкторы), которые фиксировались в репертуарной решетке.

Соподчиненность конструкторов определялась на основе кластерного анализа, включающего следующие процедуры: определение уровня сходства-различия каждой пары оценок; выявление количества образовавшихся кластеров-факторов; выявление содержания, на базе которого выделены данные кластеры-факторы. Этот тип анализа наиболее распространен при использовании данной методики [98, 117, 241].

Вторая часть исследования была направлена на выявление типов когнитивных решеток испытуемых. Под когнитивной решеткой понимается модельное представление категориальных структур индивидуального сознания [150].

При сопоставлении когнитивных решеток используются различные критерии, чаще всего сложность (дифференцированность) или простота (не дифференцированность). В дополнение к этому критерию нами учитывался преобладающий конструкт. Поэтому анализ решеток проводился на основе сравнения двух видов кластерных деревьев: конструктов (выявление ведущего конструкта) и элементов (выявление типа решетки).

В процессе анализа нами были выделены следующие основные типы когнитивных решеток в зависимости от степени их дифференцированности:

Когнитивно сложная решетка – включает в себя несколько кластеров, разделенных и в то же время взаимосвязанных между собой. Наблюдаются различные степени уровня связи кластеров, поэтому данный вариант решетки может характеризоваться как 2-3 согласованными кластерами, образующими определенную целостность, так и фрагментарными изолированными, слабо связанными когнитивными компонентами (несколько кластеров), в которых проявляется различная степень дифференциации признаков. В литературе эти решетки получили название артикулированных и фрагментарных [150].

Когнитивно простая решетка – когнитивная структура, включающая в себя центральный кластер, построенный на основе прочных связей между элементами.

Анализ кластерных деревьев конструктов показал, что ответы испытуемых очень разнообразны. Все решетки располагаются в континууме от когнитивно простых до когнитивно сложных. При этом большинство ответов приходится на промежуточный тип (артикулированные решетки с несколькими 2-4 кластерами, связанными между собой).

Были выявлены следующие соотношения типов решеток в целом по выборке: когнитивно сложные – 85,4% (из них артикулированные – 79,5%; фрагментарные – 20,5%); когнитивно простые – 14,6%.

Сравнение элементов когнитивно сложными испытуемыми производится на основе нескольких признаков. В кластерных деревьях наблюдаются связи между рядом элементов из предложенного списка (**Рис.1**).

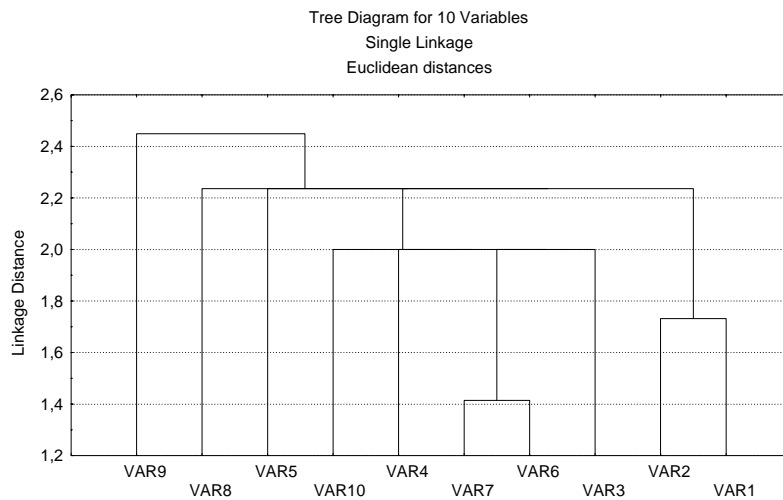

Рис. 1. Кластерное дерево конструкторов когнитивно сложного испытуемого

По горизонтали: профессия, свобода, физическое начало, деловая сторона, реальность, знания, понимание, общественная направленность, личное отношение, результативность.

По вертикали: показатель уровня связи между конструкторами.

У этих испытуемых наблюдаются как изолированные конструкторы, так и достаточно дифференцированные кластеры конструкторов. Система конструкторов включает в себя разнообразные признаки, касающиеся деловых, формальных, содержательных и других сторон социальных ролей. При этом социальные роли группируются в индивидуальные комплексы, например, студент, свободный человек, врач, коллега.

В приведенном примере максимальная связь наблюдается между конструкторами "знание" и "понимание", а также "результативность" и "личное отношение". Это говорит о том, что испытуемый руководствуется

разнообразными критериями восприятия социальных явлений. У него нет одного преобладающего критерия, согласно которому одни роли попадают в явно предпочитаемые, а другие в явно отвергаемые. Поэтому социальные роли образуют гибкие взаимосвязи, без четкой поляризации одних групп по отношению к другим.

В ответах многих когнитивно простых испытуемых наблюдается иная картина (**Рис.2**). Признаки, по которым сравниваются элементы, в конечном итоге сводятся к одному - обобщенному, который может быть определен разными, но близкими по смыслу словами, оттеняющими смысловые оттенки этого признака. В этом случае происходит поляризация элементов. Между некоторыми элементами практически отсутствует связь. Элементы образуют несколько изолированных друг от друга блоков, каждый из которых образован сильно связанными между собой социальными ролями (**Приложение 2**).

Третья часть исследования была направлена на реализацию задачи сравнения идентификационных, ценностных и мотивационных характеристик испытуемых с различными социальными конструктами. Различия в системах социальных конструктов испытуемых определялись в соответствии с типом когнитивных решеток и характером ведущих конструктов.

Было выделено семь групп испытуемых, имеющих слабо дифференцированную решетку и явно выраженный ведущий конструкт. В процессе анализа из них были отобраны три наиболее часто встречающиеся группы испытуемых (31 человек). При этом данные конструктивного теста уточнялись и проверялись с помощью других методик, в частности, сочинения на тему "Что я ценю в людях", методики незаконченных предложений, благодаря которым выявлялась ведущая тема. На этом этапе к работе привлекались эксперты – профессиональные психологи, имеющие

большой опыт работы с идеографическими методиками, в частности с тестом Келли.

В первой группе (9 человек) в основе системы конструкторов преобладают признаки, близкие семейной, этнической, т.е. данной от рождения субкультуре, например, родственные отношения, внешнее сходство, близость проживания и т.д. Д. Салазар назвал подобные признаки национальными [446]. Они связаны с отнесением себя к определенной группе, близкой испытуемому по признаку родства, психофизической природы (например, родственники, земляки, имеют общую историю, память и т.д.). Эта группу мы обозначили как "базисную" (Б).

Приведем типичный пример выполнения задания испытуемым из этой группы. Павел Б. при сравнении элементов сформулировал следующие признаки: свой – чужой; близкий от рождения – далекий; член семьи – член общества; одна природа – разная природа; дано от рождения – приобретается в жизни; можно выбрать – не выбирают; конкретное родство – абстрактная похожесть; не несет опасности – может быть опасным; душевная связь – формальная связь; знакомый – незнакомый. Система конструкторов слабо дифференцирована, базируется практически на одном основном конструкте: свой, близкий – чужой, далекий (**рис.2**). Многие их выделенных признаков, хорошо вписываются в этот конструкт.

В основе системы конструкторов лежит комплекс конструкторов: "общая природа", "безопасность", "врожденность". В результате все элементы из ролевого списка разложились на две подгруппы: а) связанные с реальными родственными отношениями и семьей; б) не связанные с родственными отношениями (**Приложение 2**).

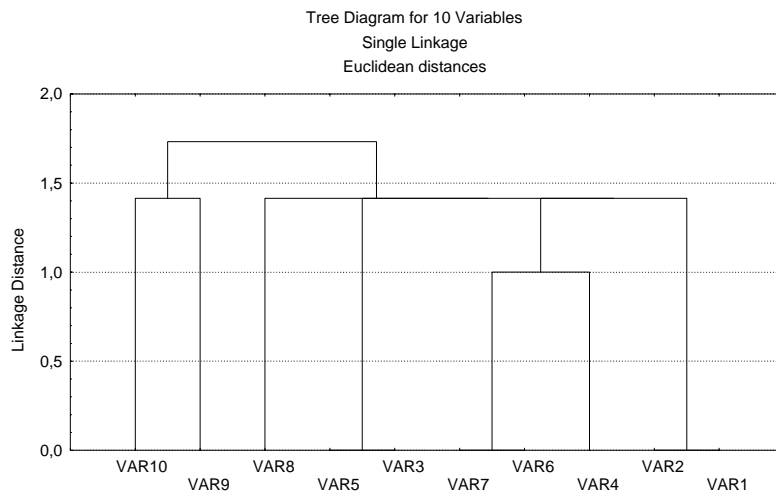

Рис. 2. Кластерное дерево конструкторов "базисной" группы

По горизонтали: знакомый, душевная связь, безопасный, дан от рождения, член семьи, родственная связь, не выбирают, общая природа, близкий, свой.

По вертикали: показатель уровня связи между конструктами.

Во второй группе (10 человек) у испытуемых основными являются конструкты, в которых выражены признаки культуры, взаимоотношений, общения (например, близость традиций, значимость языка, культуры, взаимопонимание). В них проявляется ориентация на признаки несколько иные, по сравнению с предыдущей группой, например, нравственные нормы, искусство, язык, традиции и т.д. Большое внимание уделяется культурным нормам, отношению с окружающими, духовному развитию и самосовершенствованию, культурному контексту общения. Социальные

явления преломляются через призму личностных принципов, индивидуальных представлений и моральных норм человека. Эта группа получила название "индивидуально-личностной" (ИЛ).

Типичный пример. Александр Т. выделил следующие признаки элементов: общение – формальные отношения; взаимопонимание – формальное взаимодействие; смысловая близость – формальная; забота о других – не обязательно; культура эмоций – размытые нормы; правила поведения – анархия; ответственность перед людьми – номенклатура; искренность – формализм; отношения с людьми – объекты; толерантность – индифферентность.

Система конструкторов носит слабо дифференцированный характер. Вокруг основного конструкта группируются: "общение", "нормы отношений", "смысловая близость". Список социальных ролей разделяется на подгруппы: первая объединяет деловые роли, которые соотносятся с восприятием себя счастливым и свободным человеком (педагог, инженер, счастливый человек, свободный человек), вторая включает общечеловеческие категории (**Приложение 2**).

В третьей группе (12 человек) базовыми оказались конструкты, больше применимые к профессиональной и деловой субкультуре (например, необходимость обучения, наличие карьерного роста). Их можно отнести к признакам динамичных социальных сообществ, которые человек при желании выбирает и меняет (место жительства, профессия, круг коллег, клубы по интересам, деловые общности и т.д.). Эта группа получила рабочее название "профессионально-деловой" (ПД).

Приведем пример. Света М. на основе сравнения триад ролей выделила следующие признаки: деловые отношений – родственные; широкая общность – узкая; профессия – призвание; необходимо приложить способности – получил от рождения; требует работы над собой – дается само; преобладание

разума – природы; новые результаты – старение; общая цель – общая природа; ответственность – полное принятие; познание – ригидность.

Система конструкторов этого испытуемого слабо дифференцированная, включает в себя два ведущих конструкта: "профессиональная деятельность" и "работа над собой". Элементы распределились по принципу, схожему с первой группой: на родственные и деловые (**Приложение 2**).

Выделенные группы испытуемых с различными системами истолкования социальной реальности получили следующие "рабочие" названия:

а) "базисная группа": в системе истолкования явлений социального мира преобладают критерии родства, территориальной близости, физической похожести;

б) "индивидуально-личностная" группа: в системе истолкования явлений социального мира преобладают критерии индивидуального самосовершенствования, культурных норм, межличностных взаимоотношений, традиций, духовной близости;

в) "профессионально-деловая" группа: в системе истолкования явлений социального мира преобладают критерии профессиональной и деловой субкультуры.

Можно сказать, что каждая из трех систем конструкторов служит для истолкования реальности в соответствии с определенным диапазоном пригодности: "базисная" – по отношению к социальным явлениям, близким субъекту, появляющихся на ранних этапах социализации общностям; "индивидуально-личностная" – по отношению к тем общностям, которые не имеют четкой физической или географической границы, но означают принятие определенных нравственных, культурных эталонов для оценки социальных процессов и явлений; "профессионально-деловая" – по отношению к социальным явлениям, которые становятся доступными

субъекту на более поздних этапах социализации и связаны с профессионально-деловым миром.

На данном этапе было получено представление испытуемых о самих себе, что является сущностью смыслового центра "обыденной теории" индивида, которую Дж. Келли называет "имплицитной теорией личности". Келли называл эти представления твердым стержнем в структуре Я. Они время от времени пересматриваются и соотносятся с реальностью и создают необходимые условия решения личностных проблем, борьбы с парадоксами, аномалиями в системе представлений. Система социальных конструктов – социальная идентичность, является составной частью стержня имплицитных теорий личности, что придает стабильность личности и возможность изменяться в соответствии с меняющимися социальными условиями [123].

В соответствии с этим нами было сделано предположение, что структура социальной идентичности может быть описана, во-первых, как система социальных конструктов, в которых сосредоточены представления индивида о себе самом и своем месте в социальном мире (функциональные блоки социальной идентичности); во вторых, как комплекс когнитивных, ценностных и мотивационных характеристик, образующих эти функциональные блоки и обеспечивающих гибкость реагирования на изменения в социальной среде.

Последующая процедура исследования заключалась в изучении специфики когнитивных, мотивационных и ценностных компонентов идентичности, а также их взаимосвязи у испытуемых с различными системами конструктов. Обработка результатов экспериментальных данных осуществлялась различными методами математической статистики: критерий Пирсона (поскольку шкалы интервальные), критерий Фишера. Статистическая обработка данных, полученных в ходе исследования,

производилась с помощью компьютерной программ Statistica for Windows и SPSS 9.0 for Windows для независимых групп испытуемых.

4.3. Когнитивные компоненты

На этом этапе исследования проводилась проверка гипотезы о специфике когнитивных компонентов идентичности у испытуемых с различными системами конструкторов.

Основная методика – тест "Двадцать утверждений" (М. Kuhn, Т. McPartland), который в последние годы широко применяется в социально-психологических исследованиях идентичности [28, 99, 119, 241, 394, 513, 515]. Тест представляет собой простую процедуру работы с испытуемым, которому предлагается 20 раз ответить в письменной форме на вопрос "Кто я есть?". При этом подчеркивается, что трудностью работы с ним является как раз необходимость самоописания, что требует определенных умений (394). Возможны различные дополнения и уточнения данного вопроса в зависимости от цели исследования. В нашей работе дополнением к вопросу была просьба отвечать как можно более разнообразно, используя различные признаки.

В пилотажном исследовании проводились предварительные опросы испытуемых для того, чтобы уточнить и проверить, какие идентификационные характеристики легче "всплывают" в сознании: описательные, связанные с рефлексивным Я и выраженные в представлениях о собственных качествах личности (чаще всего в форме прилагательных), или собственно социальные, выраженные в представлениях о принадлежности к определенной группе (чаще всего в форме существительных). Испытуемым задавался не только прямой вопрос "Кто Я?", но обратный "Кто не Я?", т.е. применялась методика выявления "противоположной идентичности". Испытуемым предлагалось написать 10 раз ответ на вопрос: "Кто не Я?".

Пилотажный опрос показал, что в ответах на прямой и противоположный вопросы не проявилось какой-то определенной разницы в количестве существительных или прилагательных, поэтому мы решили, что форма постановки вопроса не очень сильно влияет на последующий результат о содержании идентичности. Оказалось, что субъекты давали примерно равное количество ответов в форме существительных и прилагательных при ответе на оба вопроса. На основе данных пилотажного этапа была разработана процедура и шкала классификации ответов.

При разработке шкалы мы исходили из того, что разнообразные показатели относятся к структуре социальной идентичности, поскольку они могут быть связаны с восприятием себя членом определенных общностей или являться следствием группового членства. К подобному заключению мы пришли на основе пилотажного исследования. Все 45 человек, которые отвечали на вопрос: "Можете ли Вы уточнить, Вы добрый как кто?" давали конкретные ответы. Они сравнивали себя со своими родителями, знакомыми, литературными героями, народами и т.п. Это значит, что социальная идентичность взрослого человека всегда привязана к некоторым социальным отношениям, происходящим в социальной группе. Социальное продуцируется вместе с индивидуальным.

Для интерпретации ответов применяются различные критерии, классификаторы, которые разрабатываются авторами в соответствии с концепцией, целями и задачами конкретных исследований, поэтому в литературе приводятся примеры различных вариантов классификации ответов данного теста [241, 394, 513, 515 и др.].

Наиболее общий классификатор предложил Л. Зучер, который, развивая идеи М. Куна, проанализировал ответы испытуемых на вопрос "Кто Я?" и предложил рассортировать их на следующие 4 категории [515]: физическое Я; социальное Я; рефлексивное Я; океаническое Я. Зучер показал, что модели

само идентичности не жестко фиксированы, они связаны с контекстом жизни, но многие люди все-таки описывают себя в этих четырех категориях. В других работах, количество категорий для анализа было увеличено [100, 241, 394, 513].

В нашем исследовании мы использовали шкалу анализа идентификационных характеристик по следующим 20 показателям:

- личностные качества (добрый, искренний, настойчивый, иногда вредный, иногда нетерпеливый, клчка);
- учебно-профессиональная ролевая позиция (студент, учусь в университете, учитель, игрок, поэт);
- семейная принадлежность (дочь, сын, брат, имя и т.д.);
- этническая идентичность (русский, татарин и др.);
- поло-ролевая идентичность (юноша, девушка);
- локальная, местная идентичность (из Ярославля, Костромы и т.д.);
- религиозная идентичность (христианин, мусульманин, верующий);
- гражданство (гражданин, россиянин);
- дружба (друг, восприятие себя членом группы друзей);
- деятельность (хочет играть в футбол, любит решать задачи);
- общение (хочет пойти в гости, любит общаться с людьми);
- перспектива деятельности, пожелания, мечты, связанные с деятельностью (буду хорошим учителем);
- перспектива общения, пожелания, мечты, связанные с людьми (буду иметь хороших друзей);
- самооценка способности к деятельности (хорошо плаваю);
- самооценка социальных навыков (умею общаться с разными людьми);
- субъективное описание своих физических данных, внешности (сильный, приятный, привлекательный);

- фактическое описание своих физических данных, включая описание внешности и местоположения (блондин, рост, вес, возраст, живу в общежитии);
- переживаемое состояние в настоящий момент (голоден, нервничаю, устал, влюблен, огорчен);
- описание своей собственности (имею квартиру, одежду, велосипед);
- глобальное, экзистенциальное Я (человек разумный, моя сущность).

Дополнительно проводился анализ идентичности в соответствии с 6 обобщенными показателями:

- Рефлексивное Я – характеристики, связанные с личностными качествами, позитивными или негативными самооценками, например, добрый, хороший, умный.
- Социальное Я – характеристики, связанные с социальным статусом, групповой принадлежностью, например, студент, член семьи.
- Физическое Я – характеристики, связанные с представлением о своих психофизических данных, например, высокий, красивый.
- Материальное Я – характеристики, связанные с осознанием своих материальных возможностей, восприятием себя в роли владельца определенных вещей, например, у меня есть дом.
- Деятельностное Я – характеристики, связанные с представлением о своих конкретных занятиях, например, люблю выращивать цветы.
- Коммуникативное Я – характеристики, связанные с направленностью на общение и взаимодействие, например, у меня много друзей.

Рассмотрим результаты сравнения идентификационных характеристик в трех выделенных группах.

Сопоставление идентификационных характеристик испытуемых трех крайних групп показало, что, хотя наблюдается большое сходство в наборе идентификационных категорий, но можно ответить и весьма существенные

отличия, которые позволяют говорить о специфике идентичности у испытуемых с различиями в системе конструкторов.

На таблице 1 показаны результаты выраженности средних показателей идентичности по группам: первая – "базисная" (БГ), вторая – "индивидуально-личностная" (ИЛГ), третья – "профессионально-деловая" (ПДГ).

Таблица 1

Средние показатели идентичности в трех группах

Показатели	Выраженность %		
	БГ	ИЛГ	ПДГ
Личностные самоидентификации	3,1	5,3	2,3
Статусные, ролевые позиции	1,8	1,6	3,6
Семейная идентичность	4,1	2	1,3
Этническая идентичность	1,8	0,7	0,1
Поло-ролевая идентичность	1,4	0,9	0,3
Локальная идентичность	1,9	0,6	0,3
Религиозная идентичность	0,4	0,6	0,2
Гражданская идентичность	0,3	0,3	1,3
Круг друзей	0,8	1,1	0,5
Субъект деятельности	0,2	0,7	2,3
Субъект общения	0,4	0,9	1,0
Перспектива деятельности	0,2	0,3	0,9
Перспектива общения	0,3	0,5	0,2
Самооценка деятельности	0,2	0,5	2,3
Самооценка социальных навыков	0,4	0,9	1,1
Субъективные физические данные	0,6	0,8	0,2
Фактические физические данные	0,6	0,3	0,9
Переживаемое состояние	0,3	0,5	0,5
Собственник	0,6	0,1	0,4
Экзистенциальная идентичность	0,4	1,4	0,8

Можно выделить показатели, которые более выражены в одной группе по сравнению с другими, например, семейная, этническая, поло-ролевая, локальная идентичность более выражена в первой группе (БГ), персональная, глобальная – во второй (ИЛГ), ролевая, статусная, деловая, гражданская – в третьей (ПДГ). Другие показатели примерно одинаково выражены во всех группах, например, религиозная идентичность, самооценка общения, переживаемое состояние.

Статистическая проверка полученных данных, проведенная по критерию Фишера ($P=0,05$), позволила выявить значимые позитивные различия между группами по ряду показателей.

В "базисной" группе преобладают семейная (60,8), этническая (19,6), локальная (21,5), поло-ролевая (19,5) характеристики.

Таблица 2

Достоверность различий между группами (БГ)

N	Показатели	Средние значения			Критерий достоверности	
		БГ	ИЛГ	ПДГ	F	P
1	Семейная ид.	4,1	2	1,3	60,86	0,05
2	Этническая ид.	1,8	0,7	0,1	19,66	0,05
3	Локальная ид.	1,9	0,6	0,3	21,51	0,05
4	Поло-ролевая ид.	1,4	0,9	0,3	19,46	0,05

Во второй группе идентификационные характеристики в целом очень близки первой, но значимо выше показатели личностной (23,65) и экзистенциальной (5,94) идентичности.

Таблица 3

Достоверность различий между группами (ИЛГ)

N	Показатели	Средние значения			Критерий достоверности	
		БГ	ИЛГ	ПДГ	F	P
1	Личностная ид.	3,1	5,3	2,3	23,65	0,05
2	Экзистенциальная	0,4	1,4	0,8	5,94	0,05

В третьей группе более выражены характеристики, относящиеся к восприятию своей учебно-профессиональной позиции (29, 01), деятельности (18,99), самооценка деятельности (10,78), а также гражданская идентичность (8,69).

Таблица 4

Достоверность различий между

группами (ПДГ)

N	Показатели	Средние значения			Критерий достоверности	
		БГ	ИЛГ	ПДГ	F	P
1	Статусные позиции	1,8	1,6	3,6	29,01	0,05
2	Учеба, профессия	0,2	0,7	2,3	18,99	0,05
3	Деятельность	0,2	0,5	2,3	10,78	0,05
4	Гражданская ид.	0,3	0,3	1,3	8,69	0,05

Если сопоставить эти данные с существующими представлениями о видах идентичности (персональная, этническая, групповая, политическая, религиозная и др.), то можно отметить преобладание некоторых из них в каждой группе. Например, в БГ преобладает семейная идентичность, в ИЛГ – личностная, в ПДГ – профессиональная. Что это может означать? Очевидно, что каждый индивид одновременно является членом различных социальных общностей, что отражается в его самосознании. Но, видимо, в какие-то периоды времени (под влиянием определенных условий) отдельные виды идентичности могут выступать на первый план и снижать значение для жизнедеятельности остальных видов. Вероятнее всего, данный процесс наблюдается в трех крайних группах, выбранных для сравнения. Как было показано в предыдущем параграфе, у этих испытуемых система конструкторов концентрируется на отдельном признаке, который подчиняет себе всю систему истолкования социальных событий и явлений. Это приводит к актуализации одних идентификационных характеристик и снижению роли других, что проявляется в идентификационной структуре.

Важно подчеркнуть, что ведущая идентификационная характеристика сочетается с комплексом других характеристик. Поэтому простое сравнение полученных данных с существующими видами идентичности мало, что дает для понимания субъективного смысла самоидентификации представителями крайних групп. Субъективные функциональные комплексы

идентификационных характеристик могут существенно отличаться от общепринятого деления на виды идентичности. Например, принадлежность к группе друзей обычно интерпретируется как типичная социально-ролевая позиция, но в ИЛГ она скорее обозначает духовное родство с кем-то, чем общее групповое членство.

Анализ субъективной картины принадлежности человека, прежде всего к широким социальным группам, таким, как профессиональные, региональные, государственные, мировые является очень сложным. В соответствии с прикладными целями нашего исследования мы пытались выяснить возможности расширения образа социального Я, через преодоление изоляционистских барьеров, которые сформировались в сознании многих людей под влиянием идеологических и политических процессов, а также развития ценностного отношения человека к самому себе, другим людям, обществу, миру.

В БГ и ПДГ сильно выражено социальное Я, но в БГ за счет восприятия себя членом семьи, а в ПГД – за счет разнообразных профессиональных и деловых общностей. рефлексивное Я выше в ИЛГ, но в этой же группе выражено и коммуникативное Я и физическое Я. материальное Я и деловое Я преобладают в ПГД. Но также в ПГД выражено коммуникативное Я.

Полученные результаты подтверждают наше предположение о наличии определенного комплекса когнитивных (идентификационных) характеристик в каждом из трех выделенных нами функциональных блоков в структуре идентичности. Можно сказать, что "базисная" идентичность является более узкой, сконцентрированной на общностях типа, местных или семейных. "Индивидуально-личностная" идентичность предполагает более широкую локализацию с "виртуальными" социокультурными общностями, типа, "я интеллигент", "я добрый человек", "я – носитель общечеловеческих ценностей". "Профессионально-деловая" идентичность имеет еще более

широкую локализацию, она меньше всего связана с региональными и культурными границами в том смысле, что представитель любой профессии относится к широкому интернациональному сообществу.

Выделенные идентификационные компоненты составляют когнитивную основу структуры социальной идентичности.

В последующей серии проверялась гипотеза о связи когнитивных (идентификационных), ценностных и мотивационных компонентов идентичности.

4.4. Анализ мотивационных и ценностно-смысловых компонентов социальной идентичности

В этом параграфе показаны процедура и результаты анализа связи выделенных компонентов социальной идентичности с мотивационными особенностями и ценностными ориентациями личности.

Потребность в самоидентификации многие психологи относят к числу базовых [145, 164, 241, 264, 267, 293, 340, 372 и др.]. По мнению Э. Фромма эта потребность приводит людей к обретению социального статуса, а с позиции А Маслоу – к личностному росту. Начиная с А. Тэшфела, основной мотивацией идентификации признается самоуважение. Этот мотив рассматривается как основной, но в то же время не единственный для достижения самоидентификации [145, 146, 363].

В нашем исследовании проводится анализ соотношения идентификационных характеристик с различными видами мотивов, что, по нашему мнению, позволяет приблизиться к выявлению специфических компонентов мотивации, соответствующих содержанию социальной идентичности. Мы предполагаем, что, поскольку социальный мир сложно организован, он позволяет человеку раскрываться самыми различными сторонами и удовлетворять многочисленные потребности, поэтому вряд ли

может быть универсальный вид мотивации идентификации, который бы в полной мере удовлетворял этому разнообразию. Вероятнее всего, процесс идентификации направляется и завершается удовлетворением различных по содержанию мотивы.

Психодиагностические измерение мотивов обычно проводится на основе определенной типологии. В психологии существует большое количество подходов к исследованию мотивации и соответствующих типологий. Отметим наиболее распространенные из них [19, 168, 208]:

- мотивы-интересы, составляющие обычно типологии, построенные по эмпирическому принципу, не связанные с представлениями о внутренней структуре самих мотивов (У. Мак-Дауголл);
- мотивы-направленности личности, построенные на основе шкалы ценностей Э. Шпрангера, включают побуждения, имеющие существенное значение для жизнедеятельности человека (А. Маслоу, Г. Олпорт, Д. Линдсей, П. Вернон);
- мотивы – как функциональные тенденции, которые представляют собой обобщенные побудительные типологии, в которых соответствующая реальность разделяется на две противоположные части, например, модули обладания и бытия в концепции Э. Фромма.

В изучении мотивации мы придерживались уже устоявшихся в психологии подходов (В.Г. Асеев, А.Г. Здравомыслов, А.К. Маркова, Т.А. Матис, А.Б. Орлов, Ю.П. Поваренков, В.Д. Шадриков, Г.И. Щукина), согласно которым можно выделить мотивы связанные с самим процессом обучения, а также с аспектами жизнедеятельности вне учебной деятельности [278, 280]. Например, А.К. Маркова, которая рассматривает учебные мотивы как направленность студентов на отдельные стороны учебной работы, связанную с внутренним отношением к ней, считает, что мотив включает в себя познавательные и социальные компоненты. Согласно подходу автора

как познавательные, так и социальные мотивы могут проявляться на разных уровнях, в зависимости от ориентации на различные стороны познавательной деятельности и социального взаимодействия [163].

Вопрос о ценностях является также органически связанным с задачей изучения социальной идентичности. По содержанию индивидуальной системы ценностей можно судить о том, к каким смысловым категориям приводит групповое членство, как оно проявляется в представлениях о должном, в отношении к различным объектам.

По определению идентичности А. Тэшфела ценностно-смысловой компонент является необходимым атрибутом идентичности [482], поэтому во многих исследованиях идентичности ему отводится большая роль [28, 124, 145, 244, 308, 326, 333, 468, 482 и др.].

Согласно анализу, проведенному Н.В. Ключевой [126], в отечественной психологии сформировались следующие основные подходы к анализу ценностей:

- нормативно-ценностный, в котором ценности – это обобщенные представления людей о целях и нормах своего поведения, ориентиры, с которыми человек соотносит свои действия [108, 150, 151];
- социально-психологический, согласно которому ценности рассматриваются как идеальные представления о хорошем, желательном, должном, в которых воплощается опыт совместной жизнедеятельности членов группы и на основе которых человек формирует в себе новые регуляторы поведения, независимые от потребностей (Г.М. Андреева, А.Г. Асмолов, Д.А. Леонтьев, Н.П. Шихирев, В.А. Ядов и др.);
- ценностно-смысловой, в котором акцент делается на высших ценностях, нравственном строе человека, его способности следовать идеалам истины и добра (Б.С. Братусь, Ф.Е. Василюк, А.Б. Орлов, А.У. Хараши и др.).

Исследования ценностей в различных их проявлениях – достаточно глубоко проработанная область в сфере теоретического и прикладного знания. Среди инструментария широкую известность получила методика определения ценностей, предложенная М. Рокичем. В практике изучения ценностей надо отметить большое разнообразие подходов и методического инструментария (В.Ю. Горшков, М.С. Комаров, Н.И. Лапин, В.Б. Ольшанский, Б.Д. Парыгин, В.С. Собкин, В.А. Ядов и др.). Все это учитывалось при подборе методического инструментария исследования.

Учитывая, что группы для сравнения являются немногочисленными, мы для получения более валидных данных использовали комплекс методик, направленных на изучение мотивации и ценностей: шкала на выявление основных мотивов жизнедеятельности, модифицированный вариант методики измерения мотивационной сферы личности В.Э Мильмана, методика В.С. Собкина, П.С. Писарского, методика "Ценностные ориентации" М. Рокича, методика "Жизненные ценности" (Н.В. Ключева); методика "Маст-тест" (А. Эллис).

Для получения более достоверной информации списки мотивов и ценностей были приведены в соответствие друг с другом и направлены на выявление близких категорий. Итоговые выводы делались на основе сравнения данных, полученных по всем методикам. Проводилось обобщение результатов, полученным по всем методикам, данные сопоставлялись с результатами интервью, проводился анализ и сравнение выраженности основных видов побуждений в каждом функциональном блоке.

Методики исследования:

А. Методика анализа мотивационной сферы личности

В построении процедуры исследования мы исходили из предположения о том, что различным функциональным блокам идентичности могут соответствовать определенные ценностно-мотивационные блоки, поэтому невозможно рассматривать какую-то одну мотивацию в качестве базовой по отношению к идентификационной структуре личности в целом.

Опираясь на методы измерения мотивационной сферы личности, разработанные в общей психологии [208], и также на представления о структуре мотивации [162, 163, 280], нами был составлен список основных жизненно важных мотивов. В ходе пилотажного исследования этот список уточнялся и дополнялся, приводился в соответствие с целями, задачами и практической направленностью исследования. Мы рассматриваем мотивацию идентификации как часть в более общей мотивационной структуре личности, поэтому в перечень, предлагаемый для оценивания, включены мотивы социального, учебного и общежитейского содержания.

Методика включается в себя 24 утверждения, к которым испытуемый должен выразить свое отношение по семибальной системе: от 7 – наиболее значимо до 1 – наименее значимо (**Приложение 3**).

При разработке методики, мы также руководствовались практической направленностью нашего исследования, связанной с созданием условий для преодоления изоляционистских тенденций, которые проявляются в пост советском самосознании. Поэтому в список утверждений были включены следующие: стремления: посмотреть мир, изучать иностранные языки, иметь контакты с зарубежными коллегами, изучать их опыт работы. Мы считаем, что подобный анализ мотивации важен при подготовке современных

специалистов любого профиля, особенно в сфере образования и управления. Он позволяет выявить комплекс мотивов направленности личности.

Все утверждения относятся к 12 шкалам мотивации:

- . Обеспечение самозащиты.
- . Поддержание жизнеобеспечения.
- . Деловой успех.
- . Общение.
- . Познавательная активность.
- . Расширение сферы взаимодействия.
- . Уважение и самоуважение.
- . Укрепление и сохранение здоровья.
- . Независимость и внутренняя свобода.
- . Творчество, духовное развитие.
- . Самореализация в учебной и профессиональной деятельности.
- . Семейное благополучие.

Сравнение ведущих мотивов в каждой группе проводилось на основе подсчета среднего значения выраженности мотива у каждого испытуемого и расчета среднестатистической выраженности мотива в каждой группе (в математических расчетах участвовала С.В. Швецова).

Б. Методика выбора наиболее и наименее значимых мотивов

В ходе пилотажного исследования было обнаружено, что многим испытуемым было трудно дифференцировать предложенные мотивы в полной мере, они либо многие мотивы отмечали как значимые, либо, наоборот, большинство мотивов оценивали как средне значимые. Поэтому использовалось два варианта методики анализа мотивации с интервалом в неделю. Второй вариант предполагал более тонкое сравнение ведущих мотивов.

Испытуемым было предложено выбрать из шкалы основных мотивов 4 наиболее значимых для них (присваивались баллы от 9 до 6, 9 – наиболее значимый), а также 4 наименее значимых (присваивались баллы от 1 до 4, 1 – наименее значимый). Остальным 4 мотивам присваивался средний балл – 5. Получилось 4 группы мотивов: две строго дифференцированы (наиболее и наименее выраженные мотивы), 4 – усредненные. Это было сделано для того, чтобы выявить полярность в оценивании. В обработке данных принимал участие Е.М. Корнилович. Проводилось сравнение полученных данных, анализ ведущих мотивов в сравниваемых группах.

Данные, полученные с помощью методики, сопоставлялись с идентификационными характеристиками.

В. Методика на выявление жизненных ценностей.

В пилотажном исследовании, проведенном нами по методикам В.С. Собкина и П.С. Писарского [83] и Н.В. Ключевой, В.И. Чиркова [125, 126] были выявлены ценности, которые наиболее часто отмечаются испытуемыми. На основе этих данных были выбраны ценности, наиболее валидные для реализации задач нашего исследования.

Основными составляющими опросника Н.В. Ключевой и В.И. Чиркова являются "внутренние" и "внешние" цели. Цель рассматривается в общем виде как осознанное стремление к достижению личностью определенного жизненного результата. Внешние цели ориентируют человека на достижение заданных обществом образцов успеха (власть, известность, богатство и т.д.). Внутренние цели определяются самим человеком (личностный рост, автономность и др.). Авторы считают, что методика позволяет анализировать сферу декларируемых, осознанных и манифестируемых индивидом значимых ценностей – целей, что позволяет судить о том, какие ценности признаются на сознательном уровне как наиболее значимые. Благодаря

предварительному пилотажу мы несколько изменили список и описание ценностей, сохранив общий принцип работы с методикой.

Испытуемым предлагались для ранжирования на карточках 15 ценностей.

Инструкция: Вам предъявлен набор из 15 карточек с обозначением ценностей. Ваша задача – разложить их по порядку значимости для Вас как принципов, которыми Вы руководствуетесь в Вашей жизни. Каждая ценность написана на отдельной карточке. Внимательно изучите карточки и, выбрав ту, которая для Вас наиболее значима, поместите ее на первое место. Затем выберите вторую по значимости ценность и поместите ее вслед за первой. Затем сделайте то же со всеми остальными карточками. Наименее важная останется последней и займет 15 место. Работайте не спеша, вдумчиво. Если в процессе работы Вы измените свое мнение, то можете исправить свои ответы, поменяв карточки местами".

Список ценностей:

- Демократия, открытость, законность в обществе
- Безопасность и защищенность жизни
- Служение людям, общественная польза
- Влияние на людей, лидировать
- Быть знаменитым, известным
- Быть автономным, независимым
- Достижение материального благополучия
- Развитие своих способностей
- Профессиональный успех, рост
- Хорошее здоровье
- Счастливая семейная жизнь
- Быть привлекательным
- Удовольствия и развлечения
- Полноценное общение с людьми

- Полноценное приобщение к культуре

После ранжирования карточек, данные заносят в таблицу. Каждой ценности присваивается определенный ранг. Проводится сопоставление полученных данных с идентификационными характеристиками.

Г. Must - тест.

Методика, предложенная А. Эллисом и опробованная П.Н. Ивановым и Е.Ф. Колобовой [126], позволяет провести диагностику индивидуальных представлений субъекта как совокупности "иррациональных" идей, которые сводятся к тому, что человек непременно должен иметь абсолютизированные требования к миру и себе. Эллис считает, что иррациональные идеи могут быть неконгруэнтными реальности, по поводу которой индивид переживает. Они могут носить саморазрушительный характер для личности, заужая сферу его активности. Отражаясь в личностных ценностях людей, они препятствуют достижению ими жизненных целей. Эллис предполагает наличие связи между иррациональными идеями и ценностями, которые определяют содержательную сторону направленности личности, и составляют ядро жизненной активности, жизненной концепции и "философии" жизни. Поэтому данная методика может использоваться для выявления ценностно-мотивационных особенностей личности, в частности, мотивов, как побуждений, определяющих направленность активности [126].

В экспериментальном исследовании В. Вильгельми показана зависимость между иррациональными идеями, выраженными в основной теме ответа на тест, и ценностями. Чем большую субъективную значимость имеет конкретная ценность для человека, тем чаще она будет фигурировать в иррациональных идеях, выявляемых MUST - тестом [126].

Процедура исследования заключается в выявлении суждений относительно того, что человек должен, что он не может терпеть и что считает сама ужасным в жизни. В соответствии с этим стимульный материал

включает в себя бланк, на котором написаны незаконченные предложения: "Я непременно должен", "Ужасно, если", "Я не могу терпеть". Предлагается по 6 раз закончить эти предложения.

Инструкция: "Вам предлагается своими словами продолжить предложения, напечатанные на выданном Вам бланке. Крайне важно, чтобы Ваши ответы были искренними и принадлежали именно Вам. Запишите любые мысли, которые кажутся Вам важными (как в настоящий момент, так и в целом для Вашей жизни)".

Обработка результатов. Для обработки данных, полученных с помощью этого теста, не существует стандартизированной процедуры. Поэтому для каждой выборки и для каждого испытуемого, как правило, выделяется индивидуально-уникальный набор долженствований [126].

Обработка результатов теста проводилась совместно тремя психологами экспертами в соответствии со следующим классификатором: 1 – профессиональный рост; 2 – забота о своем здоровье; 3 – общение; 4 – материальное благополучие; 5 – комфорт; 6 – поддержание моральных устоев; 7 – состояние внешней среды; 8 – общественная полезность; 9 – семья; 10 – автономия.

Далее проводилось сопоставление маст-тем с идентификационными характеристиками.

В. Методика "Ценностные ориентации" Рокича.

Наиболее распространенная в настоящее время методика, направленная на выявление ценностных ориентаций. Позволяет выявить систему ценностных ориентаций, которые определяют содержательную сторону направленности личности и составляет основу для ее отношений к окружающему миру, другим людям, себе самой, основу мировоззрения и ядро мотивации жизненной активности, концепции и "философии жизни" [210].

М. Рокич выделяет два класса ценностей, которые оцениваются на прямом ранжировании списка ценностей: терминальные – убеждения в том, что конечная цель индивидуального существования состоит в том, чтобы к ней стремиться; инструментальные – убеждения в том, что какой-то образ действия или свойство личности является предпочтительным в любой ситуации. Это деление соответствует традиционному делению на ценности-цели и ценности-средства.

Мы предлагали испытуемым для ранжирования список ценностей-целей, поскольку это больше соответствует задачам нашего исследования, направленного на выявление связи идентификационных и смысловых характеристик личности.

Ценности для ранжирования предъявлялись испытуемым на карточках. Процедура ранжирования терминальных ценностей проводилась дважды.

Первый раз испытуемым предлагалось разложить карточки по порядку их значимости (от 1 максимального до 18 минимального) для них как принципов, которыми они руководствуются в своей жизни.

Во второй раз, через неделю, испытуемые должны были ответить на другой вопрос: "В каком порядке реализованы данные ценности в Вашей жизни?" Нужно было разложить ценности по порядку от 1 – наиболее реализованной до 18 – наименее реализованной ценности. Проводилось сравнение полученных результатов. В таблицу заносились средние статистические данные, полученные в результате выполнения двух процедур.

Последующая процедура исследования была направлена на выявление взаимосвязи между выделенными параметрами путем корреляционного анализа (внутри групп и в целом по выборке). Проводился корреляционный анализ когнитивных, мотивационных, ценностно-смысловых характеристик в каждой группе с использованием коэффициента Пирсона, поскольку

сопоставлялись интервальные шкалы (в обработке результатов принимала участие С.В. Швецова).

Результаты:

1. Особенности мотивации в трех группах.

Результаты, полученные с помощью методики анализа мотивационной сферы (таблица 5), показали, что наблюдается ряд существенных различий в мотивационных особенностях испытуемых в трех группах (Б, ИЛ, ПД).

Таблица 5

Средние показатели мотивации в трех группах

Мотивы	Выраженность %		
	БГ	ИЛГ	ПДГ
Самозащита	6,67	6,2	6,21
Поддержание жизнеобеспечения	6,39	6,45	4,13
Деловой успех	4,89	6,8	5,33
Общение	4,56	4,85	6,46
Познавательная активность	2,83	5,85	4,46
Взаимодействие	3,56	6,65	5,75
Уважение	5,39	6,2	6,96
Здоровье	6,5	5,7	4,63
Независимость	3,72	6,25	5,46
Творчество	4,67	5,55	6,38
Самореализация	5,33	6,85	5,71
Семья	6,83	4,7	5,54

Некоторые мотивы получили очень близкую оценку во всех группах, например, здоровье, общение, самореализация в учебной и профессиональной деятельности. В то же время наблюдается разница в показателях: в первой группе (БГ) по сравнению с двумя другими (ИЛД, ПДГ) наименее выражены мотивы, изучения зарубежного опыта и взаимодействия с зарубежными коллегами, независимости, автономии и

творчества. В третьей группе (ПДГ) наименее выражены показатели мотивации, связанной со стремлением к комфорту, заботе о здоровье. Во второй группе (ИЛД) данный наименее дифференцированы, поэтому по многим показателям наблюдается сходство ответов этой группы как с первой (БГ), так и с третьей (ПДГ).

Более дифференцированные данные были получены при оценке мотивации путем выбора 4 наиболее значимых и 4 наименее значимых мотивов (оценки от 1 – наименее значимый мотив до 9 – наиболее значимый мотив).

Таблица 6

Показатели выбора мотивов в трех группах

Мотивы	Выраженность %		
	БГ	ИЛГ	ПДГ
Самозащита	8,6	4,4	5,3
Поддержание жизнеобеспечения	6,2	1,5	3,2
Деловой успех	6,1	3,4	6,6
Общение	5,2	6,5	2,2
Познавательная активность	2,1	5,3	6,5
Взаимодействие	1,6	5,3	4,1
Уважение	4,7	8,4	4,8
Здоровье	6,3	4,2	5,6
Независимость	3,3	3,7	7,4
Творчество	4,0	8,4	4,4
Самореализация	5,3	4,8	7,8
Семья	6,6	4,1	2,8

Результаты, полученные с помощью методики выбора наиболее значимых и наименее значимых мотивов, показали, что наблюдается ряд существенных различий в мотивационных особенностях испытуемых в трех группах (Б, ИЛ, ПД).

Сравнение результатов, полученных при выборе наиболее и наименее значимых мотивов показывает, что в группах выделились явно преобладающие мотивы (значимость различий проверялась по методике Фишера).

В "базисной" группе более выражены мотивы самозащиты (26,07), жизнеобеспечения (24,33), семейного и личного счастья (18,97).

В "индивидуально-личностной" группе – мотивы самоуважения (41,82), общения (33,67), творчества (56,46).

В "профессионально-деловой" – мотивы самореализации в профессиональной и учебной деятельности (20,29), независимости и внутренней свободы (28,49), делового успеха (13,81), изучения зарубежного опыта (36,76).

Обобщая эти данные, можно сказать, что наиболее выраженными в трех группах оказались стремления, связанные с мотивацией: БГ – самозащиты, ИЛГ – самоуважения, ПДГ – саморазвития. В мотивации испытуемых путем корреляционного анализа были выделены комплексы мотивов. Мотивация самозащиты сочетается со стремлением к семейному счастью, материальному благополучию, заботе о здоровье. Мотивация самоуважения сочетается со стремлением к творчеству и поддержанию хороших отношений с окружающими; мотивация саморазвития сочетается со стремлением к успеху в учебе и делах, независимости, автономии, расширению собственного профессионального сообщества.

2. Результаты, полученные с помощью Маст-теста (таблица 7), показали, что наблюдается ряд существенных различий в ценностно-мотивационных особенностях испытуемых в трех группах (Б, ИЛ, ПД).

Таблица 7

Средние показатели распределения маст-тем в трех группах

Маст - темы	Количество маст-тем %		
	БГ	ИЛ	ПГД
Профессиональный рост	2,1	2,3	5,4
Здоровье	4,6	2,3	2,1
Общение	1,8	3,5	2,4
Материальное благополучие	0,6	0,4	0,7
Комфорт	1,2	0,9	0,8
Моральные устои	1,6	2,8	1,5
Внешняя среда	2,4	1,4	1,3
Общественная польза	0,9	2,1	0,7
Семья	2,6	1,4	1,3
Автономия	0,3	0,9	1,9

Полученные данные показывают, что испытуемые из первой группы чаще, чем в двух других, называли темы, связанные - с заботой о своем здоровье, например, намерениями заниматься спортом, страхами заболеть или стать калекой; - с заботой о состоянии внешней среды, например, страхом глобальных катастроф, изменений климата, отношением к погоде и природе; - с заботой о семье и близких людях, например, здоровье родителей, потере близких, атмосфере в семье. В то же время у них ниже показатели автономии. Испытуемые из ИЛГ в целом давали похожие ответы, но у них по сравнению с остальными группами преобладают темы, связанные - с общением, например, стремление избежать одиночества, ценность друзей, а также - с моральными и личностными качествами, например, с заботой о нормах общения, взаимопонимании между людьми. Испытуемые из ПДГ больше пишут о профессиональном росте, стремлении к личностной свободе.

В то же время между группами наблюдается и сходство. Так, БГ и ИЛГ дают близкое количество маст-тем относительно профессионального и

личностного роста, БГ и ПДГ – относительно ценностей общества; ИЛГ и ПГД – относительно семьи. Все три группы дали небольшое число маст-тем о материальном благополучии и самообслуживании, что отчасти можно объяснить возрастом и социальным статусом испытуемых (студенты от 19 до 22 лет).

Проводилась проверка значимости различий по критерию Фишера. Были выявлены следующие статистически значимые различия между группами ($P=0.05$).

В "базисной" группе преобладают темы здоровья (9,90), семьи (5,16).

В "индивидуально-личностной" – общественно значимые темы (20,50) и смысла жизни (5,77), общение (4,98).

В "профессионально-деловой" – темы профессионального роста (24,16) и независимого развития (32,90).

3. Результаты сравнения жизненных ценностей показали, что наблюдаются различия между группами по параметру ценностей.

В таблице 8 приводятся средние данные о ранжировании ценностей. Максимальное количество баллов означает максимально значимые ценности в целом по группе.

Таблица 8

Данные ранжирования ценностей в трех группах

Ценности	Ранги		
	БГ	ИЛ	ПГД
Демократия	7	8	12
Защищенность жизни	14	6	6
Общественная польза	9	14	8
Влияние	8	2	10
Известность	4	7	3
Автономия	3	10	14
Материальное благополучие	12	4	9
Развитие способностей	10	12	11
Профессиональный рост	11	11	15
Здоровье	15	3	13
Семья	13	5	5
Физическая форма	6	9	7
Развлечения	2	1	1
Общение	5	15	4
Культура	1	13	2

В БГ наиболее высокое место занимают ценности здоровья, защищенности и безопасности жизни, семьи; в ИЛГ – ценности полноценного общения с людьми, общественной пользы, полноценного приобщения к культуре; в ПДГ – ценности профессионального роста, автономии и независимости, здоровья. Примерно одинаково выражены во всех группах ценности развития способностей, физической привлекательности, удовольствий и развлечений.

Сравнение средних показателей ранжирования ценностей в каждой группе по методике Фишера выявило ряд значимых различий.

В "базисной" группе испытуемые более важными считают ценности, связанные с безопасностью и защищенностью жизни (28,68); семейным благополучием (10,75).

В "индивидуально-личностной" группе более важными оказались ценности общения (33,67), полноценного приобщения к культуре (13,48).

В "профессионально-деловой" группе наблюдается большая выраженность ценностей, связанных с профессиональным ростом (7,63), демократическим преобразованием общества (5,82).

В то же время для первой группы (БГ) по сравнению с двумя другими менее значима автономия (11,24), социальное влияние (13,52). Для второй группы в сравнение с двумя другими менее значимы материальные блага (8,95) и здоровье (18,25).

6. Результаты, полученные по методике М. Рокича, выявляющей терминальные ценности, показали, что наблюдаются различия между группами.

В таблице 9 приводятся средние данные о ранжировании ценностей. Максимальное количество баллов означает максимально значимые ценности в целом по группе.

Таблица 9

Терминальные ценности в трех группах

Терминальные ценности	Выраженность %		
	БГ	ИЛГ	ПДГ
Активная деятельная жизнь	10	4	17
Жизненная мудрость	6	15	9
Здоровье	16	9	10
Интересная работа	11	12	18
Красота природы и искусства	8	16	1
Любовь	17	17	8
Материально обеспеченная жизнь	15	2	4
Наличие хороших и верных друзей	14	10	5
Общественное признание	12	18	6
Познание	5	8	15
Продуктивная жизнь	4	3	16
Развитие	3	5	14
Развлечения	13	1	2
Свобода	2	6	13
Счастливая семейная жизнь	18	7	7
Счастье других	1	14	3
Творчество	7	13	11
Уверенность в себе	9	11	12

В БГ получили максимальную значимость следующие ценности: счастливой семейной жизни; любви; физического и психического здоровья. В ИЛГ максимально выражены ценности общественного признания, уважения коллектива, окружающих; любви; зрелости суждений и здравого смысла. В ПДГ наиболее выражены ценности интересной работы; активной жизнедеятельности; продуктивной жизни.

Далее проводилось сопоставление всех методик этого блока и выявление общих тенденций в значимости мотивации и ценностей.

7. Корреляционный анализ когнитивных, мотивационных и ценностных характеристик в трех группах.

Результаты корреляционного анализа выявили аналогичные закономерности. Так, полученные корреляционные связи внутри групп показывают, что в первой группе (БГ) идентификация на уровне семейной, этнической общностей связана с мотивацией самозащиты (0,67), ценностями безопасности (0,68), обеспеченной жизни (0,73), здоровья (0,68), счастливой семейной жизни (0,66) ($P = 0,05$); во второй группе социально-ролевая идентификация с профессиональным и деловым сообществом связана с мотивацией самореализации (0,63), ценностями активной деятельной жизни (0,62), развитие способностей (0,60), социальной мобильности (0,63), успеха (0,78), автономии (0,76) ($P = 0,05$); в третьей группе идентификация экзистенциального и рефлексивного плана связана с мотивацией самоуважения (0,67), ценностями общественного признания (0,67), приобщения к культуре (0,68), любви (0,68) и независимости (0,74) ($P = 0,05$).

Выводы.

Полученные данные позволяют утверждать, что существует взаимосвязь между когнитивными и ценностно-мотивационными компонентами в структуре идентичности. Мы провели анализ всех полученных данных и выделили наиболее выраженные показатели идентичности, мотивации и ценностей (таблица 10).

Если обобщить все эти данные, можно выделить три ведущих блока когнитивно мотивационных характеристик в каждой группе: 1 – самозащиты, связанных со стремлением чувствовать себя безопасно, стабильно, реализуются на уровне близких и хорошо знакомых сообществ; 2 – самоуважения – желания быть уважаемым в обществе, приносить пользу

людям, реализуется на уровне строго не структурированного, но реального сообщества людей, разделяющих определенные культурные и моральные нормы и требования; 3 – самореализации – стремления проявить себя в деятельности, реализовать свои способности и расширения своего профессионального пространства, реализуется на уровне профессиональных, деловых сообществ, которые носят интернациональный характер.

Это позволяет по-новому посмотреть на структуру социальной идентичности и выделить в ней функциональные блоки, связанные с реализацией определенных функций, основанные на единстве когнитивных и ценностно-мотивационных компонентов. В основе функциональных блоков лежит конструктивная система, которая имеет специфические достаточно выраженные связи с когнитивными (идентификационными), ценностно-мотивационными характеристиками.

Таблица 10

Сводная таблица результатов исследования когнитивных и ценностно-мотивационных компонентов в структуре идентичности

Показатели	Группы		
	БГ	ИЛГ	ПДГ
Когнитивные (идентичность)	Семейная, этническая, локальная	Личностная, Глобальная	Деловая, профессиональная гражданская
Мотивационные	Самозащита, семейное благополучие, комфорт	Самоуважение, творчество, общение, взаимодействие, творчество	Самореализация в деятельности, автономия, успех, познание
Ценностные	Здоровье, семья, безопасность, материальное благополучие.	Общение, смысл жизни, общественная польза, признание, культура, творчество.	Проф. рост, независимость, свобода, продуктивная жизнь.

Проведенный теоретический анализ и эмпирическое исследование позволяют выделить три основных функциональных блока в структуре социальной идентичности:

Первый блок получил рабочее название "базисный". В нем наблюдается преобладание таких идентификационных характеристик: семейные, этнические, поло-ролевые, локальные – связанные с местом проживания; больше выражена мотивация самозащиты и ценности безопасности жизни, материального и семейного благополучия.

Второй блок – "индивидуально-личностный" характеризуется преобладанием персональной и глобальной (экзистенциальной)

идентичности, а также мотивацией самоуважения, ценностями дружбы, общественной пользы; общения; приобщения к культуре.

Третий блок – "профессионально-деловой" отличается большей выраженностью идентификационных характеристик по отношению к учебно-профессиональной позиции, участием в деятельности, самооценке способностей, а также мотивации саморазвития и ценностей, связанных с достижением автономности; личностным и профессиональным ростом.

Эмпирически выявленные функциональные блоки все вместе позволяют реализовать основные функции социальной идентичности. "Базисный" блок поддерживает границу "Мы и Они", которая хоть и является очень гибкой, подвергаясь постоянным изменениям, тем не менее способствует сохранению общности. Это первый необходимый компонент социального становления. Он способствует самосохранению.

"Профессионально-деловой" блок связан с тенденциями саморазвития, которые появляются только тогда, когда появляется нечто общее между собой и другими. Понимая границы, отделяющие своих от чужих, система восприятия социального мира усложняется и развивается через выявление общих проблем, путей их решения, ценностей, языков. Она становится способной к интеграции с другими системами. "Разность интеллектуальных, материальных и других потенциалов – источник движения в обществе, первичный источник коллективного разума" [86, с. 43]. Это также необходимый компонент социального становления, который способствует саморазвитию, приданию целенаправленности системе.

Роль "индивидуально-личностного" блока не столь явно определена, как предыдущих двух. Но в общей системе идентичности этот блок выполняет, по нашему мнению, прежде всего функцию фильтрации, проверки надежности смысловых связей. Не случайно, по всем методикам наблюдается гораздо больше связей ИЛГ – БГ и ИЛГ – ПДГ, чем БГ – ПДГ. Это

необходимый компонент социального становления. Который способствует сохранению смысла, экзистенциального единства личности, прогнозирования последствий идентификации.

Результаты, представленные в данной главе, показывают, что в структуре идентичности человека наблюдаются все три функциональных блока, что позволяет обеспечивать реализацию основных функций социальной идентичности как целостного, системного образования. Они находятся в динамичном и более или менее уравновешенном соотношении друг с другом, но под влиянием определенной мотивации происходит актуализация того или иного компонента по отношению к другим. Структуру каждого блока составляет единство когнитивных, мотивационных и ценностных характеристик. Функциональность блока обусловлена прежде всего когнитивными характеристиками, которые лежат в основе идентификационной структуры и в соотношении с определенными мотивами и ценностями определяют реализацию функций идентичности.

У испытуемых выделенных групп наблюдается актуализация комплекса показателей: идентификационных, мотивационных и ценностных. Все вместе они образуют структуру социальной идентичности, которая обеспечивает адаптацию и реализацию основных идентификационных функций на определенном этапе или в определенной ситуации развития.

Кроме того, результаты этой серии показывают, что уместно вспомнить еще раз о проблеме личностной и социальной идентичности. Мы уже отмечали, что в литературе есть примеры, когда противоречие между этими видами идентичности снимается через подчинение одного вида другим. Наше исследование выполнено на полюсе социальной идентичности, это означает, что в подходе к проблеме соотношения личностной и социальной идентичности мы опирались на те работы, суть которых в данном контексте заключается в том, что социальная психология должна быть подлинно

социальной. Это значит, что необходимо понимать феномены социальной психологии, а не объяснять их в терминах индивидуальных, элементарных свойств [314, 328, 329, 334, 513, 515]. Мы согласны с теми авторами, которые считают, что у социализированного человека все идентификационные характеристики носят социальный характер. Говоря "я добрый" или "я красивый" человек соотносит свои представления о себе с определенной референтной группой или группами [515].

Таким образом, социальная идентичность выступает как категория индивидуальная, но связанная с социальной ролью, статусом, группой. Она образуется целостным комплексом компонентов, в структуре которого индивидуальные представления о групповом членстве имеют специфическую связь с мотивационными и смысловыми характеристиками личности.

Глава 5. Эмпирическое исследование трансформации идентификационных структур в различных социокультурных условиях

Проведенный анализ структуры социальной идентичности позволил выявить ее функциональные блоки, основанные на единстве когнитивных и ценностно-мотивационных компонентов. Но кроме того, эта структура обладает и формально-динамическими характеристиками. Все выделенные компоненты и связи между ними претерпевают изменения под влиянием различных условий. Эти изменения помогают лучше понять роль функциональных блоков в идентификационном процессе, а также их зависимость от тех или иных социальных условий.

Целью данной части эмпирического исследования является проверка стабильности выявленных на предыдущем этапе исследования взаимосвязей в структуре идентичности. В соответствии с этой целью мы предположили, что идентификационные структуры, формирующиеся на основе социальной категоризации и сравнения, зависят от социокультурных факторов и обеспечивают личность системой ориентации в новых условиях.

Реализация поставленных задач достигалась путем проверки стабильности выявленных компонентов и связей между ними:

- в ситуации кризиса социальной идентичности;
- в различных социокультурных условиях.

5.1. Влияние ситуации кризиса социальной идентичности на особенности идентификационных структур

В данном параграфе приводятся результаты исследования идентификационных структур в кризисных ситуациях, главным признаком которых является необходимость приспособления к резким социальным изменениям.

Некоторые параметры социальной идентичности, проявляющиеся в условиях резких социальных перемен, кризиса идентичности, были выявлены еще в 70-е годы XX века в исследовании Л. Зучера. Он показал, что в период повышения нестабильности в обществе рефлексивное Я сильно увеличивается, как это было в США в 60-е годы, когда происходили значительные социальные и культурные изменения. Затруднения в определении себя в терминах социальной позиции заметно снизились, когда социальная ситуация изменилась и стала более стабильной [515]. Кроме того, в ситуации кризиса может проявляться узколокализованная идентичность [470, 515]. По мере стабилизации общества происходит расширение субъективных границ социальной идентичности [477].

Изучение социальной принадлежности к различным по широте общностям, в том числе и в плане восприятия себя в определенном географическом и даже виртуальном пространстве, стало актуальным направлением современных исследований [320, 376, 475]. Важную роль при этом играет новая проблематика, связанная с влиянием процесса глобализации на социальное самоопределение, благодаря которой еще раз подчеркивается необходимость изучения идентичности как на локальном, так и на универсальном уровнях.

Не имея возможности корректно сравнить социальную идентичность современных респондентов и таковых доперестроечной поры, мы посчитали возможным сконцентрироваться на выявлении особенностей социальной идентичности у людей, которые переживают кризис социальной идентичности в настоящий момент. К ним можно отнести практически основную массу россиян, а также людей, которые переехали из одних социокультурных условий в другие (мигрантов и переселенцев).

Мы предположили, что общий кризис социальной идентичности в эпоху радикальных социальных преобразований должен иметь свои специфические проявления в содержании идентичности.

В данной серии был опрошен 451 человек: студенты ярославских вузов, представители различных профессий в возрасте 30–40 лет (опрос проводился в периоды 1996 – 1999 и 2000 – 2001 гг.), в том числе люди, которые находятся в более экстремальных условиях адаптации, в частности, мигранты.

Особенности социальной идентичности выявлялись на основе методик, которые использовались и в предыдущих частях эмпирического исследования: тест "Двадцать утверждений" опросников, самоотчетов испытуемых, наблюдения.

Сложившаяся логика исследования социальной идентичности основана на представлениях о множестве идентификационных характеристик [241, 314, 431, 432, 482]. Например, С. Московиси ввел понятие идентификационной матрицы, включающей в себя различные идентичности. Распределением информации в идентификационной матрице руководит доминирующая в данный момент идентичность или группа идентичностей [241]. Проблема заключается в том, как выявить субъективные приоритетные категории. В предыдущем параграфе было показано, что это можно сделать, прибегнув к анализу системы конструкторов. В то же время возможен путь анализа идентификационной матрицы через сопоставление идентификационных характеристик, выявление приоритетных категорий, которые задают основное направление в процессах межличностного и межгруппового сравнения. В нашем исследовании проводилось сравнение двух обобщенных групп ответов по методике "Двадцать утверждений", относящихся к индивидуальным и коллективным качествам: индивидуальные (№ 1, 8, 9, 16); коллективные (№ 2, 3, 4, 5, 6, 7, 11, 13, 15).

Кроме них использовались методики:

А. "Ориентировочная анкета", направленная на понимание отношения испытуемых к проблеме социальных перемен, субъективной оценки этого явления. Поэтому вопросы предполагали не глубокий анализ происходящих в обществе изменений со стороны испытуемых, а лишь первичное ознакомление с проблемой и концентрацию на осмыслении своего места в новой социальной среде. На основе полученных ответов строилась дальнейшая стратегия работы, определялись временные рамки.

Б. Методика анализа идентичности.

Испытуемым задавался следующий закрытый вопрос:

"Оцените по 10 - балльной шкале, в какой степени вы ощущаете себя: "советским человеком", "представителем собственной национальности", "представителем местного сообщества", "россиянином", "европейцем", "человеком мира".

Ответы на вопросы позволяют получить средний балл выраженности 6 различных видов социальной идентичности: советская, национальная, локальная, российская, европейская, мировая.

Подобные вопросы являются особенно актуальными в исследованиях, которые связаны в основном с практической задачей создания европейского многокультурного сообщества. Мы включили в этот список категорию "советский человек", поскольку она еще достаточно сильно представлена в сознании людей [70].

В. Методика анализа смысловых единиц идентичности.

Направлена на выявление смысловых единиц идентичности. Социально обусловленные символы не только передают значимую информацию, но и выражают групповые эмоции и ощущения и способствуют групповой сплоченности [119, 231].

На основе параметров классификации, предложенных в работе З.В. Сикевич [231], мы разработали следующую процедуру анализа значимых символов.

Местным жителям и мигрантам было предложено описать в свободной форме ситуации, в которых они воспринимают себя а) членами своих этнических групп и б) гражданами Российской Федерации. Первые ситуации связывают их с этнической группой, вторые – с сообществом граждан.

Смысловые единицы (слова или фразы) выявляются на основе качественного анализа ответов, которые используются для сопоставления значимых символов.

Описание и анализ результатов исследования.

В первой части исследования мы выявляли общую картину идентичности в целом по выборке россиян.

1. Ориентировочная анкета позволила выявить отношение респондентов к проблеме социальных перемен и самоидентификации. Анализ ответов проводился по следующим блокам:

- восприятие социальных изменений в стране;
- рефлексия смены собственной идентичности;
- позитивное (негативное) восприятие социальных изменений.

Было опрошено 64 человека. Используя данные частотного распределения, мы обнаружили, что большинство респондентов понимают, что мир вокруг сильно отличается от "доперестроечного" периода (табл. 11). В то же время многие оказываются перед вопросом "Кто Я?", потому что испытывают трудности в осознании собственной социальной ниши. Отношение к социальным изменениям также показывает, что не все одинаково воспринимают новую жизнь. Хотя многие видят позитивные перспективы для себя, но в то же время значительная часть опрошенных относится к переменам с опаской. Вопрос о роли перестройки в жизни людей

остается очень противоречивым. Однозначный ответ дают лишь некоторые респонденты, многие воспринимают его неоднозначно, поскольку в одних аспектах реальной ситуации видят позитивные перспективы для себя, а в других – ограничения и проблемы. Некоторые люди вообще ассоциируют все свои проблемы с изменением социальной обстановки (3% в нашем исследовании).

Таблица 11

Восприятие социальных перемен (варианты ответов в процентах)

Категория ответа		Да	Нет	Не знаю
Воспр. соц. изменений		96,8	0	3,2
Рефлексия смены идентичн.		65,6	3,1	31,3
Позитивное восприятие		57,8	4,7	37,5
Негативное восприятие		18,8	59,3	21,9

Полученные результаты подтверждают данные о ситуации кризиса идентичности и неопределенности идентификации современных россиян [119, с. 116]. Большинство опрошенных отмечают, что они воспринимают социальные изменения, но однозначного ответа к этим изменениям нет. Хотя достаточно много испытуемых (57,8%) находят позитивные моменты в этих изменениях, но также большое количество людей остается в неопределенности (37,5%) и неприятии (18,8%) сложившейся ситуации. Эти данные учитывались при планировании и проведении последующих процедур исследования социальной идентичности.

2. По методике "Двадцать утверждений" выявлялась выраженность основных идентификационных характеристик у россиян. Было опрошено 257 человек.

В табл. 12 показаны результаты анализа структуры идентичности россиян по 20 показателям, которые проводились с использованием частотного распределения.

Таблица 12

Основные показатели идентичности у россиян

Показатели	%
Личностные самоидентификации	27,8
Статусные, ролевые позиции	13,3
Семейная идентичность	19,1
Этническая идентичность	3,2
Поло-ролевая идентичность	6,7
Локальная идентичность	3,4
Религиозная идентичность	0,3
Гражданская идентичность	3,9
Круг друзей	0,6
Субъект деятельности	4,4
Субъект общения	2,3
Перспектива деятельности	1,4
Перспектива общения	1,5
Самооценка деятельности	0,6
Самооценка социальных навыков	1,8
Субъективные физические данные	2,7
Фактические физические данные	1,7
Переживаемое состояние	1,1
Собственник	0,1
Экзистенциальная идентичность	4,1

Максимальную выраженность в структуре идентичности получили личностные самоидентификации, учебно-профессиональные статусные и ролевые позиции, семейная идентичность, восприятие себя в роли субъекта деятельности. качественный анализ личностных характеристик показал, что среди них присутствуют преимущественно позитивные и нейтральные качества (добрый, умный, хороший). Ролевые и статусные характеристиками

касаются в основном привычных и опробованных в собственном социальном опыте позиций (студент, будущий педагог, сосед). Семейная идентичность связана преимущественно с родительской семьей (дочь, сын, брат и т.п.), что во многом объясняется возрастными особенностями испытуемых. Этот результат хорошо объясняется теоретически. Например, согласно ТСИ, половая идентичность осознается, как правило, автоматически уже в раннем детстве, но принадлежность, например, к социальному классу может не входить в "Я-образ" на протяжении всей жизни. В таком случае дифференциации и сравнения по классовому признаку (а также форм поведения, связанных с классовой идентификацией) не происходит [314].

Явно преобладает количество ответов, относящихся к восприятию себя членом местного сообщества, по сравнению с широкими, глобальными. Низкий уровень гражданской и религиозной идентичности соответствует имеющимся в литературе данным [48, 118, 119, 241], согласно которым гражданская идентичность современных россиян вызывает чувство неопределенности, неуверенности в будущем, горечи, обиды [119, с. 116].

Мы включили в классификатор несколько параметров, связанных с деятельностью и общением. Это отличные от статусных и ролевых позиций характеристики. В "деятельностную группу" входят ответы типа, "я люблю что-то делать", в "общенческую" – "я люблю общаться". Поскольку эти ответы могут быть развернуты во времени, (я буду иметь много друзей или я буду что-то делать в будущем), то мы ввели соответствующую графу. Часть ответов касается самооценки своих способностей к деятельности (умею работать, рисовать и т.п.) и общению (умею общаться, слушать и т.п.). Среди них преобладают ответы, связанные с общением, что говорит о некоторых трудностях самооценки себя как субъектов деятельности по сравнению с субъектами общения.

Восприятие своих психофизических данных больше выражено по отношению к субъективному описанию своей внешности, чем фактическому, что может свидетельствовать о слабости оценки своего реального состояния.

Низкий уровень выраженности религиозной идентичности показывает, что атеистическая парадигма воспитания, которая господствовала во всех социальных институтах долгое время, является преобладающей и оказывает влияние на самосознание граждан. Слабый уровень восприятия себя собственником отражает определенную культурную традицию, сформированную в советское время, но также может быть связан и с возрастом, когда большее внимание уделяется деятельности и общению, чем материальным ценностям. Вполне возможно, что в данном случае в идентичности проявляются определенные культурные традиции. Аналогичный пример мы находим у А. Тэшфела из истории Англии: на протяжении столетий принадлежность к мужскому полу ценилась выше, чем к женскому, аристократические слои общества – выше плебейских, успешные группы выше слабо успевающих [314].

В некоторых исследованиях группа личностных характеристик получила название субъективной, поскольку она связана с позитивной, нейтральной или негативной самооценкой личностных особенностей [119]. Их выбор и оценка во многом зависят от индивидуальных предпочтений и оценок. Группа статусно-ролевых характеристик получила название объективных, поскольку в них выражается принадлежность к таким группам, к которым либо нельзя не принадлежать, либо принято принадлежать. Если применить данный критерий оценки по отношению к нашему исследованию, то получается, что субъективные и объективные характеристики выражены в одинаковой степени. Среди объективных признаков преобладают базовые

(семья, пол, возраст, профессия), а не этнополитические категории (этнос, гражданство, религия).

Опираясь на эти данные, можно предположить, что в условиях кризиса меняется роль критериев для группового сравнения. Так, З.В. Сикевич в исследовании сущности этнической идентичности показывает, что этническое самосознание не может существовать автономно, без соотнесенности, сравнения "себя" с "другим". Поэтому этничность является групповой характеристикой, которая обнаруживается в сравнении "нас" с "не нами" [231, с.18]. В содержании идентификационной матрицы стержневыми выступают показатели, которые и определяют основные критерии сравнения и отделения своих от чужих. Согласно ТСИ соперничество требует сравнения и дифференциации по значимым признакам. В этих условиях можно предсказать возникновение межгруппового соперничества, которое может и не зависеть от объективных конкурентных взаимоотношений между группами. Так, в школах среди детских групп часто возникает выяснение отношений: чей класс лучше? Одни считают себя самыми дружными, другие – самыми сильными, третьи – самыми активными и т.д., хотя такое соперничество не дает никакой реальной выгоды и не имеет под собой никакой реальной основы. Его цель – поиск позитивных различий [8].

Сравнение выраженности идентификационных характеристик основных функциональных блоков (БГ, ИЛГ, ПДГ) показал, что все они имеют место в самосознании россиян: "базисная" – 32,7% (№№ 3, 4, 5, 6, 7); "индивидуально-личностная" – 37,5% (№№ 1, 11, 13, 15, 20); "профессионально-деловая" – 23,6% (№№ 2, 8, 10, 12, 14).

Наблюдается преобладание "базисного" и "индивидуально-личностного" блоков, что соответствует данным о структуре идентичности в условиях социальных кризисов.

Этим же, возможно, определяется и "смыслообразующая функция" социальной идентичности, которая придает ей личностную значимость [115]. Эта идея особенно важна для развития наших представлений о динамике социальной идентичности, поскольку обращение к проблеме личностной значимости позволяет по-иному посмотреть и на проблему мотивации, которая приводит как к самоидентификации, так и закреплению в сознании идентификационных предпочтений.

В данной серии эмпирического исследования проводилось сравнение половых особенностей идентичности. При этом не было выявлено значимых различий в идентификационных характеристиках мужчин и женщин, поэтому в дальнейшем мы не будем касаться этого вопроса.

Результаты показали, что в условиях социальной нестабильности в структуре идентичности преобладает роль "базисного" и "индивидуально-личностного" функциональных блоков. Если сопоставить эти данные с результатами, описанными в предыдущей главе, можно отметить преобладание тенденции самосохранения, самопознания, самоуважения, трудности социального самоопределения.

3. Результаты анализа идентичности в соответствии с группировкой по шести признакам показали, что в структуре идентичности преобладают показатели рефлексивного Я (43,6%).

Это также подтверждает вывод Л. Зучера о том, что увеличение рефлексивного Я является ответом на рост социальных и культурных изменений, на нестабильность в обществе [515]. Эти изменения могут затруднить определение себя в терминах социальной позиции до тех пор, пока не изменится социальная структура в сторону стабильности. Но если в ответах будут преобладать качества, относящиеся к рефлексивному Я в период медленных социальных изменений, все равно взгляд индивида на себя связан с социальной силой и социальной структурой. Даже когда индивиды

не определяют себя в терминах социальной позиции, их взгляд на себя остается зависимым и квалифицируется как социальный.

Поэтому рост персонального Я служит проявлением ситуации кризиса идентичности (табл. 13).

Таблица 13

Показатели идентичности у россиян

Категория	Выраженность %
Рефлексивное Я	43,6
Социальное Я	28,2
Деятельностное Я	11,6
Коммуникативное Я	9,4
Физическое Я	5,7
Материальное Я	1,5

Приведенные результаты подтверждают положение о том, что в ситуации кризиса и резких социальных перемен наблюдается сильное преобладание персональных описаний при ответе на вопрос "Кто Я?" Спутанность и размытость большинства социальных категорий, резкая динамика создают проблемы социального самоопределения. Своеобразной защитной реакцией являются отказ от определения своего группового членства и описание себя в терминах персональных и моральных (хороший человек, добрый, ленивый и т.п.).

В то же время человек не может отказаться совсем от социального самоопределения, независимо от сложности и противоречивости реальной ситуации. Есть ряд социальных категорий, которые являются необходимым атрибутом жизни практически каждого человека, например, сын, дочь, член профессионального сообщества и т.д. Поэтому 28% ответов респондентов относятся к описанию своего группового членства и касаются в первую очередь таких общностей, как семья, близкий круг друзей. Среди этих

ответов около 4 % носят, "океанический масштаб" типа: "человек", "житель планеты Земля", "разумное существо".

Деятельностное Я (11,6%) свидетельствует о восприятии себя в роли человека, умеющего что-то делать или выполняющего определенную работу (я хорошо готовлю, умею плавать, чинить машину и т.д.). В некотором смысле это может быть следствием трудности четкого социального самоопределения и отнесения себя к конкретной социальной группе. Например, когда человек пишет, что он умеет играть на гитаре, но не называет себя гитаристом или музыкантом, это может означать, что он не воспринимает себя членом музыкального сообщества, у него нет возможности реально вступить в эту профессиональную группу, но хочется отметить некоторую принадлежность к ней.

Достаточно выраженный уровень коммуникативного Я (9,4%), по нашему мнению, связан со спецификой коллективистической культуры, которая в целом, предполагает разнообразное общение. В то же время это может быть и следствием возраста и характера деятельности испытуемых, среди которых было много студентов.

Низкий уровень физического Я и материального Я косвенно свидетельствует о слабости отражения своих физических и материальных возможностей. На первый взгляд это может быть связано и с возрастными особенностями респондентов, но в то же время из возрастной психологии известно, что интерес к своим психофизическим особенностям (внешность, физические данные) появляется уже у младших подростков. Поэтому мы склонны объяснить полученный нами результат именно как невнимание к своему здоровью и образу жизни, что также может быть следствием потери социальных ориентиров и утраты определенных ценностей.

Преобладание рефлексивного Я в соотношении с нашими представлениями о структуре социальной идентичности, изложенными в

предыдущей главе, можно отнести к большей выраженности "индивидуально-личностного" функционального компонента, который актуализируется в ситуации нестабильности.

4. Дихотомия "коллективизм – индивидуализм" на сегодня является традиционным компонентом исследования социальной идентичности [144, 145, 314, 386, 409].

Индивидуализм – коллективизм – это дихотомия, в рамках которой представлены по сути все культуры. Она связана с культурой отношений между людьми, в частности, с направленностью культуры на индивидуальную автономность, или на индивидуальную взаимозависимость, или на сотрудничество в пределах групп [387, 388, 497, 498]. Поэтому в контексте исследования идентичности индивидуализм – коллективизм анализируются как культурные различия.

В связи с этим коллективизм рассматривается нами как индивидуальная концепция, в которой приоритетными являются цели группы (семейной, дружеской или профессионально-деловой). Идентичность конструируется в соответствии с этими предпочтениями.

Индивидуализм рассматривается нами как индивидуальная концепция, в которой собственные цели превалируют над групповыми. При этом идентичность определяется в терминах персональных атрибуций больше, чем в терминах групповых идентификаций. Последний признак индивидуализма создает трудности в реальной оценке его выраженности. Поскольку в период кризиса явно превалирует персональная идентичность над групповой, то появляется предположение о смене культурной парадигмы. В то же время при определении индивидуализма важно не просто наличие персональных атрибуций, а их качественный анализ и место в общей идентификационной структуре. Поэтому сам факт увеличения числа персональных признаков может наблюдаться и при индивидуализме и при коллективизме. В первом

случае большую роль будут играть автономные, а во втором – общественно обусловленные признаки.

В ряде исследований отмечается, что под влиянием кризиса идентичности происходит усиление индивидуалистических начал в личности россиян [145, 196].

Проверка этого тезиса проводилась при помощи расчета критерия коллективизма. В качестве показателей коллективизма мы использовали критерии: выраженность приоритетов целей семьи, профессиональной группы, общественных организаций, общества в целом, ориентация на взаимозависимость. Показателями индивидуализма служили: приоритеты индивидуальных целей, материальной и социальной независимости. Также учитывались качественные особенности самоописаний. Например, использование традиционных словосочетаний (добропорядочный гражданин, сам себе хозяин и т.п.).

Тема своеобразия языка в каждой социальной структуре не нова в психологии. Как отмечал Т. Шибутани, внутри каждого социального мира вырабатывается особый согласованный мир. Переживания категоризируются особым образом и для их обозначения используется специальная система символов. Представители групп испытывают специфические переживания, и они вырабатывают специальные термины, чтобы их выразить. Этот процесс обеспечивает не только выражение специфических переживаний, но и обозначение целостности группы. Он создает барьеры, отделяющие свою группу от посторонних, которые часто направлены на то, чтобы другие не смогли понять, что было сказано. Каждый социальный мир есть схема жизни: способ действия, разговора, мышления. Это область, внутри которой разделяются специфические значения. Человек, являющийся ее частью, здесь чувствует себя как дома [283]. Поэтому при анализе любых проявлений социальной идентичности важно обращать внимание на содержание речевых

оборотов, которые применяет человек. Например, коллективист более склонен употреблять выражения, где уравниваются или сравниваются его качества с другими (такой как все, член общества, завишу от других и т.п.). Индивидуалист больше подчеркивает свою уникальность и автономность (независимый человек, принадлежу самому себе, вижу мир по-особому и т.п.).

Результаты нашего исследования показывают, что в условиях кризиса идентичности наблюдается сложная диалектика внутри дихотомии "коллективный – индивидуальный". Несмотря на реальные социальные изменения, диктующие необходимость индивидуальных решений и ответственности [62, 63], сила коллективизма, заложенная в русской культуре [5, 114, 156, 230, 302], такова, что коллективизм остается ведущим показателем идентичности, и, более того, в определенном смысле он усиливается, обретая иную форму. Поскольку анализ этой проблемы не является целью нашего исследования, мы лишь коснемся здесь тех аспектов, которые связаны с проблемой структуры идентичности и ее трансформации под влиянием новых социальных условий. Большинство опрошенных имеют высокий уровень выраженности коллективизма по сравнению с индивидуализмом.

Было выявлено преобладание коллективистических характеристик (78,3%) по сравнению с индивидуалистическими (21,7%), что в целом соответствует психологическим представлениям о русском менталитете [5, 230, 302]. Но изменилась значимость различных групп: от восприятия себя членом общества, широкой профессиональной группы к восприятию себя членом семьи, круга друзей (табл. 14).

Таблица 14

Выраженность восприятия себя членом различных по широте групп
(количество ответов в процентах)

Группы	Выраженность в %
Семья	78,4
Проф.гр.	16,8
Общество	4,8

Полученные результаты показывают, что в условиях кризиса идентичности потребность в принадлежности к определенной группе у большинства людей растет, при этом появляется стремление к принадлежности более узким и знакомым группам, типа семьи, круга друзей, непосредственного профессионального окружения. Ситуация нестабильности приводит к усилению "базисного" функционального компонента социальной идентичности. Размытость границ многих социальных групп создает проблемы для самоидентификации с более широкими сообществами.

5. Соотношение узкой и широкой идентичности проводилось на основе комплексного анализа результатов методик, направленных на выявление содержания идентичности. Используя данные частотного распределения, мы обнаружили, что узкая локализация идентичности (68,7%) преобладает по сравнению с широкой (31,3%).

Кроме того, эта задача решалась с помощью методики анализа идентичности. Было опрошено 92 человека. Результаты ответов на вопрос о содержании идентичности показали (табл. 15), что в самосознании опрошенных остается еще доля советской идентичности (среднее 1,67), но она упала почти в два раза по сравнению с 1998 годом (100). Значимо

выросли показатели национальной и гражданской идентичности в период с 1998 по 2002 года.

Таблица 15

Сравнение средних значений социальной идентичности
в 1998, 2001 гг.

Идентичность	Годы	
	1998	2001
Советская	4,56	2,21
Этническая	6,78	8,34
Местная	8,67	7,25
Гражд.	5,67	8,54
Европ.	4,67	5,63
Мировая	4,78	5,46

Важно отметить, что прямой вопрос позволяет увидеть несколько иную картину социальной идентичности по сравнению с предыдущей серией эмпирического исследования.

Из таблицы видно, что наблюдается постоянное снижение доли советской идентичности, но в то же время она еще имеет место в самосознании россиян. За последние годы наиболее сильно вырос показатель этнической идентичности. Он сочетается с также увеличивающейся локальной и российской идентичностью. Стремление ощутить себя членом европейского и мирового сообщества выросло в период с 1996 по 1998 год, но практически осталось на прежнем уровне к 2000 году. Эти результаты отчасти подтвердили нашу гипотезу о том, что в идентичности россиян преобладают характеристики, которые объединяют их с близким социальным окружением, что свидетельствует об актуализированности "базисного" функционального блока в структуре социальной идентичности. Также можно отметить, противоречивость восприятия социального мира в ситуации нестабильности.

6. Анализ идентичности и стратегии выхода из кризиса идентичности у испытуемых, которые находятся в сложных условиях адаптации (группа мигрантов), позволил выявить ряд специфических особенностей идентичности.

Нами проводился сравнительный анализ идентификационных структур в двух группах: представителей местного сообщества и мигрантов.

Этот вопрос поднимался в ряде исследований социальной идентичности мигрантов, связанных с изучением трансформации социальной и этнической идентичности (В.В. Гиценко, Н.М. Лебедева, М.А. Лобас, Г.У. Солдатова и др.). Так, В.В. Гриценко показала, что в структуре идентичности мигрантов по сравнению с идентичностью коренных жителей более значимыми оказались профессиональная, этническая и гражданская идентичности, кроме того, у них выше доля негативных самоидентификаций [63, 64]. В исследовании М.А. Лобаса также был отмечен более высокий уровень этнической идентичности, но на другой возрастной группе – учащихся старших классов средних школ [154].

Многие отечественные исследователи для выявления влияния кризиса на идентичность используют методику Солдатовой - Рыжовой, которая позволяет показать динамику и уровень выраженности проявлений этнической идентичности [241]: норма (позитивная этническая идентичность), этническая индифферентность, гипоидентичность (этнонигилизм), гиперидентичность (этноэгоизм, этноизоляционизм и национальный фанатизм).

В этих исследованиях было выявлено, что под влиянием межэтнических контактов на начальных этапах взаимодействия растет межэтническая напряженность, что проявляется сочетании позитивной этнической идентичности и гиперидентичных установок [154, 174, 241]. В группах с моноэтническим составом такого изменения идентичности не наблюдается.

Это хорошо согласуется с выводами А. Тэшфела и Дж. Тернера относительно роли механизма сравнения в идентификационных процессах. Вероятно, участники межэтнического взаимодействия отчетливо воспринимают особенности своей и другой национальности на основе культурных контрастов, что заставляет их критически относиться к "не таким как мы". Кроме того исследователи отмечают направленность на переосмысление мигрантами своей позиции в межкультурном общении. В такой ситуации у мигрантов усиливается формирование этнической идентичности как составляющей Я-образа [154].

Эти данные подтверждаются сравнением уровня этнофанатизма у детей и родителей в семьях мигрантов. Так в группах детей данный параметр выражен гораздо выше, чем в взрослых (65% – 26%). Наличие этого факта авторы объясняют тем, что дети имеют большую внутреннюю конфликтность и испытывают тревожность, связанную с обострением и актуализацией проблем межэтнического взаимодействия. В то же время очевидно, что условия взаимодействия в школьной среде более интенсивные и открытые по сравнению с деловым миром. Поэтому можно сказать, что в целом у мигрантов может повышаться не только этническая идентичность, но и ее крайние проявления [63, 64, 154].

В ряде исследований приводятся примеры некоторых качественных и количественных особенностей социальной идентичности мигрантов в сравнении с группой коренных жителей. При этом учитываются данные о роли межгрупповых различий, не все из которых имеют одинаковую значимость. Сходство групп, их близость и ситуационные особенности определяют сопоставляемость с аутгруппой. Например, для больших групп в одной социальной ситуации наиболее значимым признаком является цвет кожи, в другой – язык, в третьей – вера. Маловероятно, что жителей Африки сравнивают свою группу с народами Азии. Однако ситуация резко меняется,

когда иммигранты из этих частей света сталкиваются друг с другом в Америке. Здесь налицо сходство различных групп иммигрантов в их судьбе, чисто территориальная близость и постоянная конкуренция, касающаяся работы, жилья, образования и других социальных ценностей. Все это увеличивает вероятность сопоставления, сравнения друг с другом в поиске положительных отличий и, как следствие, стремление к ингрупповой обособленности [314].

Поэтому вероятность появления внутригруппового фаворитизма связана с самим механизмом сравнения. При благоприятных сравнениях собственной группы с другими релевантные аутгруппы должны восприниматься как негативно отличающиеся от собственной группы. В.С. Агеев иллюстрирует этот механизм на следующем примере: школьнику, воспринимающему себя членом своего класса (ингруппы), для формирования позитивной социальной идентичности необходимо осознавать, что его класс по каким-то параметрам (успеваемости, спортивным достижениям, отношениям и т.д.) лучше других классов (аутгрупп). При этом сравнение он будет делать не по вертикали (свой пятый класс с первым или десятым), а по горизонтали (свой пятый – с другим пятым), так как именно эти возрастные группы релевантны его ингруппе [8].

В нашем исследовании в целом подтвердились данные, о которых шла речь выше. Но также были выявлены некоторые новые особенности идентичности у мигрантов (табл. 16).

Было выявлено, что у мигрантов выше, чем у местных жителей, выражены этническая и семейная идентичность. У них также выше материальное Я и поло-ролевая идентичность, которые тесно связаны с семейной идентичностью. Мигранты часто отказываются от продолжения своей профессиональной карьеры, начатой еще до переезда, в пользу получения работы с необходимым для обеспечения семьи заработком. Для них более

значимы перспективы деятельности и общения, восприятие себя собственником, общение с кругом друзей и своей семьей, проведение семейных праздников. У них чаще наблюдается "двойная мораль": ценности семьи не распространяются на широкое социальное окружение. У мигрантов по сравнению с коренными жителями оказалось больше негативных самоидентификаций. Это свидетельствует о более выраженном "базисном" (БГ) и "индивидуально-личностном" (ИЛГ) функциональном блоках идентичности.

Специфика проявления гражданской идентичности в этой группе заключается в большей значимости официального подтверждения гражданства, гражданских прав и обязанностей.

Таблица 16

Сравнение показателей идентичности у местных жителей
и мигрантов (выраженность показателей в процентах)

Показатели	Выраженность	
	Местные	Мигранты
Личностные самоидентификации	15,6%	24,5%
Статусные, ролевые позиции	15,5%	7,5%
Семейная идентичность	10,0%	18,0%
Этническая идентичность	3,5%	9,0%
Поло-ролевая идентичность	4,5%	7,0%
Локальная идентичность	4,5%	4,0%
Религиозная идентичность	2,2%	3,5%
Гражданская идентичность	11,5%	1,5%
Круг друзей	3,9%	3,5%
Субъект деятельности	9,0%	1,0%
Субъект общения	2,2%	3,0%
Перспектива деятельности	1,5%	1,0%
Перспектива общения	1,7%	2,5%
Самооценка деятельности	2,5%	1,0%
Самооценка социальных навыков	2,2%	2,5%
Субъективные физические данные	2,8%	2,5%
Фактические физические данные	2,8%	1,5%
Переживаемое состояние	1,7%	1,5%
Собственник	0,5%	3,0%
Экзистенциальная идентичность	2,2%	2,0%

Опровержение гипотезы о том, что в обеих группах (мигрантов и местных) будет наблюдаться одинаковое количество показателей социальной идентичности, с помощью критерия согласия Пирсона хи-квадрат на значимом уровне 0,01, позволяет сделать вывод о наличии различий

идентичности в этих группах. Сравнение данных в этих группах, проведенное по критерию U-Манна-Уитни выявило ряд различий, которые достоверны с вероятностью 0,017. Так, у мигрантов значимо выше показатели "личностные самоидентификации", "семейная идентичность", "этническая идентичность", несколько выше "восприятие себя собственником". У местных выше показатели "учебно-профессиональной идентичности", "гражданской идентичности", "восприятие себя субъектом деятельности". Данное сравнение показывает, что различия касаются ключевых идентификационных структур, которые имеют большое значение в определении функциональных блоков идентичности. Можно сказать, что у местных более выражен "профессионально-деловой" блок, у мигрантов – "базисный" и "индивидуально-личностный".

7. Анализ критериев самоидентификации. Данный подход в социальной психологии исходит из роли символа, под которым понимаются любые артефакты, знаки или понятия, что-то их выражающее или что-то на них указывающее. Критерии классификации для этнических и гражданских ситуаций анализировались отдельно, но в то же время они оказались очень близкими. Это подтверждает вывод И.Ю. Киселева, который считает, что такая ситуация, видимо, свидетельствует о неразделенности этнического и гражданского самосознания: одни и те же ситуации вызывают разные идентификации, быть русским означает то же самое, что быть россиянином [119].

Обобщение этих смысловых единиц позволило выделить следующие факторы классификации:

- Политические символы: политическая и гражданская символика, законы, права (гимн, флаг, конституция, закон, уголовный кодекс).
- Экономические символы: денежные или товарные эквиваленты экономического состояния (рубль, курс доллара, зарплата).

- Достижения: успехи в самых разных областях нашей жизни (победы на олимпиаде, достижения в космосе, наше оружие и ракеты).
- Межнациональное взаимодействие: актуализация гражданского или этнического самосознания в ходе взаимодействия с другими народами или странами (прозрачность границ СНГ, посещение других стран и т.п.).
- Бытовая сторона жизни: условия проживания, общественные услуги, обслуживание (потребительская корзина, медицинское обслуживание и т.п.).
- Географические условия: особенности местности, погода, климат (русская природа, родные просторы, родина, родной дом).
- Искусство и культура: театральное искусство, художественная культура, живопись, архитектура, кино (чтение литературных классиков, просмотр фильмов, посещение музеев, памятников культуры).
- Духовная этническая культура: религиозные праздники, традиции (посещение церкви, следование традициям, обрядам).
- Психологическое состояние: настроение, сравнение себя с другими (состояние души, размышление о смысле жизни).
- Социальные оценки: социально-политическая система, деятели государства (уверенность в завтрашнем дне, коррупция, действия чиновников).

Таблица 17

Категории, причисляющие местных жителей и мигрантов к этнической группе и сообществу граждан России

Критерии классификации	Этнический		Гражданский	
	Местные	Мигранты	Местные	Мигранты
1. Политические символы	7,2	9,6	47,9	57,8
2. Экономические символы	5,3	8,4	7,4	10,1
3. Достижения	5,1	2,1	5,8	6,5
4. Межнациональное взаимодействие	26,3	23,3	9,8	10,2
5. Быт	10,1	7,3	3,4	1,6
6. География	11,2	12,3	9,6	5,4
7. Искусство и культура	5,6	4,2	0,5	0,5
8. Этническая культура	15,6	19,7	0,1	0,1
9. Психологическое состояние	6,7	7,6	7,9	3,2
10. Социальные оценки	6,9	5,5	7,6	4,6

У мигрантов преобладают политические и экономические символы, их несколько больше волнуют достижения страны. Все это является экономической и политической основой миграции, поскольку основная причина перемены места жительства заключается в экономических или социально-политических проблемах людей [63, 64, 154]. Если сопоставить эти данные с изложенными выше нашими представлениями о структуре социальной идентичности, то можно отметить влияние "базисного" функционального компонента идентичности, а, следовательно, преобладания мотивации самозащиты в среде мигрантов.

Кроме того, опираясь на полученные данные, можно сказать, что идентификация с сообществом граждан происходит посредством символов государства, в то время как идентификация с этнической группой – посредством сравнения "нас" с "не нами", а также проявлениями этнической культуры [119]. Это создает трудности адаптации и организации

взаимодействия мигрантов и местных жителей и обостряет этническую идентичность.

Полученные результаты позволяют сказать, что основными стратегиями выхода из кризиса идентичности мигрантов являются: а) концентрация идентификационных структур вокруг семейной, этнической и религиозной идентичности (стратегии "заужения"); б) восприятие себя представителем своего этноса в сочетании с более широкими представлениями о себе как человеке мира, разумном существе и т.п. (стратегии расширения).

В следующей серии эмпирического исследования проводилась более детальная проверка обусловленности социальной идентичности влиянием социокультурной среды.

5.2. Анализ особенностей социальной идентичности в различных социокультурных условиях

В этом параграфе на основе кросскультурного сравнения идентификационных характеристик испытуемых России, Польши и Голландии проводится исследование трансформации идентичности под влиянием различных социокультурных условий. В качестве испытуемых были студенты одинаковых факультетов и одной возрастной группы.

Сравнение идентификационных характеристик людей из стран, находящихся на различных уровнях развития демократического общества, в целом соответствует современной традиции кросс-культурных исследований самосознания [4,5].

При этом нас интересовали отличительные признаки социо-культурных условий (стабильное -нестабильное общество и коллективная – индивидуальная культура), а также общие особенности самоидентификации, которые проявляются независимо от социальных условий. Выше уже было отмечено, что под влиянием процессов интеграции и глобализации, развития

информационных технологий, идентичность современного человека независимо от его местожительства меняет свои характеристики. Если раньше она достаточно строго относилась как к людям, так и вещам, то теперь и те и другие потеряли свою определенность, поэтому символические внешние атрибуты идентичности и орудия для идентификации стали соответственно не такими цельными и стабильными [410]. Это создает проблемы для операционализации самого понятия идентичность, а также подбора адекватных методик для ее изучения.

Несмотря на это наблюдается стремление психологов выявить какие-то традиционные параметры, которые сопровождают процесс идентификации, обеспечивая стойкое чувство идентичности [276]. Основное значение при этом отводится кросскультурным, сравнительным исследованиям идентичности.

В зарубежной психологии сравнительные исследования идентичности проводились в основном для анализа соотношения личностной и социальной идентичности. Например, исследования Н. Элемерс и П. Млиски [363], Г. Маркуса и С. Китаяма [418]. В отечественной психологии развиваются новые подходы к изучению идентичности на основе кросс-культурного анализа [145, 241, 244].

В нашем исследовании использовался тест "Двадцать утверждений" (Kuhn, McPartland), о котором шла речь при описании предыдущей части исследования. Выборку исследования составили студенты педагогических вузов: 177 российских, 88 польских, 30 голландских.

Данные о структуре идентичности, полученные с помощью теста, подкреплялись другими методиками, такими, как наблюдение, выборочное интервью и беседа со студентами. Также принималось во внимание и среднее время ответов в разных группах студентов.

Поскольку испытуемыми были студенты педагогических вузов, в ходе проведения этой части исследования мы организовывали дискуссии со студентами о важности самоопределения и самопознания для реализации задач обучения и развития. Наблюдению подлежали эмоциональные реакции студентов, степень их готовности включиться в дискуссию, легкость участия, признаки наличия интереса к поставленным вопросам. Выборочные беседы и интервью со студентами помогали выявить их мнение о специфических трудностях выполнения тестового задания и о проблемах самоопределения студентов в разных странах. Оказалось, что голландским студентам было гораздо легче, чем польским и российским отвечать на вопросы и дискутировать о своем месте в социуме. Сложнее всех это задание восприняли русские студенты, что сказалось и на ходе беседы, дискуссии, и на времени ответов. Если голландцы в среднем затрачивали около 15 – 20 минут на заполнение теста, поляки – 25 – 30, то у русских время колебалось от 25 до 50 минут. Наши студенты отмечали, что они очень редко задумывались над поставленным вопросом, что он труден и требует серьезного осмысления.

Результаты показали (табл. 18), что у россиян и поляков в отличие от голландцев выше показатели персонального Я, уровень семейной идентичности, локальная идентичность, глобальное Я, субъективное описание внешности.

Таблица 18

Идентификационные характеристики российских, польских
и голландских выборах

Показатели	Выраженность в %		
	Россия	Польша	Голландия
Личностные самоидентификации	29,8%	28,7%	20,0%
Статусные, ролевые позиции	14,5%	14,4%	11,3%
Семейная идентичность	10,8%	13,1%	2,0%
Этническая идентичность	0,6%	4,6%	2,0%
Поло-ролевая идентичность	2,9%	6,2%	2,0%
Локальная идентичность	4,6%	4,1%	1,0%
Религиозная идентичность	0,3%	1,6%	1,7%
Гражданская идентичность	0,8%	0,9%	3,0%
Круг друзей	0,6%	0,3%	2,3%
Субъект деятельности	10,2%	3,4%	6,7%
Субъект общения	3,3%	1,4%	7,0%
Перспектива деятельности	1,4%	0,2%	3,7%
Перспектива общения	1,5%	1,4%	2,0%
Самооценка деятельности	0,6%	0,4%	5,7%
Самооценка социальных навыков	3,8%	1,7%	4,7%
Субъективные физические данные	4,7%	3,4%	1,0%
Фактические физические данные	1,7%	3,6%	10,0%
Переживаемое состояние	3,1%	3,2%	8,3%
Собственник	0,1%	0,3%	4,3%
Экзистенциальная идентичность	5,1%	7,1%	1,3%

Голландцы по сравнению с русскими и поляками отличаются большей выраженностью показателей: деятельностное Я, физическое Я, материальное Я. Кроме того, у них выше показатель автономии (значимость различий проверялась по критерию Фишера, при $P=0,05$). Физическое Я голландцев включает в себя больше данных о возрасте, что говорит о более точной самоопределенности внутри поколений. Также наблюдается разница в

содержании негативных характеристик, которые у голландцев связаны не с критическим отношением к себе лично, что наблюдается в группе поляков и русских (например, я плохой, ленивый), а с более конкретными признаками (например, я плохо справляюсь с задачей).

В идентичности русских и поляков большее место занимают характеристики, связанные с близким социальным окружением, а также личностными качествами ($P=0,05$). Поляки значительно в большей степени ориентированы на этнические признаки. Если сопоставить результаты нашего исследования с изучением идентификационных характеристик польских и голландских студентов, в котором было выявлено преобладание негативного отношения к себе в польской группе [363], то можно сделать вывод об определенных трудностях в преодолении поляками кризиса идентичности. У них больше, чем в голландской группе выражена тенденция к этнической изоляции и в то же время проявляется неудовлетворенность своими национально-культурными качествами.

Результаты проверки данных по критерию Фишера показывают, что у представителей наиболее "западной" группы – голландцев значимо более выражены такие идентификационные характеристики, которые связаны с деятельностью, собственностью и оценкой своей готовности к будущей деятельности ($P=0,05$). Вполне возможно, что это своеобразный комплекс качеств, который обеспечивает применение своих способностей и подготовку себя к деятельности в демократических социальных условиях. Российские и польские студенты демонстрируют идентичность, связанную в основном, с их непосредственным окружением. Также они чаще дают неопределенные и временные характеристики ("Я не знаю, кто я" "Иногда я веселый"), их идентичность является более размытой и неопределенной.

В целом модель идентичности голландцев мы назвали "прагматической", а русских и поляков – "лично- экзистенциональной".

Можно сказать, что социальные условия влияют на идентификационные характеристики. Человеку в условиях кризиса идентичности трудно найти свое место в широком социальном окружении, поэтому сфера определенности Я концентрируется по отношению к тем социальным структурам, которые ближе, понятней, доступнее для взаимодействия, как, например, семья, близкий круг друзей или коллег. Кросскультурное исследование подтвердило влияние социально-экономических условий на идентичность. Как писал В.А. Ядов, в идентичности находят отражение определенные социальные интересы, что связано в конечном итоге с механизмом становления гражданского общества, основанного на определенных социально-экономических канонах [296]. В данном случае в голландской группе проявились в большей степени характеристики идентичности, близкие к тому идеалу западного общества, который предполагает деятельность, саморазвитие, умение зарабатывать и заботиться о себе. В группе российских и польских испытуемых наблюдается противоречивый набор идентификационных характеристик: с одной стороны, есть ощущение себя как деятеля, но, с другой стороны, еще слабо развит элемент критического отношения к себе, оценки уровня собственных способностей и материального эквивалента своего труда.

Сочетание этой и предыдущей серии исследования позволяет сказать, что восприятие человеком реальных социальных изменений, социокультурных и экономических условий является важным фактором трансформирования социальной идентичности. Направление изменений идентичности связано с актуализацией "базисного" и "индивидуально-личностного" компонентов. У многих людей профессионально-деловые компоненты на время отходят на второй план, что означает преобладание мотивации самозащиты по сравнению с мотивацией саморазвития. В то же время условия выживания в

демократическом обществе на примере голландской группы показывают роль деятельностных компонентов в структуре идентичности.

Результаты позволяют уточнить роль индивидуально-личностного компонента. Похоже, что именно этот элемент идентичности является ведущим в условиях социальной нестабильности. Именно в нем сосредоточены опыт, знания себя, смысловые элементы Я. Он представляет собой активно-личностное ядро идентичности, обеспечивающее адаптивность в условиях перемен.

Сравнительное исследование показало, что определение себя в условиях кризиса идентичности – противоречивый и сложный процесс, который требует своего осмысления. В настоящий момент в идентификационных характеристиках российских испытуемых наблюдается усиление базового компонента идентичности, поскольку преобладает мотивация самозащиты. В более "западной" группе наблюдается большая доля профессионально-деловой идентичности.

На основе данных, полученных в результате сравнительного сравнения идентичности, также подтверждается вывод о наличии трех основных компонентов в структуре идентичности, включающих в себя когнитивные, мотивационные и ценностно-смысловые составляющие. Когнитивными характеристиками социальной идентичности являются знание группового членства, стереотипические представления, стилевые особенности. Мотивационные характеристики связаны с наиболее выраженной мотивацией, которая актуализируется под влиянием различных социально-экономических условий. Смысловые характеристики обуславливают направленность всей идентификационной системы, определяют ее основное значение для человека, его смысл жизни.

То, что в условиях кризиса в первое время преобладает базисный компонент, а два других появляются позже и обуславливают более

эффективную адаптацию, говорит о возможном иерархическом строении идентичности. Базисный компонент находится в основе иерархической структуры, профессионально-деловой – на вершине. Сложную позицию занимает индивидуально-личностный компонент. С одной стороны, он надстраивается над базисным. Это хорошо видно на примере трансформации идентичности у мигрантов. На первых стадиях адаптации у них хорошо видна зависимость рефлексивного Я от контекста семейных и других близких отношений. В то же время по мере трансформации идентичности и выхода на передний план профессионально-делового компонента снова становятся актуальными представления о нормативной стороне взаимодействия, культурных традициях, ценностях, что говорит об усилении индивидуально-личностного компонента. Видимо, в этом проявляется недизъюнктивность психических функций, а также "открытость" и подвижность выявленной нами структуры. Функциональные блоки находятся в соподчинении, но характер этой соподчиненности может меняться, хотя вероятнее всего возможности этих изменений достаточно ограничены.

Выводы

Проведенный анализ позволяет сказать, что в условиях кризиса идентичности, особенно в ситуации более сложной адаптации, проявляется стремление к идентификации себя со своим этносом, семьей, близкой группой друзей. Появляется тенденция отделить себя от других, через выработку определенных общих элементов самосознания, объединяющих представителей "своей" группы. Негативный образ "чужой" группы является следствием процесса дифференциации и проявлением межгруппового фаворитизма. Наличие негативных самоидентификаций у опрошенных подчеркивает сложность процесса принятия себя в новой социальной роли, а также стремление к поиску новых представлений о себе в условиях кризиса социальной идентичности, связанного как с изменениями, которые

происходят в обществе (мигранты), так и со сменой собственной ролевой позиции (студенты). Это подтверждает значимость исследования трансформации идентификационных структур [244].

Необходимой составляющей процесса трансформации социальной идентичности является осознание отличия своих качеств, связанных с принадлежностью к определенному сообществу, от качеств, связанных с принадлежностью к другим сообществам.

Полученные данные показывают, что под влиянием резких социальных изменений происходит понижение актуальности одних видов идентификационных характеристик и повышение значимости других. Человек стремится выжить в новых социальных условиях и поэтому определяет себя членом тех групп, где эта потребность удовлетворяется максимальным образом. Люди, которые находятся в более сложных адаптационных условиях (например, мигранты), острее чувствуют свою принадлежность к наиболее близкой группе (семья, друзья). Они больше нуждаются в поддержке со стороны друзей и близких, в опоре на нормы и принципы семейной и этнической группы. Их поведение и оценка происходящих событий соответствуют выявленной самоидентификации. Например, мигранты стараются поддерживать тесные связи со своим сообществом, помогать в продвижение "своих", оценивают события и новых людей с позиции близости своему сообществу. У них низкая идентификация себя с другими представителями местного сообщества.

Более успешная самореализация в изменившейся социальной реальности связана с наличием профессионально-деловой идентичности, выраженными ролевыми и социальными позициями, позитивным отношением к себе.

Все это позволяет сделать вывод о том, что в ситуации кризиса идентичности при сравнении своей и чужой группы на первый план выступают критерии, близкие к тем видам идентичности, которые мы

отнесли к "базисным", а не "профессионально-деловым", что свидетельствует о роли отдельных компонентов социальной идентичности в процессе адаптации к новым социально-экономическим условиям.

В условиях кризиса идентичности, особенно в ситуации более сложной адаптации, проявляется стремление к идентификации себя со своими этносом, семьей, близкой группой друзей, что отчасти соответствует данным зарубежных исследований: усиление рефлексивного Я [515], тенденция к узкой локализации идентичности [447, 468].

Эмпирически доказано, что в ситуации кризиса идентичности происходит трансформация идентификационных структур как через концентрацию на семейной, этнической или религиозной идентичности, так и через конструирование новых, более широких представлений о себе как о человеке мира, разумном существе. Это подтверждает наш вывод о том, что основные компоненты идентичности взаимосвязаны с определенными мотивационными и ценностно-смысловыми особенностями личности. В условиях кризиса происходит изменение не только структуры социальной идентичности, но и ведущей мотивации. Если преобладает мотивация защиты, то на первый план выступает базовый компонент, при выраженной мотивации развития преобладает "профессионально-деловой" компонент идентичности.

Реакцией на кризис является актуализация мотивации самозащиты и усиление "базисного" функционального блока идентичности. Человек цепляется за самые надежные связи, свои корни в водовороте событий. Для продвижения вперед и выхода из кризиса ему необходимо конструирование новой идентичности, основанной на умении что-то делать. Необходима выраженность "профессионально-делового" блока идентичности, который связан с тенденциями саморазвития, восприятием общности между собой и

другими, что способствует поиску направления саморазвития в новой ситуации, приданию целенаправленности идентификационной системе.

В этом смысле "профессионально-деловой" функциональный блок идентичности обеспечивает развитие, движение вперед. Он связан с мотивацией саморазвития. Можно сказать, что для преодоления кризиса, продвижения вперед, использования в полной мере новых возможностей, которые возникают в ситуации резких социальных перемен, человеку необходим явно выраженный профессионально-деловой компонент идентичности, который выступает опорой адаптации и выживания. Это хорошо согласуется с данными других исследований. Как было показано в исследовании адаптации мигрантов В.В. Гриценко, хорошо адаптируются к новым социально-экономическим условиям те переселенцы, которые имеют выраженную потребность в самоактуализации [63, 64]. Автор показала, что успешному преодолению кризиса социальной идентичности мигрантам помогает идентификация со своим этносом, сохранение позитивного отношения к представителям своей социокультурной общности, а также такие стороны самоактуализации, как увлеченность профессиональным делом, относительная автономность, принятие себя и других. При этом, автор подчеркивает, что высокая степень удовлетворенности профессиональной деятельностью переселенцев тесно связана с интегративной тенденцией адаптации [64]. Все это позволяет сказать, что одним из существенных условий эффективного выхода из кризиса является "профессионально-деловая" идентичность.

В социальной нестабильности и в различных социокультурных условиях проявляются все три выявленных нами функциональных блока социальной идентичности, которые включают в себя комплекс когнитивных, мотивационных и ценностных характеристик. Все вместе они позволяют реализовать основные функции социальной идентичности. В определенных

социальных условиях наблюдается преобладание некоторых мотивов, что приводит к переструктурированию структуры идентичности в целом.

Под влиянием кризиса социальной идентичности происходит трансформация сложившейся структуры. На первых этапах адаптации большую роль играет базисный компонент. Он определяет границу "Мы и Они", которая хоть и является очень гибкой, подвергаясь постоянным изменениям, тем не менее способствует сохранению общности. Этим самым он способствует самосохранению.

"Индивидуально-личностный" блок, в структуре которого находится мотивация самоуважения, а также чувство причастности к культурным нормам и традициям, является фоновой, ее трансформация имеет качественный характер (происходит смена системы оценок, круга общения, критериев и направленности взаимодействия и т.п.). Возможно, что в общей системе идентичности этот блок выполняет функцию фильтрации, проверки надежности смысловых связей. Это необходимый компонент адаптации к изменяющимся социальным условиям, который способствует сохранению смысла, экзистенциального единства личности, прогнозирования последствий идентификации.

Исследование позволяет выделить ряд признаков успешного преодоления кризиса идентичности: гармоничное сочетание в идентификационной структуре компонентов базовой, индивидуально-личностной и профессионально-деловой идентичности; выраженность стремления к саморазвитию; удовлетворенность собой; позитивное отношение к представителям других этнических, профессиональных, культурных групп.

Таким образом, в структуре идентичности человека наблюдаются все три функциональных блока. Это позволяет обеспечивать успешную адаптацию к изменяющимся социальным условиям. Они находятся в динамичном и более или менее уравновешенном соотношении друг с другом, но под влиянием

определенной мотивации происходит актуализация того или иного компонента по отношению к другим. Функциональность блока обусловлена прежде всего когнитивными характеристиками, которые лежат в основе идентификационной структуры и в соотношении с определенными мотивами и ценностями определяют реализацию функций идентичности.

Анализ изменений в структуре социальной идентичности под влиянием различных социокультурных условий подтверждают нашу гипотезу о том, что социальная идентичность образуется комплексом компонентов, в структуре которого индивидуальные представления о групповом членстве имеют специфическую связь с мотивационными и смысловыми характеристиками личности.

Глава 6. Эмпирическое исследование трансформации социальной идентичности в процессе обучения

В данной главе проводится анализ изменения социальной идентичности в процессе профессионального становления будущих педагогов. На основе этого анализа выявляется роль функциональных компонентов социальной идентичности в адаптации к процессу обучения и определению своего места в профессиональном сообществе, выделяются основные этапы и факторы становления профессиональной идентичности в вузе.

Проверяется гипотеза о том, что трансформация социальной идентичности у студентов находит отражение в усвоении ими новых требований общества и ценностей образования, адекватных этим требованиям. Поэтому подготовка педагогов современного уровня должна строиться с учетом задачи формирования социальной идентичности, адекватной новым социально-экономическим условиям.

6.1. Становление социальной идентичности в студенческий период

Проблема становления социальной идентичности в период студенчества является очень слабо проработанной. В последнее время на основе сочетания психолого-педагогического, социально-психологического и деятельностного подходов к исследованию процесса профессионального самоопределения наблюдается повышение интереса и к проблеме профессиональной идентичности [11, 41, 42, 80, 81, 91, 136, 137, 191, 205, 288, 299, 300]. Среди работ в этом направлении можно отметить исследование Ю.П. Поваренкова, в котором он показывает сложную динамику и соотношение социальных и индивидуальных профессиональных идеалов на протяжении пяти лет обучения в вузе. Это свидетельствует о наличии некоторых ключевых

периодов в принятии себя в качестве члена университетского сообщества [205]. В психолого-педагогическом исследовании Л.В. Заниной показано, что назрела необходимость изучения идентификационных структур студентам для совершенствования подготовки специалистов высшей школы [87].

По мнению многих авторов, в студенческом возрасте уже сформированы основные идентификационные характеристики, выражающие принадлежность к полу, социальной группе, этнической группе и другим [235, 244, 202, 261]. Период, когда человек стремится занять определенное место в жизни, в обществе, в отношениях со взрослыми, а также оценить самого себя в системе "Я – общество" приходится, по мнению исследователей, на старший подростковый возраст [261]. В то же время именно в студенческом возрасте человек проходит первый этап профессионализации [116, 134, 170, 171, 205], поэтому необходимо исследовать идентичность в этот период.

Изучение социальной идентичности проводится нами в контексте задач совершенствования подготовки специалистов в высшей школе в соответствии с приоритетами образования в демократическом, гражданском обществе, которые соответствуют современным общественным условиям. Эти условия постепенно создаются в нашей стране и требуют осознания и адаптации к ним. Проблематика социальной идентичности имеет большое значение для изучения барьеров в самосознании, которые мешают людям понимать и анализировать новые реалии жизни в соответствии с ценностными приоритетами развитых демократических стран [75].

Этапы трансформации социальной идентичности выделяются нами на основе эмпирических данных, а также исследований социальной идентичности, которые были представлены в предыдущих главах.

При организации исследования мы опирались на тезис ТСИ согласно, которому социальная идентичность конструируется в ходе социального

сравнения [490]. В процессе сравнения человек должен решить для себя следующие задачи: определить референтную группу для сравнения и определить критерии, по которым он будет проводить сравнение.

Кроме того, мы учитывали, что важнейшую роль в становлении социальной идентичности играет активная ориентировка человека в системе социальных ролей, отношений, ценностей, норм [22, 23, 244]. От характера и результата этой ориентировочной деятельности зависят отношения человека к своей и чужой группе, уровень расширения или сужения собственного группового членства, стратегии поддержания позитивного группового членства. Обучение в вузе может давать разные возможности для такой ориентировки.

В нашем исследовании мы опирались также на идеи В.С. Агеева, который делает анализ идентичности с позиции теории деятельности, разработанной в школе А.Н. Леонтьева. Он считает ошибочной интерпретацию процессов, происходящих в группе, которую делают авторы ТСИ, поскольку идентификация возникает в ответ на определенную структуру межгрупповой деятельности, а не на процесс категориального деления на "своих и чужих" [7,8]. Можно развить эту мысль в том смысле, что идентификация возникает не только под влиянием реально осуществляемой деятельности в момент эксперимента, но и под влиянием восприятия сходства профессионального пространства, а также его включенности в более широкую социальную среду, без учета которой невозможно комплексное решение задач профессиональной деятельности. В таком случае косвенным показателем идентичности (а также и ее следствием) будет восприимчивость к ценностям и нормам профессионального сообщества, несмотря на географические, политические и другие барьеры.

Профессионализация педагога рассматривается нами в двух взаимосвязанных аспектах: студенческом (профессиональная подготовка) и педагогическом (профессиональная среда).

Наш исследовательский интерес выражался в изучении направления трансформации социальной идентичности у студентов в переходном обществе. Студенты относятся к возрастной категории, которой несколько легче адаптироваться к требованиям новой жизни, поскольку стереотипы прошлого, еще сильно влияющие на поведение и мышление представителей среднего и старшего поколения, не имеют такой личностной выраженности у молодежи. Более того, по данным психологических исследований и социологических опросов, все больше молодежи готовы к принятию новых ценностей и образцов поведения [70, 74, 84, 100, 129]. Тем не менее переживаемый нами период времени на случайно определяется переходным, поскольку происходит смешение ценностей, стереотипов, норм и других регуляторов социального поведения. В исследовании Т.Г. Стефаненко показано, что в ситуации нестабильности меняется содержание социальных стереотипов [244]. В этом исследовании проверялась идея А. Тэшфела о более позитивном автостереотипе и негативном гетеростереотипе. На примере сопоставления данных, полученных на испытуемых России и Финляндии, автор показала, что действительно это имеет место, когда автостереотип соотносится с ситуацией социальной нестабильности (Россия), а гетеростереотип – с ситуацией социальной стабильности (Финляндия).

Социальная идентичность постоянно уточняется, она конструируется под влиянием различных обстоятельств. Поэтому в рамках нашего исследования мы прослеживаем значение и роль признаков, которые человек использует в процессе конструирования идентичности и которые меняются в зависимости от особенностей социального и исторического контекста. Для этого важно знать основные идентифицирующие признаки, благодаря которым

определяется принадлежность к своей группе и выделяется круг своих и чужих, а также взаимоотношения между ними. В социальной психологии исследование таких признаков проводилось преимущественно на примере формирования этнической идентичности. Так, в работах Т.Г. Стефаненко, Г.У. Солдатовой было показано, что осознание себя членом группы предполагает представления об основных психологических особенностях этой группы и о себе как носителе этих черт (данные получены на примере исследований этнической идентичности). Эти представления выступают в форме специфических образований – автостереотипов, которые формируются одновременно и находятся в тесной взаимосвязи с представлениями о других этнических общностях – гетеростереотипах [241, 244]. Они относятся к когнитивной составляющей идентичности [244].

Надо отметить, что для изучения стереотипов по отношению к разным этническим общностям существует достаточно много весьма оригинальных методик исследования, поскольку здесь весьма понятен предмет исследования. Но в плане изучения каких-то других видов социальной идентичности найти методики, адекватные поставленным задачам, представляется весьма трудным делом. Это связано с тем, что принадлежность ко многим социальным общностям не носит столь конкретного и стабильного характера, как принадлежность национальная. Например, профессиональная, семейная, гражданская идентичности, как правило, многократно меняются на протяжении жизни человека. Более того, они могут существовать во множественном виде, например, человек одновременно может являться учителем, менеджером, ученым и т.д.

В исследовании связи социальной идентичности со стереотипами мы исходили из того, что роль стереотипов в развитии групповых процессов, связанных с идентификацией, в формировании группового статуса, межгрупповых различий и дискриминации имеет большое значение для

понимания сущности и структуры социальной идентичности. В последнее время наблюдается усиление интереса к этой проблеме в социальной психологии [52, 144, 145, 161, 241, 244, 333].

Предметом эмпирического исследования явились:

а) характеристики компонентов социальной идентичности у студентов педагогических вузов (когнитивные, мотивационные, ценностно-смысловые);

б) факторы и этапы становления социальной идентичности у студентов педагогического вуза;

в) взаимосвязь характеристик социальной идентичности с особенностями восприятия студентами новых ценностей образования, а также требований к педагогу в соответствии с нормами мирового образовательного пространства.

Реализация задач, поставленных в данной части эмпирического исследования, проходила по следующим направлениям: а) выявление идентификационных характеристик студентов педагогических вузов; б) изучение этапов и факторов трансформации социальной идентичности в процессе обучения; в) анализ задач подготовки студентов с учетом ситуации кризиса социальной идентичности. В соответствии с последней задачей нас интересовал вопрос о том, могут ли характеристики социальной идентичности проявляться в специфике восприятия новых ценностей образования, а также требований к педагогу в соответствии с нормами мирового образовательного пространства.

Методы исследования:

Использовались методики, как уже представленные в предыдущей главе, так и новые: "Двадцать утверждений" (Kuhn, McPartland); "Ценностные ориентации" (М. Рокич); методика измерения мотивационной сферы личности, "Жизненные ценности" (Н.В. Ключева, В.И. Чирков); "Must –тест" (А. Эллис); опросник для выявления мотивации; методика на выявление

отношения к основным ценностям современного образования; "тест-самоотношения" (В.В. Столин, С.Р. Пантилеев), методика анализа стереотипов.

А. Тест "Двадцать утверждений".

На этом этапе проводился анализ идентификационных характеристик студентов (когнитивных, мотивационных, смысловых). В ходе пилотажного анализа выяснилось, что у многих студентов возникают проблемы при описании себя. Несмотря на динамическую социальную ситуацию, постоянно предъявляющую требования к людям в плане определения своего места в изменившейся социальной структуре, для многих студентов проблема самоидентификации остается сложной.

В данной серии с использованием методики "Двадцать утверждений" было опрошено 329 студентов разных курсов Ярославского педагогического университета (опрос проводился в 2000 – 2001 гг.).

Б. Методика выявления стереотипных представлений о другой группе.

При изучении стереотипов выделяется множество их параметров, но чаще всего эмпирическому исследованию подвергаются три "измерения": содержание, направленность как общее измерение благоприятности и степень благоприятности [240, 241]. Т.Г. Стефаненко рассматривает эти характеристики не как однопорядковые. Она считает, что главное в стереотипе – его когнитивное содержание, а направленность – это уже эмоциональная окрашенность того или иного содержания [244].

Мы опирались на тезис ТСИ, согласно которому социальная идентичность формируется в ходе социального сравнения. В процессе сравнения человек должен решить для себя следующие задачи: определить референтную группу для сравнения и определить критерии, по которым он будет проводить сравнение. В нашем исследовании в качестве группы для сравнения были выбраны студенты других стран. Проводилось сравнение тех признаков, по

которым испытуемые описывают себя, студентов своей страны и других стран. Кроме того, проводилось сравнение статусных характеристик будущей профессии педагога по сравнению с другими профессиями. В качестве статусной характеристики рассматривался престиж профессии.

Применяя методику, мы исходили из данных предварительного пилотажного исследования, в котором студенты (было опрошено 46 студентов) отвечали на вопрос: "Назовите своих и чужих для вас людей". Любопытно отметить, что многие ответы касались территориальной принадлежности, например, "свои – это жители Ярославля, чужие – это жители других регионов". Среди этих ответов некоторые были связаны с отношением к людям из других стран, например: "русские – свои, а вот поляки – чужие". Поскольку практической целью нашего исследования является формирование более широкой идентичности, обеспечивающей более адекватное поведение в поликультурном пространстве и принятие современных ценностей образования, мы решили уделить проблеме стереотипов и субъективного смысла восприятия зарубежных коллег большее внимание.

Выявление стереотипных представлений студентов осуществлялось в несколько этапов:

На первом этапе 25 студентам предлагалось ответить в свободной форме на вопросы: "Какими качествами обладают польские студенты? Какими качествами обладают голландские студенты?" "Какими качествами обладают русские студенты?". Необходимо было назвать не менее 10 качеств в ответ на каждый вопрос.

Ответив на вопросы, студенты должны были подумать, какие из названных качеств они считают положительными, отрицательными или нейтральными и обозначить эти качества соответственно символами плюс, минус и ноль.

В результате по каждой национальной группе выявлялись по 30 наиболее часто употребляемых слов и определялась их эмоциональная оценка путем подсчета количества плюсов, минусов и нолей. После этого производился анализ самих качеств, а также выявлялось отношение русских студентов к самим себе и коллегам из двух других стран. Затем эти качества сопоставлялись между собой в 3 группах, и на основе этого производился анализ сходства и различия восприятия себя и других.

На следующем этапе экспериментатор составил полный список названных качеств и выбрал из него 10 положительных, 10 нейтральных и 10 отрицательных качеств, которые назывались наиболее часто (например, русские студенты: гостеприимные, добрые – положительные качества, неаккуратные, ленивые – отрицательные качества).

Этот список, включающий в себя 30 характеристик, был предъявлен основной группе испытуемых, чтобы они выбрали из него по 10 наиболее типичных характеристик русских, польских и голландских студентов (характеристики могли дублироваться), а также оценили эти качества.

В результате подсчитывалось общее количество положительных, отрицательных и нейтральных качеств, проводилось сравнение позитивных и негативных ответов относительно каждой национальной группы, устанавливалось соотношение количества позитивных ответов по отношению к своей группе. Положительным и отрицательным ответам присваивалось 2 балла, нейтральным – 1 балл. Далее подсчитывались индивидуальный и групповой коэффициенты отношения (КО). Максимальный показатель КО свидетельствует о более высокой выраженности позитивного отношения.

В. Методика на выявление отношения к основным ценностям зарубежного образования.

Студентам предлагалось оценить характеристики образования, в которых заключаются следующие смысловые компоненты: свобода, открытость,

доступность образования; достижение успеха; поддержание основных социальных ролей; поддержание конструктивного образа жизни; подготовка молодежи к активной жизнедеятельности; развитие нравственных основ общества; укрепление национальной культуры; развитие многонациональных сообществ; понимание и решение глобальных проблем человечества; повышение качества образования.

Инструкция испытуемым включала в себя задание на ранжирование перечисленных в опроснике ценностей в порядке их значимости для нашего образования по мнению испытуемого. Кроме того, студенты должны были выразить свое личное отношение к перечисленным ценностям, отметив знаком (+) те ценности, которые им нравятся, вызывают у них симпатию, и знаком (–) те ценности, которые они лично считают чуждыми или несвоевременными для нашего общества и которые им не нравятся.

Г. Тест-опросник самооотношения (В.В. Столин, С.Р. Пантелеев). Тест-опросник построен в соответствии с разработанной В.В. Столиным моделью структуры самооотношения [193].

Опросник включает в себя 57 утверждений, с которыми может согласиться или нет испытуемый. Ответы интерпретируются в соответствии со следующими шкалами: интегральное чувство "за" или "против" собственного Я испытуемого, самоуважение, аутосимпатия, ожидание положительного отношения от других, самоинтерес. Опросник содержит также семь шкал направленных на измерение выраженности установки на те или иные внутренние действия в адрес Я испытуемого: самоуверенность, отношение других, самопринятие, саморуководство, самообвинение, самоинтерес, самопонимание.

Результаты:

1. Характеристики социальной идентичности студентов.

Таблица 19

Средние значения показателей идентичности
у студентов педагогического вуза

Показатели	%
Личностные самоидентификации	3,76
Статусные, ролевые позиции	2,17
Семейная идентичность	2,14
Этническая идентичность	0,56
Поло-ролевая идентичность	0,68
Локальная идентичность	0,72
Религиозная идентичность	0,28
Гражданская идентичность	0,69
Круг друзей	0,91
Субъект деятельности	1,25
Субъект общения	1,41
Перспектива деятельности	0,62
Перспектива общения	0,37
Самооценка деятельности	0,83
Самооценка социальных навыков	0,70
Субъективные физические данные	0,55
Фактические физические данные	0,64
Переживаемое состояние	0,37
Собственник	0,27
Экзистенциальная идентичность	1,13

У студентов в целом по выборке преобладают показатели персональной идентичности, выраженности ролевых и статусных позиций, восприятие себя членом семьи. Это соответствует выявленным в предыдущей главе показателей идентичности.

В группе студентов анализировалась также субъективная принадлежность к конкретным социальным общностям, в которые включается человек по мере профессионализации (школьник, студент, педагог, воспитатель и др.). Проводилось сравнение идентичности в целом по выборке, а также у студентов: городских и сельских, отлично и плохо успевающих в учебе.

Результаты показали, что студенты ощущают себя представителями различных общностей, основными из которых оказались: бывший школьник, студент, будущий педагог, педагог (77,6%). Кроме них отмечают: ученый, практикант, лаборант, работник фирмы, вожатый и ряд других, но доля этих ответов небольшая (22,4%).

Показатели участия в деятельности несколько выше, чем в общении. Возможно, что это связано со спецификой подготовки педагогов, поскольку студенты получают преимущественно когнитивное, а не социальное развитие.

2. Анализ атрибутивных характеристик социальной идентичности.

Анализ авто- и гетеростереотипов по отношению к студентам из других стран (Голландия и Польша) позволил выявить следующие особенности восприятия "своих и чужих" студентов (таб. 20).

Таблица 20

Стереотипы студентов

Объекты сравнения / Стереотипы			
Русский	Студент	Поляк	Голландец
Красивый +	Умный +	Доброжелат.+	Самостоят.+
Добрый +	Веселый +	Высокомерный -	Умный +
Веселый +	Адаптивный +	Любит Родину +	Трудолюбивый 0
Умный +	Терпеливый +	Светлый 0	Предприимчив.+
Эмоц.0	Общительный +	Веселый +	Любит сыр 0
Общительный +	Самостоят.+	Станный 0	Чтит традиции +
Неряшливый -	Дружелюбный +	Скрытный -	Богатый +
Умный +	Способный +	Воспитанный +	Семейный +
Честный +	Трудолюбивый +	Вредный -	Способный +
Бескорыстный +	Целеустремленный	Некрасивый -	Красивый +

На основе сравнения стереотипов в группах, которые условно были названы нами как "студент" и "национальный студент", было выявлено, что "студент" обладает набором только позитивных и нейтральных качеств, связанных с учебной деятельностью (70%) и общением (30%). "Национальный студент" вызывает более оценочное отношение, ему приписываются позитивные, негативные и нейтральные качества. Качества, связанные с учебной деятельностью, отходят на второй план (0,1–0,2%). Появляются описания внешности, привычек, традиций, предпочтений, соответствующих стереотипическому представлению о национальных группах. Кроме того, меняется модальность качества в зависимости от того отношения, которое существует к оцениваемой группе.

При сопоставлении стереотипов по отношению к студентам разных стран больше преобладает тенденция к поиску различий, чем сходств. Происходит поляризация признаков, появляются позитивные, негативные и нейтральные ответы. Как известно, задача сравнения решается легче, когда субъект обладает знанием сравниваемой группы. В нашем случае сравнение проводилось в условиях дефицита информации и позволило выявить типичные обывательские стереотипы. Студенту приписываются качества не профессиональные, а культурно-этнические.

Позитивное отношение к чужой группе сопровождается и более объективной оценкой изучаемого параметра (в данном случае профессиональных качеств). Подтверждается вывод Дж. Тернера о том, что категоризация всегда происходит в рамках социального контекста. В зависимости от позитивного или негативного контекста отношений меняется результат сравнения. Явление внутригруппового фаворитизма, о котором свидетельствует большее количество положительных характеристик, приписываемых своей национальной группе, очевидно, основано на различиях в большей степени межэтнических, чем собственно профессиональных.

Все это позволяет сделать вывод о том, что в ситуации кризиса идентичности при сравнении своей и чужой группы на первый план выступают критерии, близкие к тем видам идентичности, которые мы отнесли к этническим и узко-локализованным, что свидетельствует об актуализации "базисного" функционального блока, а также о влиянии социальной среды на идентичность. Полученные данные дополняют представления о когнитивном компоненте идентичности. Они показывают, что становление профессиональной идентичности может находиться в противоречии с определенными социокультурными влияниями, которые могут

мешать обретению профессионального пространства, необходимого для эффективной профессионализации.

Этапы становления социальной идентичности в вузе

Нами было выявлено, что процесс трансформации идентификационных структур студентов в ходе обучения не является монотонным и поступательным. Он имеет периоды пиков (скачков) и периоды накопления информации.

Опираясь на результаты эмпирического исследования, анализируются изменения социальной идентичности в связи с ценностно-смысловыми и мотивационными особенностями студентов с первого по пятый курс обучения в педагогическом вузе.

Было опрошено 319 студентов, из них: 50 – 1 курса, 48 – 2 курса, 48 – 3 курса, 42 – 4 курса, 41 – 5 курса.

Результаты показывают, что наблюдаются изменения в социальной идентичности на протяжении пяти лет обучения.

Таблица 21

Показатели идентичности у студентов разных курсов

Показатели	Выраженность				
	1	2	3	4	5
Личностные самоидентификации	21,5%	20,5%	17,0%	19,0%	15,5%
Статусные, ролевые позиции	9,0%	10,0%	12,5%	10,0%	13,0%
Семейная идентичность	12,5%	13,5%	9,5%	9,5%	9,0%
Этническая идентичность	4,0%	4,0%	2,0%	2,5%	1,5%
Поло-ролевая идентичность	4,5%	4,0%	2,5%	3,0%	3,0%
Локальная идентичность	4,5%	4,5%	2,5%	3,0%	2,5%
Религиозная идентичность	1,5%	1,5%	1,5%	1,5%	1,0%
Гражданская идентичность	2,0%	2,5%	4,0%	4,5%	4,5%
Круг друзей	4,5%	4,5%	4,5%	4,5%	4,5%
Субъект деятельности	3,5%	4,5%	7,0%	8,0%	8,0%
Субъект общения	6,5%	7,0%	7,0%	6,5%	7,0%
Перспектива деятельности	2,5%	2,5%	5,0%	2,5%	3,0%
Перспектива общения	1,0%	1,5%	2,5%	2,5%	2,0%
Самооценка деятельности	3,5%	1,5%	4,5%	4,5%	7,0%
Самооценка социальных навыков	1,5%	2,5%	4,5%	4,0%	5,0%
Субъективные физические данные	3,5%	3,0%	2,0%	3,0%	2,0%
Фактические физические данные	3,5%	3,0%	3,5%	3,0%	3,5%
Переживаемое состояние	2,5%	1,5%	2,0%	1,5%	2,0%
Собственник	2,0%	1,5%	1,0%	1,0%	1,0%
Экзистенциальная идентичность	6,0%	6,5%	5,0%	6,0%	5,0%

Показатели личностной, профессионально-деловой, семейной и коммуникативной идентичности несколько выше остальных, а идентичность с религиозной группой низкая на всех курсах.

В динамике идентичности с первого по пятый курс можно отметить тенденцию к уменьшению этнической, локальной, религиозной идентичностей, а также к увеличению гражданской идентичности. Меняется доля физического и материального Я, показатели которых выше на первом курсе по сравнению с третьим и пятым. Наиболее значимо различаются в сторону увеличения с первого по пятый курс показатели: учебно-профессиональная позиции (3,6), деятельность (4,2), самооценка

деятельности (2,6), самооценка общения (2,4). В сторону уменьшения с первого по пятый курс значительно различаются показатели: личностная идентичность (5,3), семейная идентичность (3,8). Проверка различий между показателями идентичности по курсам проводилась по критерию Фишера ($P=0,05$).

Наиболее сильные изменения наблюдаются по отношению к восприятию своих профессионально-деловых качеств и перспектив: увеличивается количество ответов относительно самооценки деловых и коммуникативных качеств, пожеланий, связанных с деятельностью и общением. Студенты ощущают себя представителями различных общностей, основными из которых оказались: бывший школьник, студент, будущий педагог, педагог (77,6%). Кроме них отмечают: ученый, практикант, лаборант, работник фирмы, вожатый и ряд других, но доля этих ответов небольшая (22,4%).

На первом курсе в идентичности студентов еще сильно проявляется влияние прошлой школьной позиции, которое сильно уменьшается уже к третьему курсу. Студенческая идентичность укрепляется к третьему курсу и продолжает оставаться высокой до конца обучения. Но позиция "будущий педагог" максимально выражена на первом и пятом курсах, что, видимо, связано с обострением необходимости выбора перспектив в начале и конце обучения. На четвертом и пятом курсах значительно выше восприятие студентами себя в роли педагога. Интересно, что на младших курсах значительно больше разнообразных социально-ролевых позиций, которые уменьшаются к третьему курсу, что может говорить о стабилизации идентификационной структуры.

Было выявлено, что наиболее стабильной является идентичность студентов третьего курса. В этой группе наблюдаются высокий уровень самоидентификации с реальной группой (студент); концентрация идентификационных характеристик вокруг двух основных реальных групп

(студент и будущий педагог); расширение области субъективного пространства; снижение веса национальной и локальной идентичности. Менее стабильными оказались 1 и 4 курсы, что позволяет говорить о более кризисной ситуации в эти периоды, которая стимулирует идентификационные процессы.

Обращает на себя внимание тот факт, что с 1 по 5 курс происходит увеличение разброса характеристик, если на 1 курсе большинство ответов было сосредоточено в отношении личностных качеств, то к 5 курсу картина меняется – появляются ответы во многих других графах. Уменьшение количества личностных характеристик от 1 к 5 курсу являться следствием возрастания ориентации на деятельность. Об этом же можно судить и по возрастанию суммы ответов относительно самооценки способности к деятельности и общению.

Несколько увеличивается доля ответов, связанных с ролевой, социальной позицией. Особенно явно различие между первыми двумя курсами и двумя последними. Эта разница усиливается при более внимательном рассмотрении содержания социальных характеристик. На 1 курсе большинство ответов в этой группе касаются таких позиций, как студент, участник студенческой группы, студенческого совета и т.п. (82%), и лишь 18% ответов связаны с позицией будущего педагога. В то же время старшекурсники уже реже называют себя студентами (36%), а чаще педагогами, практикантами, социальными педагогами, учителями и т.п. (64%). Нам представляется очень важными именно эти данные, поскольку они показывают, что смена идентичности происходит не сразу – требуется определенное время. Первокурсники получают удовлетворение от восприятия себя студентами, а старшекурсники – от восприятия себя будущими педагогами. Это можно учитывать в практике подготовки студентов, подкрепляя и наполняя

различным содержанием студенческую идентичность на первых курсах и развивая представления о себе как о педагоге на старших курсах.

В связи с этими данными уместно вспомнить о работах в области динамики профессиональной идентичности [205], где показано, что студенты 1 – 3 курсов обладают прогностической (диффузной) идентичностью, поэтому профессиональная идентичность формируется лишь на основе прогнозирования своих реальных профессиональных возможностей в педагогической профессии в плане реализации потенциала индивида и удовлетворения его потребностей.

Разделяя этот вывод автора, мы можем добавить, что, видимо, профессиональное становление должно включать в себя период ученичества, который позволяет сосредоточиться на основных требованиях профессии и профессионального сообщества, а также на своих собственных возможностях.

На старших курсах появляется и больше ответов, в которых выражаются перспективные представления о себе, что отчасти подтверждает наши предыдущие выводы. Увеличивается доля ответов, связанных с широкой идентичностью типа: "Я – житель земли, человек".

Социальные процессы, происходящие в обществе, нашли свое отражение в представленных результатах. Бросается в глаза тот факт, что в ответах студентов младших курсов больший процент национальной и религиозной идентичности. В то же время выросли гражданская идентичность и восприятие себя собственником.

Некоторые показатели трудно соотнести с социальными или профессиональными моментами. Они касаются каких-то житейских проблем. Сравнение содержания ответов студентов разных курсов показало, что старшекурсники чаще пишут о переживаемом эмоциональном состоянии

более общего плана, например, "я – влюблен", я – огорчен", "я – счастливый человек", в то время как на младших курсах больше ответов относительно текущего состояния, например, "я – голодный человек", "я нервничаю" и т.п.

Логика развития профессиональной идентичности заключается в постепенном формировании студенческой идентичности на 1 и 2 курсах, которое получает максимальную выраженность на 3 курсе. На старших курсах усиливается место будущей профессиональной идентичности. Растет осознание своих профессионально важных качеств, перспектив и места в более широком профессиональном сообществе.

В этой серии исследования проводилось сравнение средних значений мотивации студентов разных курсов (табл. 22).

Таблица 22

Средние значения мотивации студентов первого – пятого курсов

Мотивы	Выраженность в %				
	1 курс	2 курс	3 курс	4 курс	5 курс
Самозащита	6,27	5,86	5,92	5,96	5,92
Жизнеобеспечения	5,33	4,98	4,82	5,04	5,38
Деловой успех	6,16	5,99	6,29	6,11	6,21
Общение	5,98	5,88	5,8	5,98	5,85
Познание	5,65	5,3	5,47	5,2	5,29
Взаимодействие	5,26	5,39	5,84	5,42	5,58
Уважение	6,43	5,97	6,17	6,13	6,25
Здоровье	5,87	5,83	5,7	5,74	5,63
Независимость	5,63	5,44	5,79	5,65	5,96
Творчество	5,12	5,14	5,01	5,08	4,93
Самореализация	6	6	6,25	6,04	6,17
Семья	6,27	6,05	6,02	6,21	5,96

Сравнение основных мотивов у студентов показало, что наблюдается близость по изучаемым параметрам 1 и 2 курсов и различия между 1, 3 и 5 курсами, что в целом соответствует исследованиям динамики мотивации в студенческом возрасте [205].

Сильных колебаний мотивации не было выявлено, поэтому можно говорить, что наблюдается тенденция роста учебной и профессиональной мотивации от 1 к 3 курсу, максимальную выраженность она получает на 3 и 5 курсах. Мотивация самосохранения и самозащиты более выражена у первокурсников, менее – у студентов 3 курса. В целом на 1 курсе отмечаются более высокий уровень стремления к самосохранению (забота о своем здоровье, самообслуживание, поддержание физической формы), забота о материальной стороне жизни, ценности общества, моральные и личностные качества.

Студенты 3 курса демонстрируют более высокие показатели мотивации профессионального роста, достижения автономии, а также ценности общения, взаимодействия с друзьями, успеха, развития своих способностей. У них меньше выражены ценности общества и мотивы самозащиты.

У студентов 4 курса по ряду показателей наблюдается близость ответов со студентами 1 курса: несколько повышаются мотивация самозащиты, роль моральных качеств, ценности семьи, что может свидетельствовать о проявлении кризиса социальной идентичности.

На 5 курсе выше показатели мотивации профессионального роста и проявления себя в профессиональной деятельности, стремление лидировать и влиять на людей, желание быть самостоятельным, автономным, в том числе и материально, ценности успеха и профессионального роста, демократии и законности в обществе.

Сравнение отношения к ценностям современного образования показало, что на 5 курсе наиболее значимыми оказались ценности свободы демократии в образовании, достижения успеха, карьерного роста и подготовки молодежи к жизни, решения глобальных проблем и поддержания качества образования. На 1 курсе наиболее значимыми оказались ценности образования,

поддерживающие основные социальные роли и конструктивный образ жизни, национальной культуры (табл. 23).

Таблица 23

Средние значения отношения к ценностям образования студентов с
первого по пятый курс

Ценности образования	Выраженность в %				
	1 курс	2 курс	3 курс	4 курс	5 курс
Свобода	5,6	5,6	6,2	6,2	6,4
Достижение успеха	5,9	5,9	6,5	6,1	6,4
Социальные роли	6	5,9	5,5	5,8	5,5
Конструктивный образ жизни	6,2	6	5,6	6	5,7
Подготовка к жизни	5,7	5,5	6,1	5,9	6,3
Нравственные ценности	6,2	6,5	6,1	6,2	5,8
Национальной культуры	5,8	5,7	5,2	5,5	5
Многокультурных сообществ	5,9	5,8	5,5	5,8	5,3
Решение глобальных проблем	5,7	5,3	5,8	5,7	5,9
Качество образования	6,1	6,1	6,1	6,3	6,5

Анализ отношения к себе показал, что интегральное чувство принятия себя, аутосимпатия, максимально выражено на 3 и 5 курсах. Первокурсники демонстрируют ярко выраженный самоинтерес в сочетании с высоким уровнем самообвинения. К 5 курсу показатели принятия себя возрастают, а самообвинение падает. Но на 4 курсе наблюдается снижение аутосимпатии и повышение самообвинения по сравнению с 3 и 5 курсами (табл. 24).

Таблица 24

Средние значения самооотношения на разных курсах

Показатели самооотношения	Выраженность в %				
	1 курс	2 курс	3 курс	4 курс	5 курс
Интегральное самопринятие	82,6	83	92,9	86,4	92,6
Самоуважение	71,4	72,8	74,3	76,1	74,9
Аутосимпатия	39,2	48,5	75,7	51,5	72,2
Ожидание положит. отнош.	80,8	83,6	86,7	82,3	83,2
Самоинтерес	90,5	87,2	78,9	86,4	80,5
Самоуверенность	83,7	82,6	83,5	83,3	84,8
Отношение других	34,8	36,4	46,7	38,6	46
Самопринятие	56,3	55,8	72,8	58,9	73,6
Саморуководство	68,1	66,2	66	69,1	68,6
Самообвинение	69,5	62,7	30,7	63,3	36,9
Самоинтерес	87,6	85,7	81,6	89	83,8
Самопонимание	62,4	65,8	69,8	66,6	66,7

На основе полученных данных мы определяем следующие *критерии сформированности социальной идентичности*: когнитивный (осознанная самоидентификация, представления о групповых нормах и собственном соответствии групповым требованиям); эмоциональный (позитивное отношение к своему групповому членству, а также к представителям своей общности); смысловой (осознание ценностей группового членства, стремление им следовать и их развивать).

Результаты эмпирического исследования позволяют выделить три основных этапа формирования социальной идентичности в процессе обучения в вузе:

1 этап: период осмысления "приписной" идентичности – 1, 2 курсы, когда на основе вхождения в новую социальную и профессиональную среду студенческая идентичность из аскриптивной характеристики переходит во

внутренне принятую, осознанную, эмоционально окрашенную характеристику. Это нестабильный этап, связанный с адаптацией к новой социальной роли студента. Суть его заключается в становлении студенческой и предвосхищении педагогической идентичности.

2 этап: период приобретенной идентичности и подготовки к новому витку развития – 3 курс, когда на основе осознания требований социальной роли и собственных возможностей удовлетворения этих требований происходит осознание достижений, которые сделаны благодаря собственным усилиям. В этот период конструктивные схемы находятся в наиболее стабильном состоянии, поскольку субъект получает наибольшее удовлетворение от восприятия себя в рамках данной идентичности. Этому периоду соответствует стратегия социальных изменений (изменение статуса группы). Это период стабилизации студенческой идентичности.

3 этап: период новой дестабилизации – 4, 5 курсы, когда на основе осознания спектра ролей, усвоенных в ходе профессионализации, происходит осознание новых целей и перспектив, а также тех требований, которым необходимо следовать в соответствии с этими целями. Под влиянием профессионализации, особенно педагогической практики, происходят осознание недостаточности позиции студента, предвосхищение новых требований, разбалансировка сложившейся идентификационной структуры. В этот период преобладают стратегии социального творчества и соревнования. Это второй нестабильный период, суть которого заключается в переходе от студенческой к педагогической идентичности.

Процесс формирования идентичности завершается построением реализованной идентичности, которому соответствует восприятие себя в качестве педагога.

Факторы трансформации социальной идентичности в вузе

В результате факторного анализа выделились 7 наиболее значимых факторов:

1 фактор – получил название "Идентификация по типу самозащиты". В него вошли такие переменные: с положительным весом – стремление чувствовать себя защищенно (0, 610); стремление к сохранению здоровья (0, 884); семейная идентичность (0,474); личностная идентичность (0, 347); стремление заботиться о себе (0,644); стремление к защищенности и безопасности (0,610); стремление к материальному благополучию (0, 606); счастливая семейная жизнь (0, 508); желание проявить свои творческие качества (0, 438); желание любить и быть любимым (0, 363); ценности поддержания основных социальных ролей (0, 590); ценности конструктивного образа жизни (0, 565); ценности национальной культуры (0,656); самоинтерес (0, 837); самообвинение (0, 618); с отрицательным весом – учебно- профессиональная идентичность (0, 513); аутосимпатия (0, 778); самооценка деловых качеств (0, 773).

Выделение этого фактора демонстрирует, что идентификация по типу реализации мотивации самозащиты тесно связана с восприятием себя членом семьи, вниманием к своим личностным качествам, с комплексом потребностей в защите, безопасности, сохранении здоровья, достижении материального благополучия, со значимостью в наборе ценностей, в которых проявляется тенденция к самосохранению и самозащите, с выраженностью интереса к себе и самообвинения. При этом наблюдается обратная связь с восприятием себя в качестве члена профессионального сообщества, принятием себя.

Построение такой идентичности слабо связано с направленностью на профессиональную деятельность. Здесь явно проявляется желание получать

внешнюю поддержку, одобрение окружающих, но не через деловые успехи, а благодаря соответствию культурным, этническим, семейным нормам, т.е. нормам сообществ, предполагающих тесную связь между людьми. Самоинтерес сочетается с самообвинением, что означает рефлекссию тех требований, которые предъявляют к человеку эти сообщества для того, чтобы чувствовать себя защищенным. Это подтверждает наше предположение о том, что потребность в самозащите реализуется студентами прежде всего через близкие им социальные группы (семья, друзья, этническая общность) и общение.

Идентификация такого типа наиболее явно проявляется у студентов на 1, 2 и 4 курсах, что показывает значимость мотивации самозащиты в процессе самоопределения в эти периоды профессионализации. Это доказывает наше предположение о том, что в условиях кризиса идентичности происходит актуализация мотивации самозащиты и социальных ролей, которые помогают обрести идентичность в той среде, где человек чувствует себя наиболее защищенно. В качестве такой социальной среды прежде всего выступает ближайшее окружение студента. Этот кризис особенно остро проявляется на первых курсах в связи со сменой социальной идентичности, а также на 4 курсе под влиянием педагогической практики.

2 фактор – получил название "Идентификация по типу самоуважения". В него вошли такие переменные: с положительным весом – самоуважение (0,951); российская идентичность (0,540); стремление к общению (0, 462); стремление к достойным условиям жизни (0, 667); стремление реализовать свои способности (0, 481); демократические ценности (0,430), самооценка способностей к общению и взаимодействию (0, 488), советская идентичность (0, 385). С отрицательным весом – европейская идентичность (0, 536); стремление к автономии (0, 529); ценности здоровья (0, 766); стремление к безопасности (0, 579); стремление к материальному благополучию (0, 688);

стремление поддерживать хорошую физическую форму (0, 479); стремление к получению материального вознаграждения за свою деятельность (0, 772); ценности карьерного роста (0, 546).

Выделение этого фактора показывает, что идентификация по типу самоуважения характеризуется некоторыми ценностными противоречиями, связанными, по нашему мнению, с особенностями социокультурной среды, в которой развиваются студенты. С одной стороны, отмечается восприятие себя в качестве гражданина России, стремление к достойной жизни, направленность на демократические ценности и развитие своих способностей, с другой стороны, обратная связь со стремлением к безопасности, автономии и материальному благополучию, а также низкая европейская идентичность говорят о том, что эти студенты уважают себя сообразно принципам, которые можно отнести к советскому типу: педагог должен "гореть на работе" и быть способным работать в любых условиях и с минимальным вознаграждением. Это подтверждает наше предположение о том, что требования общества находят свое отражение в структуре социальной идентичности, а также в соответствующей структуре ценностей и мотивации студентов.

3 фактор – получил название "Идентификация по типу саморазвития". В него вошли такие переменные: с положительным весом – профессионально-деловая идентичность (0, 678); самооценка деловых качеств (0,729); самоинтерес (0,877); ценности профессионального роста (0, 515); стремление к развитию контактов с зарубежными коллегами (0, 721); стремление к реализации своих способностей (0, 481); самопринятие (0, 750); понимание значимости решения глобальных проблем (0, 853), европейская идентичность (0, 608), ценности профессионального роста (0, 790). С отрицательным весом – самообвинение (0, 773); стремление к поддержанию хороших

взаимоотношений в коллективе (0, 918); ценности национальной культуры (0, 713).

Выделение этого фактора показывает, что идентификация такого типа характеризуется восприятием себя членом профессиональных общностей, осознанием своих профессионально-деловых качеств. Она связана со стремлением к самореализации прежде всего через учебную и профессиональную деятельность. Ценности коллективизма, национальной культуры при этом отходят на второй план. Такая идентичность наблюдается у людей, которые обладают высоким принятием себя и низким стремлением к самообвинению; осознают свою причастность к европейскому сообществу и понимают важность решения не только локальных, но и глобальных проблем человечества. Все это положительно сказывается на возможности установления связей с профессионалами независимо от национальных и географических границ, восприятия новых требований общества и современных ценностей образования. Таким образом, подтверждается наше предположение о важности изменения системы индивидуальной социальной идентичности для усвоения новых требований и ценностей профессиональной деятельности.

4 фактор – получил название "Идентификация семейного типа". В него вошли такие переменные: с положительным весом – семейная идентичность (0,665); религиозная идентичность (0, 721); локальная идентичность (0, 367); мечты о будущем (0, 736); стремление к материальному благополучию (0,694); восприимчивость к состоянию внешней среды (0,698); стремление поддерживать хорошую физическую форму (0,812); безопасность и стабильность (0, 617); профессиональный рост (0, 621). С отрицательным весом – стремление к автономии (0, 816); ценности свободы и независимости (0, 584), глобальная идентичность (0, 380).

Выделение данного фактора показывает, что существует комплексный тип идентичности, который иллюстрирует восприятие себя "сыном родной земли". Позитивная семейная идентичность сопровождается принятием культурно-исторических канонов, чувством родины, стремлением к профессиональному росту, заботой о состоянии среды, непринятием индивидуалистических ценностей. Все это сопровождается позитивными установками на стабильную и безопасную жизнедеятельность в рамках родного культурно-исторического сообщества, но отрицанием автономного развития, слабым пониманием ценностей мирового профессионального сообщества. Это подтверждает наше предположение о том, что для усвоения новых требований и ценностей профессиональной деятельности необходимо изменение системы индивидуальной социальной идентичности в плане усиления профессиональной идентичности.

5 фактор – получил название "Идентификация этнического типа". В него вошли такие переменные: с положительным весом – национальная идентичность (0, 748); семейная идентичность (0, 567); поло-ролевая идентичность (0, 594); локальная идентичность (0, 471); субъективная оценка внешности (0, 561); ценности общения (0, 677); стремление заботиться о себе (0, 572); стремление чувствовать себя защищенно (0, 581); ценности национальной культуры (0, 541); конструктивный образ жизни (0, 745); самоинтерес (0, 895); самообвинение (0, 931). С отрицательным весом – самопринятие (0, 655); аутосимпатия (0, 945); учебно-профессиональная идентичность (0, 703); желание проявить себя в деятельности (0, 743).

Выделение данного фактора показывает, что преобладание национальной идентичности сочетается с восприятием себя членом общностей: семейной, половой, локальной. Наглядно видно, что этот тип идентичности тесно связан с интересом к своему физическому Я, со стремлением к самозащите, но слабо связан со стремлением проявить себя в деятельности. Набор этих переменных

близок тому, что Д. Салазар объединил по принципу "производства потомства в одном и том же месте" [446]. Оказалось, что данная идентификация сочетается и с низким уровнем принятия себя, негативным отношением к себе. Поэтому можно предположить, что люди, обладающие высоким уровнем национальной идентичности, приходят к негативному сравнению с другими этносами, испытывают негативные переживания, связанные с низкой оценкой себя, что является одной из причин межэтнических конфликтов.

6 фактор – получил название "Идентификация западного типа". В него вошли переменные: с положительным весом – европейская идентичность (0, 629); российская идентичность (0, 464); восприятие себя собственником (0, 751); семейная идентичность (0, 952); поло-ролевая идентичность (0, 777); автономия (0, 719); забота о быте (0, 445); стремление к безопасности (0, 642); желание иметь контакты с коллегами в других странах (0, 482); стремление к получению материального вознаграждения за свою деятельность (0, 602); ценности карьерного роста (0, 697); ценности конструктивного образа жизни (0, 499); ценности национальной культуры (0, 600); ценности многонациональных сообществ (0, 686), самоинтерес (0, 503). С отрицательным весом – национальная идентичность (0, 410); моральные качества (0, 773); желание быть уважаемым в обществе (0, 773); стремление иметь хорошие отношения с коллегами (0, 781); желание иметь широкий круг общения (0, 749); самообвинение (0, 612).

Выделение этого фактора показывает, что западный тип идентификации предполагает в данном случае соответствие как традиционным ценностям, так и новым, связанным с теми изменениями, которые происходят в нашем обществе. Отнесение себя к европейцам означает для студентов прежде всего соответствие требованиям определенной культуры, в которой отводится место семье, материальному благополучию, достойному быту, здоровому

образу жизни, а также карьерному росту и широким межкультурным контактам. Среди индивидуально-личностных качеств на первый план выходят автономия и самоинтерес. Преобладание этого типа идентичности сопровождается отрицанием коллективистических качеств, этнической идентичности, значимости отношения с коллегами. Можно сказать, что в представлении студентов европейский человек больше ориентирован на свою индивидуальную карьеру, конструктивный образ жизни, создание условий для жизни и деятельности в любых сообществах, независимо от национальных, личностных и территориальных границ.

7 фактор – получил название "Идентификация интегрального типа". В него вошли переменные: с положительным весом – стремление развивать контакты с зарубежными коллегами (0, 529); стремление изучать зарубежный опыт работы (0, 350); деятельность (0, 516); стремление к свободе и независимости (0, 454); стремление реализовать свои способности (0, 457); профессиональный рост (0, 626); стремление к самостоятельной деятельности (0, 491); восприятие себя собственником (0, 511). С отрицательным весом – персональная идентичность (0, 547); локальная идентичность (0, 429); ярославская идентичность (0, 819); забота о своем быте (0, 585); ценности общества (0, 847); стремление сохранить здоровье (0, 650); самообвинение (0, 409).

Выделение этого фактора демонстрирует, что стремление к взаимодействию с зарубежными коллегами связано с направленностью на профессиональный рост и деятельность, стремлением к свободе. При этом узколокализованные идентичности, внимание к своему здоровью, самообвинение отходят на второй план. Это может означать, что в представлениях студентов для расширения своего профессионального пространства им необходимо забыть о здоровье, быть уверенными в себе,

оторваться от местных связей, настроиться на деятельность и рассчитывать на самих себя.

Бросается в глаза тот факт, что ни в одном факторе не проявились такие переменные, как ценности общества, моральные ценности, забота о благосостоянии общества. По нашему мнению, это является следствием определенных процессов, происходящих в обществе, обесценивания моральных норм, смены идентичности. Если для многих поколений советская идентичность означала прежде всего гражданскую принадлежность, имеющую четкие ценностные ориентиры, то сегодня пока еще не сформировалась такая идентичность, которая может направить сознание в русло заботы об обществе.

Проведенный анализ показывает, что структурные компоненты идентичности тесно взаимосвязаны, образуя единый комплекс. В то же время в каждом типе идентификации наблюдается специфический набор переменных. Это подтверждает наше предположение о комплексном характере социальной идентичности, что позволяет рассматривать социальную идентичность как когнитивно-мотивационный конструкт, который формируется под влиянием различных факторов, прежде всего, особенностей социокультурной среды, учебно-профессиональной деятельности, индивидуально-личностных особенностей.

Полученные корреляционные связи между идентификационными характеристиками и ценностно-смысловыми и мотивационными особенностями подтверждают единство действия профессиональных, социально-психологических и личностных факторов функционирования социальной идентичности.

Таким образом, наибольшая тенденция к профессиональному росту, развитию своих способностей и достижению успеха наблюдается на 3 и 5 курсах. Наблюдающиеся противоречия в ценностях, мотивации и отношении

к себе студентов 1 и 4 курсов показывают, что наряду с возрастанием учебной и профессиональной мотивации происходят усиление стремления к самозащите и поддержке близких, снижение аутосимпатии и повышение самообвинения, что свидетельствует о нестабильности и наличии кризиса социальной идентичности в этот период.

Результаты исследования позволяют сказать, что *успешное преодоление кризиса социальной идентичности* в процессе профессионального становления характеризуется следующими показателями:

- идентификация со своей профессиональной группой;
- позитивное отношение к себе;
- стремление реализовать себя в широком профессиональном сообществе.

На основе этих результатов можно сформулировать новые направления в подготовке педагогов. Профессиональное становление педагога – сложный, длительный и противоречивый процесс, который должен включать в себя различные содержательные и структурные компоненты и направляться на когнитивное и личностное, индивидуальное и социальное развитие. В таком случае можно найти обоснованные способы формирования социальной идентичности, адекватной реальным социокультурным условиям.

Проведенное исследование позволяет сказать, что процесс формирования идентичности не является монотонным и поступательным. Он имеет периоды пиков (скачков) и периоды накопления информации.

Эти результаты показывают, что "нет ничего нелогичного в точке зрения на человеческое социальное поведение как важную последовательность сконструированных и иногда принудительных процессов, которые распознаются в принципе как процессы, открытые для отказа, отклонения и модификаций" [467, 468, 469]. Это обуславливает процессуальность идентичности. Но в то же время доказывает, что идентичность является и

структурой, в которой имеются различные представления о своем групповом членстве и определенных личностных особенностях, соответствующих этому членству. При этом основной вопрос заключается не в том, является ли поведение сконструированным или нет, а в том, под влиянием каких условий оно будет конструироваться, какая позиция повлияет на формирование взаимоотношения между индивидом и обществом.

Идентичность конструируется и влияет на поведение человека. Она является продуктом представления социальных ролей в общностях разного размера и значимости для человека (например, общественная организация, класс, группа и т.д.). В процессе взаимодействия происходит концептуализация себя или интериоризация определенных ролей, что собственно и производит идентичности. В этом смысле существенный аспект влияния общества на личность заключается в том, что Я формируется в процессе взаимодействия между людьми. Это приводит к появлению идентичности, которая, в свою очередь, связана с социальным поведением. Такое поведение осуществляется тем путем, который соответствует индивидуальной идентичности, заключающей в себе организованную иерархию возможностей для ответа на различные социальные ситуации.

Наши данные развивают идеи современных социологов, которые отмечают, что индивиды как бы конструируют социальную реальность в контексте данной культуры, продуцируют модели социальных взаимоотношений, опираясь на собственные индивидные свойства и свойства других социальных субъектов, которые, в свою очередь, проявляются во взаимоотношениях с ними [297].

Важный вывод исследования заключается в том, что индивид должен прилагать определенные усилия для поддержания баланса в собственной идентичности и необходимого уровня взаимодействия, стремиться

осознавать актуальную ролевую позицию и ценностное сопровождение. Можно сказать, что успешное вхождение в профессиональную среду в сознании студентов связано с обретением профессиональной идентичности, осознанием своих профессионально важных качеств, обретением профессиональных, социальных и материальных перспектив, позитивным самовосприятием, независимостью, самоуважением и чувством защищенности в профессиональной группе.

6.2. Психолого-педагогические проблемы и направления подготовки педагогов в условиях кризиса социальной идентичности

Проблема смены ценностей, кризиса идентичности в условиях резких социальных перемен нашла свое отражение в образовании. В данной работе практическое приложение проблемы формирования социальной идентичности анализируется в контексте подготовки педагогов в педагогическом вузе, т.е. профессионального образования студентов.

Идентификация с профессиональной группой, так же как и с любой другой, рассматривается в трех плоскостях:

- когнитивной – знание о принадлежности к профессиональной группе;
- ценностной – наличие определенных ценностных ориентиров, соответствующих той или иной профессиональной группе;
- эмоциональной – позитивное или негативное отношение в групповому членству.

Применительно к проблемам образования можно сказать, что кризис идентичности проявляется как в снижении интереса педагогов к своей профессии, так и в разрушении многих ценностных ориентиров, а также в изменении представлений о структуре и границах сферы педагогического сообщества. Например, наблюдаются падение престижа принадлежности к группе педагогов, потеря смысла и чувства удовлетворения от

педагогического труда и т.д. Если в зарубежной литературе педагоги рассматриваются как представители широкой социальной группы на уровне мирового образовательного пространства, то у нас происходит обратный процесс, а именно, ограничение рамок педагогического пространства. Н.В. Ключева отмечает падение престижа и авторитета учителя, а также утрату значимости социальных норм, потерю ценностных ориентиров [126].

Кризис социальной идентичности проявляется также в противоречивости идентификационной системы, наличии в ней сложно совместимых компонентов, в которых выражается влияние старых и новых общностей. Результаты показали, что 4,56% студентов все еще ощущают себя советскими людьми, в то же время 9,11% хотелось бы быть ближе к европейцами, а 9,22% – людьми мира. Информация педагогов, по мнению студентов, слабо ориентирована на эти общности и еще включает в себя в значительной степени советские стереотипы [99]. Очевидно, что в самосознании студентов наблюдаются противоречия различного плана. Наряду с желанием быть ближе к европейскому и мировому сообществу присутствует еще ощущение своей принадлежности к советской категории. Достаточно высокий показатель национальной идентичности сочетается с желанием воспринимать себя как россиянином, так и человеком Европы или мира.

Также можно отметить проблему восприятия учебной и научной информации, связанную с процессом самоидентификации. Например, на протяжении пяти лет (с 1994 по 1999) студентам в начале курса "Введение в специальность" задавался вопрос о важности, по их мнению, изучения отечественных и зарубежных педагогических теорий и опыта для подготовки современного учителя. Большинство отвечали, что нашему учителю достаточно информации о том, что разработано отечественными учеными. На вопрос: "Почему они так думают?" – основной ответ заключался в том, что зарубежные педагоги слишком отличаются от нас, поэтому нет

необходимости изучать их подходы. Ощущение разницы, чужака – это следствие, прежде всего, межгрупповой дискриминации и узколокализованной социальной идентичности.

Эти и другие аналогичные примеры показывают, что кризис социальной идентичности нашел свое отражение в образовании. Он проявляется в когнитивных, ценностных и эмоциональных противоречиях в сознании педагогов. "Кто я?" – основной вопрос идентичности не получает однозначного ответа, поскольку привычные представления об общественной значимости, престиже, опоре на вечные ценности разбиваются о те реальные проблемы, с которыми сталкиваются педагоги массовых школ сегодня. Это создает трудности профессионального самоопределения студентов. Например, в 2000 году лишь около 20% студентов отвечают, что будут работать в школе.

В связи с этим в нашей работе рассматриваются вопросы: какие современные тенденции и ценности в образовании, и, прежде всего зарубежном (как носители многих новых, по отношению к отечественным, ценностей), необходимо учесть в подготовке студентов; как можно воспитать педагогов, обладающих современным взглядом на свою профессию и взаимоотношения с педагогами других стран; какие нравственные оценки категории принадлежности к педагогическому сообществу формируются в отечественном образовании по сравнению с зарубежным. Эти и другие вопросы серьезно изучаются сегодня [48, 61, 64, 65, 68, 97, 111, 112, 120, 164, 186, 209, 301], но требуют еще глубокого осмысления и экспериментальной проверки, для того чтобы сказать, каким образом образование как феномен культуры может оказать свое влияние на социальную идентичность.

В контексте данного диссертационного исследования, практическая направленность которого связана с проблемой совершенствования подготовки специалистов в новых социально-экономических условиях, мы

обращаемся к поиску путей конструирования социальной идентичности и построения соответствующей системы ценностей на основе понимания своего места в мире.

Предпосылками для внедрения новых принципов и методов в подготовку педагогов являются те изменения, которые происходят в системе отечественного образования в последние годы.

Социокультурные и научно-педагогические исследования процесса развития педагогического образования показывают, что завершающее XX век десятилетие можно назвать периодом возрождения гуманистических ценностей образования. В эти годы происходит обращение образования к личности, индивидуальности, постепенно внедряются в учебные заведения демократические принципы [126].

Надо отметить следующее противоречие, которое наблюдается в процессе реформирования образования. Преимущественное внимание исследователей уделяется проблемам развития образования на основе единства представлений о человеке, обществе, культуре в конкретной системе образования, в конкретной стране и в конкретной эпохе. Но в то же время упускается вопрос о месте отечественного педагога и его деятельности в мировом образовательном пространстве, что, на наш взгляд, отчасти связано с тем, что в условиях наметившейся децентрализации образования особое значение приобрели региональные концепции воспитания и образования.

Это проявляется в психологическом портрете современника, на который опираются в педагогической среде. Роль педагога-интеллекта и сфера его деятельности ограничиваются пространством создания и освоения образовательной информации, а также сохранения культурно обусловленных традиций образования. Это еще раз подчеркивает актуальность обращения к проблеме подготовки педагогов, обладающих более широкой социальной идентичностью.

Очевидно, что в новых социальных условиях педагог-профессионал не может успешно реализовывать задачи своей деятельности, если он будет просто хорошим учителем-предметником, как это признавалось долгие годы [107, 134, 137, 149, 169, 205, 212]. Требования к современному педагогу таковы, что необходимо хорошо владеть знаниями не только своего предмета, но и в ряде других важных областей. Например, знать психологию человека, основы социально-психологического взаимодействия, быть способным реализовывать индивидуальный подход и развивающую функцию в обучении [77, 281, 282].

Но, вводя новые требования к педагогу-профессионалу в нашей стране, важно не забывать, что эти требования относятся практически ко всем экономически развитым странам с устойчивой демократией, в которых школа должна подготовить ребенка к жизни в соответствующих социальных и экономических условиях. Именно через развитие ребенка в ходе взаимодействия, происходит формирование жизненно важных элементов самосознания, а также способов поведения и мышления [50, 55, 56, 88, 116, 232]. При этом большая роль отводится способности делать выбор и принимать решения [78, 184, 185].

В современных представлениях о характеристиках преподавателя вуза все еще проявляется некоторая изоляционистская тенденция. Например, среди показателей определения уровня профессиональной культуры преподавателя педагогического университета отмечаются следующие [87]: коммуникативная культура (показатель "интергуманизм"); профессиональная позиция (показатель "парезия": правда того, о чем говорит преподаватель, должна обнаруживаться в его поведении, жизненной позиции и профессиональной деятельности); рефлексивно-творческая позиция (показатель "духовность"); готовность к образованию в течение всей жизни.

Эти показатели, безусловно, являются шагом вперед по сравнению с предыдущими, но в то же время они еще не вполне отражают современные ценности сотрудничества и сосуществования, соответствующие новой педагогической парадигме. Например, характеристика "готовность к непрерывному образованию" предполагает включение эмоционально-ценностных, личностных элементов, способствующих становлению личностных смыслов будущего учителя, и подчеркивает ту мысль, что невозможно научить студентов педагогических вузов "раз и навсегда". Образование должно быть средством дальнейшего, продолжающегося в течение всей жизни развития и самореализации человека. Учителю приходится учиться всю жизнь.

Надо отметить, что идея расширения социального самосознания студентов более четко проявляется на уровне показателей успешности реализации данных характеристик в процессе подготовки студентов: наличие у студентов мотивации к приобщению к общечеловеческим и профессиональным ценностям; освоение механизма выбора индивидуальной образовательной траектории; обращение в прошлое, настоящее человечества, страны, профессии; осознание себя как профессионала [87]. В этом перечне присутствуют показатели, которые свидетельствуют о признании новых задач педагогического образования, связанных с ориентацией студентов на ценности мирового образовательного пространства. В то же время механизмы этого процесса пока что не определены, они носят декларативный характер [68].

Таким образом, образование постепенно начинает отражать те изменения, которые происходят в нашем обществе. В современных условиях, когда большую часть проблем самоопределения, которые ранее задавала установленная система общественных отношений, человек должен решать сам, усиливается значение личностного развития. Поэтому меняется

направленность преобразований отечественной системы профессионального педагогического образования. Новые направления подготовки педагогов реализуют ряд важных задач, решение которых осуществлялось в ходе последних реформ: утверждение новой системы ценностей (приоритет ценностей гуманизма и демократии); изменение ментальности общества; пробуждение и высвобождение самостоятельности, духовности и активности в человеке [87, 109, 129].

Современная доктрина образования, согласно которой повышаются требования к уровню педагогического образования, основана на новых и традиционных принципах: приоритетная роль образования, гуманистический характер, обеспечение условий развития и саморазвития личности, утверждение фундаментальных прав и свобод личности, сохранение и развитие отечественных традиций в сочетании с международным опытом, демократизм.

Можно сказать, что в условиях кризиса социальной идентичности происходят изменения в подготовке педагогов:

А) Переход от традиционной "знаниевой" парадигмы к гуманистической, личностно-ориентированной. Это предполагает преодоление объектности студента, смену личностной позиции в образовательном процессе и профессионально-педагогической подготовке, создание условий для вариативного выбора, самореализации и самоактуализации студента. Главными ценностями образования становятся индивидуальность учащихся, ориентированность на человека, направленность на создание субъектом образования собственной системы смыслов жизнедеятельности и картины мира [50, 55, 56, 116, 135, 232].

Б) Поиск новых идентификационных структур, которые могут помочь студентам и педагогам осознать границы своей идентичности, например, педагог, профессионал, интеллигент, представитель духовной элиты и т.д.

Интересную обобщающую идентификационную категорию, которая может определить позицию преподавателя вуза, предлагает Л.В. Занина [87]. Студентов педагогических вузов она объединяет категорией – "человек университета", подчеркивая этим направленность педагогического образования на университетское педагогическое.

В ходе реформирования образования парадигма подготовки педагога коренным образом изменилась: от подчинения и репродуктивного воспроизведения политически определенных правил и норм к творчеству, самостоятельности и ответственности.

В целом в профессиональной подготовке студентов педагогических вузов наблюдается ситуация, благоприятная для развития социального самосознания, адекватного требованиям современных социально-экономических условий. В то же время необходимо совершенствовать научное обеспечение учебного процесса [68, 107].

Надо отметить наличие ряда проблем высшего педагогического образования, которые затрудняют преодоление трудностей кризисного периода и создание у будущих учителей опыта личностно ориентированных отношений [87, 97, 109, 110, 111]. Так, нормы и стандарты тоталитарного периода еще продолжают сказываться на системе ценностей, на содержании и методах подготовки педагогов. Россия слишком долго была закрытым государством. Здесь уместно подчеркнуть еще раз, что многие годы практика подготовки учителя находилась в плену устаревшего педагогического мышления, которому свойственны единообразие и центризм содержания, ориентация задач и реализующих их средств (содержания и методики) на традиционные каноны исполнительности и заученности, решение проблем экстенсивным путем [71, 87, 116, 197].

Благодаря новым социальным требованиям в системе образования идет широкий инновационный процесс, появляются разные виды и типы школ,

меняются стиль взаимоотношений с детьми и родителями, система управления учебными учреждениями, доктрина ответственности и принятия решений учителем. Эти и другие процессы показывают, что в ходе профессиональной подготовки необходимо помочь современному педагогу преодолеть доставшиеся ему от прошлого проблемы в восприятии, оценивании, понимании социальной ситуации. Современному педагогу необходимо получить такую подготовку, которая позволяет адекватно воспринимать имеющийся в обществе плюрализм взглядов и в то же время не потеряться в обрушившемся на сознание многообразии.

В то же время в практике подготовки педагогов на сегодня практически отсутствует целенаправленная работа по изучению сложившейся структуры социальной идентичности и формированию идентификационных структур, адекватных новым социально-экономическим условиям. Поэтому важнейшей задачей высшего образования в демократических условиях являются уважение самобытности человека, развитие его уникальности сообразно его природе и высшим нравственным и духовным ценностям [11, 29, 36, 45, 108, 113, 126, 227, 230, 298].

В связи с этим, подготовка студентов должна включать в себя развитие индивидуальной концепции социальной идентичности. „Кто я такой?” – вопрос, от ответа на который зависит поведение человека, отношение к себе, делу, людям. Очевидно, что образ-Я подвергается сложным изменениям как у студентов, так и у преподавателей педагогических вузов.

Проблема социальной идентичности педагогов, взятая в широком социальном контексте, еще недостаточно осознана нашими студентами. По этому параметру они далеки от педагогов развитых демократических стран, которые воспринимают себя представителями большого профессионального и культурного сообщества. Зарубежные педагоги не просто следуют логике культуросохраняющей функции, но и участвуют в процессе обеспечения

условий для успешной реализации задач своей деятельности. Принадлежность к педагогическому сообществу (социальная идентичность) обязывает их разделять определенные ценности и поддерживать роли и нормы работы, а также добиваться от сограждан понимания миссии образования, формирования серьезного отношения к проблемам школы и вуза [64, 65, 97, 120, 167, 286 и др.].

Преодолению изоляционистских тенденций может помочь работа по формированию социальной идентичности, направленная на наполнение как знаниевого компонента, так и смыслового. Согласно развиваемому нами подходу ценности принимаются человеком в процессе конструирования идентичности. Принятие этих ценностей связано с первоначальным осознанием себя как педагога, причем не локализованного в узком социальном пространстве, а члена большого сообщества, которое, реализуя цели воспитания, обучения и развития, способствует прогрессу, а также поддержанию гуманистических ценностей и фундаментальных прав личности в мире (направленность на выживание человечества, сохранение человека как вида).

В контексте развития системы подготовки студентов педагогических вузов проблема формирования социальной идентичности проявляется в том, что студенты испытывают трудности

а) в анализе собственной идентичности и в преодолении конфликта ценностей и норм современного образования, который происходит из столкновения старых тоталитарных норм и стереотипов и новых демократических и гуманистических тенденций;

б) в преодолении противоречий между этничностью и гражданственностью;

в) в преодолении противоречий между поколениями, которые усиливаются в условиях нестабильности;

г) в понимании роли общественных институтов (средства массовой информации, общественные организации) в становлении демократических отношений и т.д.

Мы объясняем эти трудности во многом тем, что в отечественных интегративных исследованиях человека практически слабо обозначен аспект, связанный с изучением взаимодействия и взаимовлияния индивидуальных и социальных характеристик в целостной структуре личности. Как следствие, в процессе подготовки педагогов проблеме формирования социального самосознания, адекватного современным социальным условиям, интеграции персональной и социальной идентичности уделяется мало внимания, в то время как нравственные и социальные компоненты самосознания тесно связаны с профессиональным самоопределением [81, 94, 126, 205 и др.].

Действительно, социальное самосознание формируется практически на протяжении всей жизни человека. В вузе этот процесс, конечно, тесно связан с профессиональным становлением. У студентов постепенно складываются осознанные представления о своей принадлежности к социальной, этнической, профессиональной и другим общностям. Все они взаимосвязаны и в идеале должны находиться в гармоничном, не противоречащем друг другу соответствии. В противном случае могут возникнуть серьезные противоречия на уровне как сознания, так и поведения личности. Наблюдается влияние различных культур, которые детерминируют формирование сознания студента, обуславливают его структуру, тип самосознания, характер его развития. Процесс влияния культуры на сознание очень сложен, поскольку культура – это идеальная форма, внутри которой рождается человек и которую потом он постепенно присваивает себе или превосходит. В ходе процесса социализации культура через ее отдельные элементы становится собственной субъективной реальной формой [18, 20, 53, 106, 132, 214, 219, 229, 247].

Все это создает проблемы в формировании смыслового отношения к своей деятельности у будущих педагогов. Можно сказать, что когнитивная и ценностная база формирования социальной идентичности студентов педагогических вузов нуждается в существенном дополнении, связанном с необходимостью развития восприятия и осознания студентами своего социального статуса, ценностей и соответствующей мотивации.

Основу профессиональной деятельности педагога составляют ценности и смыслы, которые педагог привносит в свою работу. Степень субъективации педагогических ценностей служит показателем профессионального развития педагога. Главной педагогической ценностью являются человек и его мир. Педагогическая деятельность должна быть направлена на благо человеку, на создание нравственной и экологической гармонии в мире [126, с. 40].

Безусловно, такая постановка вопроса служит развитию гуманистических принципов в образовании. Более того, этот подход позволяет реализовывать задачи развития учащихся на основе учета их индивидуальных возможностей и особенностей. Причем мир, на гармонизацию которого должна быть направлена педагогическая деятельность, понимается нами как широкая, не локализованная в конкретном регионе социальная среда. Если ориентироваться только на местный традиционный уровень ценностей, что, например, более характерно для образования во многих провинциальных педагогических вузах, то, на наш взгляд, невозможно в полной мере ставить перспективные цели подготовки специалистов, сообразные реальной социальной обстановке. Очень часто педагоги выглядят идеалистами, далекими от реальной жизни, что является во многом следствием их подготовки в педагогических вузах.

Мы уже отмечали, что каждый человек пытается найти свое место в жизни, а также наметить стратегию на будущее через реализацию присущей всем потребности в самоидентификации. В то же время педагоги

оказываются носителями многих консервативных ценностей и установок, вследствие чего испытывают трудности в ориентировке в социальной среде.

Психолого-педагогические проблемы подготовки студентов, на наш взгляд, связаны с тем, что несмотря на позитивные изменения в процессе подготовки педагогов, о которых говорилось выше, содержание и методы обучения все еще в большей степени направлены на когнитивное, чем на личностное развитие студентов. Поэтому цель нашего исследования заключается в поиске механизмов формирования социальной идентичности, соответствующей новым социальным условиям, глобальным изменениям в мире, социокультурным канонам на уровне различных общностей: от региональных до мировых. На этой основе определяются пути совершенствования подготовки студентов педагогических вузов.

Таким образом, учитывая ситуацию кризиса социальной идентичности, можно сказать, что реализация в системе подготовки будущих педагогов гуманистического и личностно-ориентированного подходов требует формирования социальной идентичности и соответствующих ценностных ориентиров студентов. В связи с этим проблема идентичности предстает как поиск содержания и механизмов развития индивидуальности на основе требований культуры и духовных ценностей.

Программа формирования социальной идентичности у студентов педагогических вузов

Основной прикладной целью нашей работы являлось выявление условий и методов для формирования социальной идентичности, которая позволяет студентам понять, что они как будущие педагоги начинают включаться в мировое образовательное пространство. Поэтому мы строили свою практическую работу именно в направлении осознания и расширения индивидуальной социальной идентичности. При этом учитывались

результаты исследований, которые проводятся в пост- социалистических странах, где для многих людей символы былых времен, выраженные в различных атрибутах, являются островками стабильности и основой для поиска идентичности. Так, Я. Гоковский отмечает, что мало кто из психологов и социологов понимают, что люди не могут отказаться от попыток сохранения идентичности, если они не хотят потерять свое лицо. Поэтому он разработал программу формирования новой идентичности, используя различные приемы, в частности, игровую форму, переговоры, анализ белых и черных сторон общественных явлений. Автор предлагает процедуру развития идентичности, которая будет способствовать более эффективной адаптации в новых социальных условиях [376].

Программа, разработанная нами, направлена на повышение эффективности подготовки педагогов за счет расширения области их социальной идентичности и преодоления противоречий в индивидуальном и социальном самосознании.

Разработка и апробация Программы проходила на базе ФМФ ЯГПУ с 1999 по 2002 год при поддержке фонда Сороса. Результаты опубликованы в базе данных программы RSS в 2002 году.

Цель программы: формирование у студентов способности рефлексировать изменение в социальной ситуации; конструировать на этой основе собственную социальную идентичность.

Задачи программы включают в себя две подгруппы: базовые и сопутствующие.

Базовые задачи: стимулирование запуска механизма идентичности через создание условий для принятия решений в ситуациях выбора из нескольких альтернатив; осознание собственной ответственности за этот выбор и последующее поведение; осознание специфики новых социальных условий, социокультурных канонов на уровне различных общностей: от региональных

до мировых; сопоставление своих возможностей и особенностей своему выбору.

Сопутствующие задачи: развитие умений анализировать систему ценностей образования; формирование открытого аналитического взгляда на мир; развитие способности целенаправленно анализировать опыт на региональном и мировом уровне; формирование чувства ответственности за результаты своей деятельности; умение делать выбор в сложных социальных ситуациях.

Каждая из перечисленных задач соотносится с приоритетами развития мирового педагогического процесса, поэтому имеет большое значение в современных условиях.

Поставленные цели и задачи работы направлены на расширение образа социального Я студентов через преодоление изоляционистских барьеров, которые сформировались в их сознании под влиянием идеологических и политических процессов, а также возможность развития ценностного отношения человека к самому себе, другим людям, обществу, миру. Реализация задач позволяет развить у студентов осознание собственной принадлежности к широким социальным группам, таким, как профессиональные, региональные, государственные, мировые.

Принципы работы со студентами:

Главный принцип направлен на самосовершенствование как высшую цель развития личности. Важнейшей задачей образования в демократических условиях является уважение самобытности человека, развитие его уникальности сообразно его природе, нравственным и духовным ценностям, развитие чувства ответственности перед собой и другими.

Критерии эффективности:

Эффективность Программы оценивалась по тем изменениям, которые происходили в содержании идентичности ее когнитивных, мотивационных и

ценностных компонентов. В ходе занятий происходит изменение самосознания студентов в направлении уменьшения "разрыва" между потребностями студентов в социальном самоопределении, обретении социальной идентичности, адекватной новым социально-экономическим условиям, и теми возможностями, которые в этом отношении существуют в практике подготовки педагогов.

Мы исходим из того, что главным критерием социального становления личности является "степень ее независимости, уверенности, самостоятельности, раскрепощенности, инициативности, незакомплексованности, проявляющаяся в реализации социального в индивидуальном, что обеспечивает реальное социокультурное воспроизводство человека и общества" [261, с. 10].

Существенные признаки новых социально-экономических условий:

динамичность, расширение возможностей и механизмов выбора, новые требования к мышлению и ответственности.

Содержание программы:

Программа включает в себя следующие этапы:

- Диагностический: выявление уровня социального самосознания, мониторинг содержания социальной идентичности, мотивационные и ценностные характеристики.
- Дидактический: разработка и применение различных технологий обучения. На первых курсах формируются представление о социуме, навыки самопознания и саморазвития, умение общаться. На старших курса проводятся тренинги и спецкурсы.
- Контрольно-аналитический: сопровождающий реализацию каждого этапа и завершающий работу, направленный на выявление конкретных изменений как в социальной идентичности, так и в других компонентах личности и деятельности.

В соответствии с разработанными критериями профессионального совершенствования и роста оценивается влияние данной программы на профессиональную подготовку педагога.

Для расширения социального самосознания мы используем технологии обучения, как уже достаточно известные, например, тренинги, психологические практикумы, анализ различных ситуаций, деловые игры, так и новые для нашей психолого-педагогической среды, например, техника "Playback theatre", игра "Кто я есть", взаимное консультирование, журналистское расследование "Самая легкая и самая трудная социальная ситуация" и т.д.

Главными учебными единицами Программы являются тренинг по развитию самосознания и спецкурс.

Спецкурс включает в себя:

- теоретические занятия, направленные на расширение знаний о структуре самосознания, его значении в жизнедеятельности человека и для профессионального становления, способах его развития и формирования, социальном и личностном смысле деятельности;
- практические занятия, направленные на осознание собственной социальной идентичности (диагностические процедуры), смысла, своих ценностей и целей, анализ реальных условий жизни и деятельности педагога, адекватности собственного самосознания социальным условиям, анализ противоречий и способов их разрешения.

Занятия направлены на осознание и конструирование трех основных блоков идентичности: базисная, индивидуально-личностная, профессионально-деловая. По отношению к задачам формирования специалиста-педагога современного уровня эти блоки конкретизируются в таких идентификационных характеристиках, как представитель российского университета (базисная идентичность), представитель мирового

образовательного пространства (индивидуально-личностная идентичность), представитель профессиональной общности (профессионально-деловая идентичность).

Тренинг проводится после спецкурса и включает в себя ряд психологических процедур, основная цель которых заключается в том, чтобы помочь студентам преодолеть свои барьеры и противоречия социализации, обрести смысл жизнедеятельности и собственный путь саморазвития.

В игровой форме, через переговоры и анализ белых и черных сторон общественных явлений, мы развиваем идентичность, которая способствовать более эффективной адаптации студентов в новых социальных условиях.

Особое внимание уделяется развитию гибкости и толерантности в отношении к себе и людям, диалогичности в общении и взаимодействии, уверенности по отношению к настоящему и будущему.

Результаты работы показывают, что использование Программы, направленной на формирование социальной идентичности, позволяет совершенствовать процесс образования в соответствии с современными требованиями социальной среды.

Реализация Программы приводит к личностному и профессиональному развитию студентов педагогических вузов. В личностном плане у студентов происходят: осознание себя, своего места в социальном мире, развитие чувства собственного достоинства и уверенности в себе, терпимости и гибкости в отношениях, выбор перспектив и отказ от чуждого, ненужного и т.д.

В профессиональном плане происходят следующие изменения студентов: осознание своей принадлежности к широкому профессиональному сообществу, расширение области идентификационных характеристик, развитие стремления к достижению реализованной идентичности, осознания своего места в социальном мире.

Самое главное, что приобретают студенты, – это осознание новых перспектив и смысла жизни и деятельности.

Практика показала, что специальная работа со студентами, направленная на расширение их социального самосознания, помогает не только в адаптации к современным социальным условиям, в выборе жизненных перспектив, в развитии чувства собственного достоинства, но и в развитии интереса к учебным курсам и темам, особенно к тем, в которых требуются понимание и принятие зарубежных теорий и опыта. Было выявлено, что студенты начинают легче воспринимать новую для них информацию и терпимее относиться к другим людям.

Итоги главы

В этой части эмпирического исследования были проанализированы особенности трансформации социальной идентичности у студентов педагогического вуза в зависимости от динамики учебно-воспитательного процесса.

Было доказано, что в ходе обучения происходит динамика основных компонентов идентичности. Базисный компонент лежит в основе общей структуры профессиональной идентичности. Это позволяет по-новому посмотреть на процесс подготовки студентов и организацию преемственности между ценностями семьи и близкого окружения и ценностями профессиональной среды. Индивидуально-личностный компонент играет связующую роль. Над ним надстраивается профессиональная идентичность, которая и определяет в конечном итоге успешность профессионализации. Знание своего группового членства сочетается с мотивационными и ценностными проявлениями. В процессе усвоения новой профессии студентам необходимо давать ориентиры в мире профессиональных ценностей и создавать условия для проверки их "на прочность".

Результаты исследования позволяют сказать, что **успешное преодоление кризиса социальной идентичности** в процессе профессионального становления характеризуется следующими показателями: идентификация со своей профессиональной группой, позитивное отношение к себе как члену этой группы, позитивное отношение к представителям своей учебно-профессиональной общности, уважительное отношение к представителям других профессиональных общностей, стремление реализовать себя в широком профессиональном сообществе.

Было показано, что процесс формирования социальной идентичности, а также реализация стратегий сохранения позитивной социальной идентичности осуществляются по-разному у студентов с различными содержательными особенностями социальной идентичности (коллективизм – индивидуализм; широкая – узкая), ведущей мотивацией, ценностями.

Формирование социальной идентичности в процессе обучения в педагогическом вузе идет по пути усиления роли профессиональной идентичности, осознания своих особенностей как субъекта деятельности и общения, расширения спектра идентификационных характеристик, перспективных представлений о себе. Все это должно сопровождаться постоянной проработкой ценностей, которые закрепляются на уровне индивидуально-личностной идентичности и влияют затем на всю структуру.

Исследование социальной идентичности дает возможность сформулировать новые направления в подготовке педагогов. Профессиональное становление педагога – сложный длительный и противоречивый процесс, который включает в себя различные содержательные и структурные компоненты. Поэтому цели подготовки педагога должны ставиться комплексно и быть направлены на когнитивное и личностное, индивидуальное и социальное развитие. Такой подход позволяет в полной мере реализовать задачи подготовки педагогов, обладающих новым

педагогическим мышлением, системой ценностей, адекватной как новым социально-экономическим условиям, так и вечным требованиям профессии, способных к деятельности на уровне мирового образовательного пространства. Формирование социальной идентичности в процессе подготовки студентов педагогических вузов рассматривается нами как одно из когнитивно-ценностных средств повышения педагогической культуры и профессиональной направленности студентов.

Соответствующими задачами подготовки педагогов в условиях кризиса идентичности являются: формирование у студентов способности рефлексировать изменение в социальном окружении и направлении развития, конструировать на этой основе собственную социальную идентичность, прорабатывать систему ценностей. Открытый аналитический взгляд на мир и на себя рассматриваются нами как одно из основных условий развития способности целенаправленно анализировать опыт на уровне как региональных ценностей и подходов, так и мировых; воспитания чувства ответственности за себя и результаты своей деятельности, умения делать выбор в сложных социальных ситуациях и т.д. Социальная идентичность может быть некоторым индикатором спектра проблем субъекта в существующей социальной среде и в то же время – внутренней основой для преодоления трудностей социализации.

ВЫВОДЫ

С помощью разрабатываемого автором социально-психологического подхода достигнута основная цель диссертационного исследования: выявлены и проанализированы основные функции, структурные компоненты социальной идентичности, общие закономерности ее трансформации и этапы становления в студенческий период.

Основные выводы диссертационного исследования:

1. Разнообразие подходов к пониманию сущности и структуры социальной идентичности является следствием сложности изучаемой проблемы. Современные исследования социальной идентичности осуществляются на стыке нескольких научных направлений: психологии личности, социальной психологии, психологии развития, когнитивной психологии.
2. Существующие подходы к исследованию социальной идентичности не позволяют продвинуться вперед в понимании целостности и сложной психологической организации этого явления. Сочетание теории социальной идентичности и идеями конструктивистского и системного подходов создает условия для решения задачи функционального и структурного анализа социальной идентичности в контексте реальных социальных групп.
3. Благодаря применению авторского подхода, было доказано, что социальная идентичность – это целостное образование, имеющее сложную психологическую структуру, которая будучи достаточно стабильной, реагирует на индивидуальном уровне на изменения социальной среды. Результаты эмпирического исследования позволяют говорить, что социальная идентичность характеризуется сочетанием следующих компонентов: когнитивные (представления о групповой принадлежности), мотивационные (мотивация самоидентификации),

ценностные (личностный смысл самоидентификации), а также параметров: формально-динамические (устойчивость, интенсивность, широта и т.д.), аффективные (оценка качеств собственной группы, отношение к ней, значимость этого членства).

4. Сочетание выделенных компонентов социальной идентичности образует ряд взаимосвязанных функциональных блоков, которые все вместе обеспечивают реализацию основных ее функций: а) "базисный" – узко локализованный, обусловленный преимущественно ситуацией, данной человеку от рождения, который связан с мотивацией самозащиты и стремлением укрепить свои позиции на уровне национальной, региональной и семейной общности; б) "индивидуально-личностный" – проявляется в мотивации самоуважения и направленности на овладение требованиями культуры как узкого, так и более широкого сообщества; в) "профессионально –деятельностный" – проявляется в мотивации самореализации и стремлении к расширению субъективного пространства, а также анализу изменений, происходящих в обществе.
5. В структуре идентичности человека присутствуют все три выделенных функциональных блока. Они находятся в динамичном и уравновешенном соотношении друг с другом, но под влиянием определенных социальных условий происходит изменение соотношения компонентов, что приводит к изменению веса каждого блока в структуре идентичности.
6. В качестве основного стимула трансформации идентичности выступает кризис идентичности, который стимулирует необходимость выбора новой системы координат в социальном мире. Под влиянием кризиса происходит актуализация индивидуально-личностного потенциала человека, благодаря чему включаются механизмы, которые помогают индивиду соотнести настоящее и будущее, интегрировать различные

влияния профессиональной, культурной и социальной среды и найти свое место в сложном динамичном мире. Поэтому самостоятельность и способность делать выбор служат основаниями для более успешного обретения социальной идентичности.

7. Психологическими проявлениями кризиса социальной идентичности являются изменения в структуре идентичности: увеличивается вес индивидуально-личностных компонентов идентичности; социальная идентичность фокусируется на узких, близких субъекту группах (родные, друзья); усиливается коллективизм, но меняется характер групп, имеющих значимость для человека (вместо профессиональных и широких групп – семейные, узкие группы); усиливается роль мотивации самозащиты; снижается толерантность к "не таким как я". Кризис социальной идентичности проявляется в "базисных" и "индивидуально-личностных" блоков в структуре социальной идентичности.
8. Люди с различной структурой социальной идентичности по-разному воспринимают социальные изменения: с позиции новых возможностей для своего профессионального роста или с позиции новых проблемы, препятствующих эффективной профессионализации. Кризис более успешно преодолевается теми людьми, у которых более выражен "профессионально-деловой" блок в структуре социальной идентичности.
9. Отношение человека к окружающему миру, его ценностный и смысловой потенциал тесно связаны с содержанием идентификационной структуры личности; поведение и прогнозы поведения строятся на основе системы социальных категорий, изначального представления о том, в рамках какой социальной категории человек себя воспринимает. Важным фактором создания системы ценностей, адекватной новым социальным условиям, является конструирование социальной

идентичности, взаимосвязанной с той социальной группой, которая является носителем новой системы ценностей.

10. На примере формирования профессиональной идентичности выявлено, что показателями успешного преодоления кризиса социальной идентичности являются: реализация потребностей в самоуважении и саморазвитии; идентификация с профессиональной группой, позитивное отношение к себе как члену этой группы и другим представителям своей группы, уважительное отношение к представителям других профессиональных общностей, стремление реализовать себя в широком профессиональном сообществе.
11. Получен ряд эмпирических данных, проясняющих специфику формирования профессиональной идентичности в ходе подготовки студентов педагогического вуза. Этот процесс завершается построением реализованной идентичности и включает в себя ряд этапов, которые выделяются в соответствии со следующими критериями: стабильный – нестабильный, реальный – перспективный, узко – широко локализованный; отличаются выраженностью различных идентификационных характеристик, а также их соотношением с мотивационными и ценностно-смысловыми компонентами личности. Кризис более отчетливо проявляется на первом курсе, когда после поступления в вуз происходит смена основной социальной группы (из бывшего ученика в студента и будущего педагога), и затем на четвертом и пятом курсах, когда после прохождения педагогической практики происходит новая смена основной социальной группы (из студента в педагога-практика), проверяющая "на прочность" сложившиеся представления о себе и групповом членстве.
12. В исследовании показано, что специальная деятельность по формированию социальной идентичности помогает студентам

преодолеть влияние стереотипов, которые мешают профессиональному становлению, адекватному новым социально-экономическим условиям. Важными факторами трансформации идентичности на индивидуальном уровне являются: а) восприятие социальной ситуации и ее возможных (как положительных, так и отрицательных) последствий для человека; б) осознание требований, которые предъявляет эта ситуация к человеку; в) анализ собственных возможностей в соответствии с этими требованиями; г) учебно-профессиональная деятельность студентов, которая будучи связанной с мотивацией самоуважения и саморазвития, способствует поддержанию позитивного образа своей профессиональной группы и стремлению к овладению новыми ценностями образования; д) социальная ситуация, которая отражается в самосознании студентов и проявляется в специфических противоречиях и барьерах в отношении к зарубежному опыту и современным ценностям образования.

Таким образом, в исследовании предложен концептуальный подход к анализу психологической структуры социальной идентичности, а также получены новые эмпирические данные, проясняющие и углубляющие представление о сущности этого явления, мотивации идентификации, факторах трансформации социальной идентичности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абельс Х. Интеракция. Идентификация. Презентация. СПб, 2000
2. Абрамова Г.С. Возрастная психология. М., 1998.
3. Абульханова–Славская К.А. Деятельность и психология личности. М., 1980.
4. Абульханова–Славская К.А. Российский менталитет: кросс-культурный и типологический подходы // Российский менталитет. М., 1997. С. 7-38.
5. Абульханова–Славская К.А. Социальное мышление личности: проблемы и стратегии исследования // Психологический журнал. 1994. Т15. №4. С.39 – 56.
6. Аверьянов А.Н. Системное познание мира. М., 1985.
7. Агеев В.С. Межгрупповое взаимодействие. Социально- психологические проблемы. М., 1990.
8. Агеев В.С., Толмасова А.К. Теория социальной идентичности и ее эмпирические верификации / Психология самосознания. Самара, 2000. С. 624-641.
9. Адлер А. Практика и теория индивидуальной психологии. М., 1995.
10. Акопов Г.В. Социальная психология образования. М., 2000.
11. Аксенова Г.И. Формирование субъективной позиции личности будущего учителя. Рязань, 1995.
12. Аллахвердов В.М. Сознание как парадокс. СПб., 2000.
13. Алексеев В.А. Развитие самосознания на рубеже подросткового и юношеского возрастов. Автореферат дис.... канд психол наук. М., 1985.
14. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. Л., 1968.
15. Андреева Г.М. Психология социального познания, М., 2000.
16. Андреева Г.М., Шевелева А.Ю. К вопросу о проблеме группы в социальной психологии // Вестник Московского университета. Серия 14 Психология. №1. 1998. С. 41 – 47.

- 17.Андреева Г.М., Богомолова Н.Н., Петровская Л.А. Современная социальная психология на Западе. М., 2001.
- 18.Антонова Н.В. Проблема личностной идентичности в интерпретации современного психоанализа, интеракционизма и когнитивной психологии // Вопросы психологии. 1996. №1. С. 131 – 143.
- 19.Асеев В.Г. Мотивация поведения и формирование личности. М., 1976.
- 20.Асмолов А.Г. Культурно-историческая психология и конструирование миров. М-Воронеж, 1996.
- 21.Баклушинский С.А. Я-концепция и ценностно-нормативные ориентации подростка в условиях быстрых социальных изменений: Автореф.дис.... канд.психол.наук. М., 1996.
- 22.Баклушинский С.А., Белинская Е.П. Развитие представлений о понятии "социальная идентичность" // Социальная психология. Хрестоматия. М., 1990. С. 356 – 364.
- 23.Баклушинский С.А., Орлова Н.Г. Особенности формирования этнической идентичности в мегаполисе // Этнос. Идентичность. Образование. М., 1998. С. 248 – 267.
- 24.Баранова Т.С. Теоретические модели социальной идентичности личности // Психология самосознания. Самара, 2000. С. 602 – 613.
- 25.Белинская Е.П. Конструирование идентификационных структур личности в ситуации неопределенности // Трансформации идентификационных структур в современной России. М., 2001. С. 30 – 54.
- 26.Белинская Е.П. Временные аспекты Я-концепции и идентичность // Мир психологии. 1999. №3. С. 140 – 147.
- 27.Белинская Е.П., Стефаненко Т.Г. Этническая социализация подростка. М-Воронеж, 2000.
- 28.Белинская Е.П., Тихомандрицкая О.А. Социальная психология личности. М., 2001.

- 29.Белозерцев Е.П. Подготовка учителя в условиях перестройки. М., 1989.
- 30.Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995
- 31.Бердяев Н.А. Русская идея // Мыслители русского зарубежья: Бердяев, Федотов. СПб., 1992.
- 32.Бердяев Н.А. Философия свободы: смысл творчества. М., 1989.
- 33.Бернс Р. Развитие Я - концепции и воспитание. М., 1986.
- 34.Бим-Бад Б.М., Петровский А.В. Образование в контексте социализации // Педагогика. 1996. №1. С. 3-8.
- 35.Блауберг И.В., Юдин Э.Г. Становление и сущность системного подхода. М., 1973.
- 36.Бодалев А.А. Личность и общение. М., 1995.
- 37.Брунер Дж. Психология познания. М., 1977.
- 38.Брушлинский А.В. Ментальность российская и региональная (провинциальная) // Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики. М., 1997. С.38 – 44.
- 39.Будон Р. Место беспорядка: Критика теорий социального изменения. М., 1998.
- 40.Бурлачук Л.Ф., Морозов С.М. Словарь-справочник по психодиагностике. СПб., 1999.
- 41.Буякас Т.М. О проблемах становления чувства самоидентичности у студентов-психологов // Вестник МГУ. Серия 14. Психология. 2000. №1. С.56-62.
- 42.Буякас Т.М. Процесс обучения как диалог между профессиональным и личностным становлением // Вестник МГУ. Серия 14. Психология. 2001. №2. С. 69-77.
- 43.Буякас Т.М. Проблема и психотехника самоопределения личности // Вопросы психологии. 2002. №2. С. 28-39.

- 44.Величковский Б.М. Современная когнитивная психология. М., 1982.
- 45.Вербицкий А.А. Некоторые теоретико-методологические основания необходимости разработки психологии образования как новой ветви психологической науки // Проблемы психологии образования. М., 1992. С. 5-12.
- 46.Вербицкий А.А. Психолого-педагогические основы контекстного обучения в вузе. Автореферат дис. ... д-ра психол. наук. М., 1991.
- 47.Вичев В. Мораль и социальная психика. М., 1978.
- 48.Воловикова М., Рязанова Т., Гренкова-Дикевич Л. Особенности религиозной идентификации в современной России // Развитие национальной, этнолингвистической и религиозной идентичности у детей и подростков. М., 2001. С. 132 – 141.
- 49.Воронков В., Освальд И. Введение. Постсоветские этничности // Конструирование этничности. СПб., 1998. С. 6 – 36.
- 50.Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6 т. Т. 1-4. М., 1981-1984.
- 51.Вяткин Б.А., Хотинец В.Ю. Этническое самосознание как фактор развития индивидуальности // Психологический журнал, 1996. №5. С. 69-75.
- 52.Гаджиева Р.Г. Динамика гендерных стереотипов и их влияние на профессиональную самореализацию личности / Дисс. канд. психол. наук. М., 2000.
- 53.Газман О.С. Базовая культура и самоопределение личности // Базовая культура личности. М., 1989. С. 67 – 89.
- 54.Герген К. Движение социального конструкционизма в современной психологии // Социальная психология: саморефлексия маргинальности: Хрестоматия. М., 1995.
- 55.Гершунский Б.С. Философия образования для XX века (в поисках практико – ориентированных образовательных концепций). М., 1998.

56. Гессен С.И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию. М., 1995.
57. Гнатенко П.И., Павленко В.Н. Идентичность: Философский и психологический анализ. Киев, 1999.
58. Головаха Е.И., Кроник А.А. Конструктивные функции психологии // Психологический журнал. 1989. Т.10. №6. С.24-33.
59. Головаха Е.И., Кроник А.А. Принципы конструктивной психологии // Конструктивная психология – новое направление науки и практики. Красноярск, 1989. С. 6-11.
60. Головаха Е.И., Панина Н.В. Социальное безумие: история, теория и современная практика. М., 1994.
61. Горев В.К., Кудрявцев Ю.А. Образование в условиях рыночных отношений. М., 1994.
62. Гриценко В.В. Русские среди русских: проблемы адаптации вынужденных мигрантов из стран ближнего зарубежья в России. М., 1999.
63. Гриценко В.В. Стремление к самоактуализации как важнейший фактор успешности адаптации вынужденных переселенцев. М., 2002.
64. Громыко Ю.В. Построение общественной практики средствами образования // Вопросы психологии. 1998. №5. С. 37-48.
65. Громыко Ю.В. Роль взаимопонимания при решении учебных задач в совместной деятельности. Автореф.дис.... канд. психол. наук. М., 1985.
66. Гулевич О.А., Безменова И.К. Аттитюды и их взаимодействие с поведением. М, 1999.
67. Данилова Е.Н. Проблемы социальной идентификации в постсоветской России // Экономические и социальные перемены. Информационный бюллетень. 1997. №3.

68. Джеймс Р. Стратегия развития и осуществления образования в глобальном обществе // Российско-американский семинар по проблемам образования. Екатеринбург. 1993.
69. Джемс С. Психология. М., 1991.
70. Дилигенский Г.Г. Реформы и общественная психология // Журнал Власть, 1998, №5. С.8 – 17.
71. Донцов А.И. Проблемы групповой сплоченности. М., 1979.
72. Донцов А.И., Стефаненко Т.Г., Уталиева Ж.Т. Язык как фактор этнической идентичности // Вопросы психологии. 1997. №4. С. 75-86.
73. Донцов А.И., Емельянова Т.П. Концепция "социальных представлений" в современной французской психологии. М., 1987.
74. Драгунский Д.В. Тоска по родине // Дружба народов. 1998. №3. С. 8 – 11.
75. Дробижева Л.М., Аклаев А.Р., Коротеева В.В., Солдатова Г.У. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов. М., 1996.
76. Дружинин В.Н. Структура и логика психологического исследования. М., 1996.
77. Елканов С.Б. Основы профессионального самовоспитания будущего учителя. М., 1989.
78. Емельянова И.Н. Педагогические возможности использования ситуаций выбора в учебно-воспитательном процессе: Дис. канд.пед.наук. Тюмень, 1994.
79. Ермолаева Е.П. Преобразующие и идентификационные аспекты профессиогенеза // Психологический журнал. 1998. Т.19. №4. С.51-59.
80. Ермолаева Е.П. Профессиональная идентичность и маргинализм: концепция и реальность (статья первая) // Психологический журнал. 2001. Т.22. №4. С. 51-59.

- 81.Ермолаева Е.П. Психология профессионального маргинала в социально значимых видах труда (статья вторая) // Психологический журнал. 2001. Т.22. №5. С. 69-78.
- 82.Жарова Л.В. Учить самостоятельности. М., 1993.
- 83.Жизненные ориентации учащихся и проблемы современного образования. М., 1990.
- 84.Журавлев А.Л. Социально-психологическая динамика в изменяющихся экономических условиях // Психологический журнал. Том 19. №3, 1998 С. 3 –17.
- 85.Забродин Ю.М., Похилько В.И. Теоретические истоки и назначение репертуарных личностных методик // Новый метод исследования личности. М., 1987. С. 5-26.
- 86.Заковоротная М.В. Идентичность человека. Ростов-на-Дону, 1999.
- 87.Занина Л.В. Научно-методические основы и региональные особенности реформирования педагогического образования. Автореф. дисс. доктора пед. наук. Ростов-на-Дону, 2001.
- 88.Занков Л.В. Избранные педагогические труды. М., 1996.
- 89.Здравомыслов А.Г. Потребности. Интересы. Ценности. М., 1986.
- 90.Здравомыслов А. Кто мы "националы" или граждане? Соотношение гражданского и этнического самосознания россиян: итоги опроса Российского независимого института социальных и национальных проблем // Мониторинг общественного мнения. 1998. №5. С. 118-127.
- 91.Зеер Э.Ф., Сымалюк Э.Э. Кризисы профессионального становления личности // Психологический журнал. 1997. Т.18. №6. С. 35-44.
- 92.Зинченко В.П. Миры сознания и структура сознания // Вопросы психологии. 1991. №2. С. 15 – 36.
- 93.Зинченко В.П. От классической к органической психологии // Вопросы психологии. 1996, № 5. с 7 - 20; № 6. С. 6 - 25.

94. Знаков В.В. Правда и ложь в российском самосознании / Российский менталитет. М., 1997. С. 131 – 144.
95. Иванова Н.Л. Кого воспитывает школа (результаты сравнительного исследования в России и Голландии) // Ярославский педагогический вестник. 1997. №2. С. 119-121.
96. Иванова Н.Л. Проблемы интеграции России в мировое образовательное пространство // Общество, образование, человек. Ярославль, 1998. С. 331 - 335.
97. Иванова Н.Л. Западное образование на рубеже веков. Ярославль, 1999.
98. Иванова Н.Л. Качественный анализ: репертуарные личностные методики. Ярославль. 1999.
99. Иванова Н.Л. Социальная идентичность и проблемы образования. Ярославль, 2001.
100. Иванова Н.Л. Исследование социальной идентичности у студентов педагогических вузов // Идентичность и толерантность. М., 2002. С. 134-152.
101. Иванова Н.Л. Исследование этнических и профессиональных стереотипов у студентов педагогических вузов // Роль высшего образования в развитии межэтнической толерантности. Ярославль, 2002.
102. Иванова Н.Л. Социально-психологические проблемы подготовки студентов педагогического вуза в условиях кризиса идентичности / Психология инновационного управления социальными группами и организациями. М-Кострома, 2001. С. 135 – 138.
103. Иванова Н.Л. Эмпирическое исследование социальной идентичности / Социальная психология XXI столетия. Ярославль, 2002. Т. 1. С. 299 – 302.
104. Иванова Н.Л., Мнацаканян И.А. В поликультурном мире // Высшее образование. 2003. №1. С. 145 – 163.
105. Ильенков Э.В. Свобода воли // Вопросы философии. 1990. №2.

- 106.Ионин Л.Г. Социология культуры. М., 1996.
- 107.Исаев Е.И. Новое содержание психологического образования педагога / психология сегодня: Материалы первой конференции психологов РПО. Т.2. Вып. 3. М., 1996. С. 32 – 38.
- 108.Казакина М.Г. Ценностные ориентации и их формирование. Л., 1989.
- 109.Казакова Е.И., Тряпицына А.П. Диалог на лестнице успеха (Школа на пороге XXI века). СПб, 1997.
- 110.Калуве Л. Де, Маркс Э., Петри М. Развитие школы: модели и изменения. Калуга, 1993.
- 111.Караковский В.А. Стать человеком. Общечеловеческие ценности – основа целостного учебно-воспитательного процесса. М., 1993.
- 112.Карпов А.В. Психология принятия управленческих решений. М., 1998.
- 113.Касаткина Н.В. От маргинализации до интеграции: стратегия аккультурации в различных группах национальных меньшинств Литвы // Этническая психология и общество. М., 1997. С. 289 – 305.
- 114.Касьянова К. Русский национальный характер. М., 1995.
- 115.Качанов Ю.Л. Проблема ситуационной и трансверсальной идентичности личности как агента (объекта) социальных отношений // Психология самосознания. Самара, 2000. с. 613-623.
- 116.Кашапов М.М. Психологические основы решения педагогической проблемной ситуации. Ярославль, 1991.
- 117.Келли Д. Теория личности. Психология личностных конструктов. СПб, 2000.
- 118.Киселев И.Ю., Ряховский С.В. Гражданственность и проблема формирования идентичности // Проблемы психологии и эргономики. Тверь-Ярославль, 2000. №1. С. 21-24.
- 119.Киселев И.Ю., Смирнова А.Г. Формирование идентичности в российской провинции. М., 2001.

- 120.Кларин М.В. Инновации в мировой педагогике: обучение на основе исследования, игры и дискуссии (анализ зарубежного опыта). Рига, 1995.
- 121.Кле М. Психология подростка: психосексуальное развитие. М., 1991.
- 122.Клементьев В.И. Социальная структура и национальное самосознание. Автореф. дис. ... канд. истор. наук. М., 1971.
- 123.Климов И.А. Психосоциальные механизмы возникновения кризиса идентичности // Трансформация идентификационных структур в современной России. М., 2001. С. 54 – 82.
- 124.Климов С.Г. Изменения ценностных оснований идентификации (80-90 годы) // Социологические исследования. 1995. №1. С. 59-72.
- 125.Клюева Н.В. Жизненные цели молодежи постсоветской России и стран Европы (Германия, Ирландия, Дания, Польша, Испания) // Прикладная психология. 1998. №3. С. 18-25.
- 126.Клюева Н.В. Социально-психологическое обеспечение деятельности педагога (ценностно-рефлексивный подход). Дисс. ... д-ра психол. наук. Ярославль, 2000.
- 127.Козлова И.Н. Личность как система конструктов. Системные исследования. Ежегодник. М.,1976. С.128-146.
- 128.Козлова И.Н. Теория личностных конструктов в современной психологии. Дисс. ... канд. психол. наук. М.,1975.
- 129.Комаров М.С., Горшков В.Ю. Жизненные ценности учителей общеобразовательных школ // Европейские ценности образования и концепция построения гражданского общества в России. Ярославль, 2001. С. 43 – 54.
- 130.Кон И.С. В поисках себя: личность и ее самосознание. М., 1984.

131. Коначева С.А. Религиозная ситуация в постсоветской России: особенности процесса секуляризации // Трансформация идентификационных структур в современной России. М., 2001. С. 82-106.
132. Коул М. Скрибнер С. Культура и мышление. М., 1977.
133. Кричевский Р.Л., Дубовская Е.М. Психология малой группы: Теоретический и прикладной аспекты. М., 1991.
134. Кроник А.А. Субъективная картина жизненного пути как предмет психологического исследования // Психология личности и образ жизни. М., 1987.
135. Крупенин А.Л., Крохина И.М. Эффективный учитель. Ростов-на-Дону, 1995.
136. Кузьмина Н.В. Методы исследования педагогической деятельности. Л., 1970.
137. Кузьмина Н.В., Реан А.А. Профессионализм педагогической деятельности. Рыбинск, 1993.
138. Кулюткин Ю.Н. Творческое мышление в профессиональной деятельности учителя // Вопросы психологии. 1986. №2. С. 21 – 30.
139. Кун М., Макпартленд Т., Эмпирические исследования установок личности на себя. // Современная зарубежная социальная психология. Тексты. М., 1984. С. 180 – 188.
140. Кунц Г., Донелл С.О. Управление: системный и ситуационный анализ управленческих функций. М., 1981.
141. Лапин Н.И. Модернизация базовых ценностей россиян // Социологические исследования. 1996. №5. С. 3 – 24.
142. Лапин Н.И. Ценности, группы интересов и трансформация российского общества // Социологические исследования. 1997. №3. С. 14 – 36.
143. Лебедева Н.М. Новая русская диаспора. Социально-психологический анализ. М., 1997.

144. Лебедева Н.М. Введение в этническую и кросс-культурную психологию. М., 1998.
145. Лебедева Н.М. Социальная идентичность на постсоветском пространстве: от поисков самоуважения к поискам смысла. // Психологический журнал. 1999. Т.20. №3, с. 48-58.
146. Лебедева Н.М. Базовые ценности русских на рубеже XXI века // Психологический журнал. 2000. Т.21. №3. С. 73- 87.
147. Левин К. Теория поля в социальных науках, СПб, 2000.
148. Леви-Строс К. Структурная антропология. М., 1985.
149. Левитес Д.Г. Практика обучения: современные образовательные технологии. М., 1998.
150. Леонов Н.И. Психология конфликтного поведения. Дисс. ... д-ра психол. наук. Ярославль, 2002.
151. Леонтьев Д.А. От социальных ценностей к личностным: социогенез и феноменология ценностной регуляции деятельности // Вестник Московского университета. Психология. №4, 1996. С. 35 – 45.
152. Леонтьев Д.А. Ценность как междисциплинарное понятие: опыт многомерной реконструкции // Вопросы психологии. 1996. №4. С. 15-27
153. Леонтьев Д.А., Шелобанова Е.В. Профессиональное самоопределение как построение образов возможного будущего // Вопросы психологии. 2001. №1. С. 57-66.
154. Лобас М.А. Адаптация мигрантов к русскоязычной школе. Дисс. Канд. психол. наук. Ярославль. 2001.
155. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1984.
156. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. СПб. 1994.
157. Лурия А.Р. Об историческом развитии познавательных процессов. М., 1974.

- 158.Лурье С. Метаморфозы традиционного сознания. СПб., 1994.
- 159.Мазиллов В.А. Психология на пороге XXI века: методологические проблемы. Ярославль. 2001.
- 160.Майерс Д. Социальная психология. СПб, М., 2000.
- 161.Малькова В.К. Стереотипы русских, россиян и России в современной российской прессе // Этнопанорама. 2001. №3.
- 162.Маркова А.К. Психология профессионализма. М., 1996.
- 163.Маркова А.К., Матис Т.А., Орлов А.Б. Формирование мотивации учения. М., 1990.
- 164.Маслоу А.Г. Дальние пределы человеческой психики. СПб., 1997.
- 165.Мерлин В.С. Очерк интегрального исследования индивидуальности. М., 1986.
- 166.Методы социальной психологии. Л., 1977.
- 167.Миронова М.Н. Попытка целостного подхода к построению модели личности учителя // Вопросы психологии. 1998. №1. С. 44 – 53.
- 168.Мильман В.Э. Производительная и потребительная мотивация // Психологический журнал. 1988, №1. С. 27-39.
- 169.Митина Л.М. Учитель как личность и профессионал: психологические проблемы. М., 1994.
- 170.Митина Л.М. Личностное и профессиональное развитие человека в новых социально-экономических условиях // Вопросы психологии. 1997. №4. С. 28-38.
- 171.Митина Л.М. Психология профессионального развития учителя. М., 1998.
- 172.Мудрик А.В. Социализация в смутное время. М., 1991.
- 173.Мудрик А.В. Введение в социальную педагогику. М., 1994.

- 174.Мулдашева А.Б. Роль этнопсихологической двойственности в межэтническом взаимодействии. Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1991.
- 175.Мухина В.С. Возрастная психология. М., 2000.
- 176.Наумова Н.Ф. Жизненная стратегия человека в переходном обществе // Социологический журнал. 1995. №2.
- 177.Наumenко Л.И. Этническая идентичность: Проблемы трансформаций в пост-советский период // Этническая психология и общество. М., 1997. С. 77 – 87.
- 178.Немов Р.С. Общие основы психологии. Книга 1. М., 1994.
- 179.Нижегородцева Н.В. Психологический смысл кризисов развития и их роль в онтогенезе // Общество, образование, человек. Ярославль, 1998. С. 229 – 231.
- 180.Нижегородцева Н.В. Психологическая готовность детей к обучению в школе. Дисс. ... д-ра психол. наук. Ярославль, 2001.
- 181.Никандров Н.Д. Ценности как основа целей воспитания // Педагогика. 1998. №3. С. 3-10.
- 182.Никиторович Е. Многокультурность образования – основа толерантности в демократическом обществе // Роль высшего образования в развитии межэтнической толерантности. Ярославль, 2002. С.41-53.
- 183.Новиков В.В. Социальная психология: феномен и наука. М., 1998.
- 184.Новое педагогическое мышление. М., 1989.
- 185.Новые ценности образования: тезаурус для учителей и школьных психологов. М., 1995.
- 186.Нуйкин А.А. Истинностная и ценностная компоненты познания // Вопросы философии. 1988. №5.
- 187.Образование в конце XX века (материалы круглого стола) // Вопросы философии. 1992. №9. С. 3 – 22.

- 188.Общение и оптимизация совместной деятельности. М., 1987.
- 189.Ольшанский В.Б. Практическая психология для учителей. М., 1994.
- 190.Орел В.Е. Исследование профессиональной деформации личности на уровне представлений о профессии // Актуальные проблемы естественных и гуманитарных наук. Ярославль. 1995. С. 33 – 37.
- 191.Орлов А.Б. Проблема перестройки психолого-педагогической подготовки учителя // Вопросы психологии. 1988. №1. С. 16 – 28.
- 192.Осницкий А.К. Проблемы исследования субъективной актуальности // Вопросы психологии. 1996. №1. С. 5-19.
- 193.Основы психодиагностики. М, 2001.
- 194.Павленко В.Н. Разновидности кризиса социальной идентичности в Украине // Этническая психология и общество. М., 1997. С. 88-96.
- 195.Павленко В.Н., Корж Н.Н. Трансформация социальной идентичности в посттоталитарном обществе // Психологический журнал. Т.19, 1998. №1. С. 75 – 89.
- 196.Парыгин Б.Д. Основы социально-психологической теории. М., 1971.
- 197.Патрик К. Воспитание в условиях меняющихся цивилизаций. М., 1990.
- 198.Петренко В.Ф. Введение в экспериментальную психосемантику: исследование форм репрезентации в обыденном сознании. М.,1983.
- 199.Петровский А.В. Быть личностью. М., 1990.
- 200.Петровский А.В. Общая психология. М., 1986.
- 201.Петровский В.А. Феномен субъективности в психологии личности: Дис. д-ра психол наук. М., 1993.
- 202.Пиаже Ж. Избранные психологические труды. М., 1969.
- 203.Платонов К.К. Краткий словарь системы психологических понятий. М., 1981.

- 204.Платонов Ю.П. Социальная психология этнического взаимодействия / Введение в этническую психологию. СПб., 1995. С. 134 – 143.
- 205.Поваренков Ю.П. Психология становления профессионала. Ярославль. 2000.
- 206.Похилько В.И., Федотова Е.О. Техника репертуарных решеток в экспериментальной психологии личности // Вопросы психологии. 1984. №3. С. 151 – 157.
- 207.Поцелуев С.П. Символические средства политической идентичности. К анализу постсоветских случаев // Трансформация идентификационных структур в современной России. М., 2001. С. 106 – 160.
- 208.Практикум по психодиагностике. Психодиагностика мотивации и саморегуляции. М., 1990.
- 209.Приоритеты современной педагогики: мир – экология – сотрудничество: материалы международного проекта Р.Е.А.С.Е./ Международное движение "Педагоги за мир и взаимопонимание". Центр педагогики мира. М., 1993.
- 210.Психологическое тестирование. Том 1. М., 1999.
- 211.Психология. Словарь. М., 1990.
- 212.Равкин З.И. Развитие образования в России: новые ценностные ориентиры (концепция исследования) // Педагогика. 1995. №5. С. 15-25.
- 213.Радугин А.А., Радугин К.А. Социология: курс лекций. М., 1996.
- 214.Развитие и социализация ребенка в различных культурно-образовательных средах. Орел, 1994.
- 215.Ракитов А.И. Цивилизация, культура, технология и рынок // Вопросы философии. 1992. № 5. С.3-16.
- 216.Реан А.А. Психология педагогической деятельности. Ижевск, 1994.

- 217.Роговин М.С. Чувственный образ и мысль // Вопросы философии. 1969. N 9. С.44-55.
- 218.Роджерс К.Р. К науке о личности // История зарубежной психологии: Тексты. М., 1986. С.199-230.
- 219.Розин В.М. Психология и культурное развитие человека. М., 1994.
- 220.Росс Л., Нисбет Р. Человек и ситуация. Уроки социальной психологии. М., 1999.
- 221.Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. М., 1957.
- 222.Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии: в 2 т. М., 1989.
- 223.Руденский Е.В. Социальная психология. М.- Новосибирск, 1997.
- 224.Рукавишникова Н.Г. Профессиональное самосознание студентов педагогического вуза. Автореф. дис. канд. психол. наук. М., 1999.
- 225.Садохин А.П., Грушевицкая Т.Г. Этнология. М., 2000.
- 226.Саймон Б. Общество и образование. М., 1989.
- 227.Свенцицкий А.Л. Социальная психология управления. Л., 1986.
- 228.Свенцицкий А.Л. Сила власти в зеркале социальной психологии / Общество и политика: современные исследования, поиск концепций. СПб., 2000. С. 20-56.
- 229.Семья, гендер, культура: материалы международных конференций 1994 – 1995 / Под ред. В.А. Тишкова. М., 1997.
- 230.Сикевич З.В. Национальное самосознание русских. М., 1996.
- 231.Сикевич З.В. Социология и психология национальных отношений. СПб., 1999.
- 232.Сластенин В.А., Подымова Л.С. Педагогика: Инновационная деятельность. М., 1997.
- 233.Смелзер Н. Социология. М., 1994
- 234.Смирнов А.Н. Понятие этничности в контексте социальных трансформаций: опыт современной России // Трансформация

- идентификационных структур в современной России. М., 2001. С. 160 – 192.
- 235.Снежкова И.А. К проблеме изучения этнического сознания у детей и юношей // Советская этнография. 1982. №1. С.80 – 88.
- 236.Современная западная социология. Словарь. М., 1990.
- 237.Современная психология. М., 1999.
- 238.Соколова Е.Т., Бурлакова Н.С., Лэонтиу Ф. К обоснованию клинико-психологического изучения расстройства гендерной идентичности // Вопросы психологии. 2001. №6. С. 3 – 16.
- 239.Соколова Е.Т. Проективные методы исследования личности. М., 1980.
- 240.Солдатова Г.У. От гражданина до беженца: ценности и мотивы поведения русских ближнего зарубежья / Ценности и символы национального самосознания в условиях изменяющегося общества. М., 1994.
- 241.Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М., 1998.
- 242.Соснин В.А. Культура и межгрупповые процессы: этноцентризм, конфликты и тенденции национальной идентификации. // Психологический журнал. 1997. № 3.
- 243.Стефаненко Т.Г. Изучение идентификационных процессов в психологии и смежных науках // Трансформация идентификационных структур в современной России. М., 2001. С. 11 –30.
- 244.Стефаненко Т.Г. Социальная психология этнической идентичности. Дисс. ... д-ра псих. наук. М., МГУ, 1999 (б).
- 245.Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. М., 1999 (а).
- 246.Столин В.В. Самосознание личности. М., 1983.
- 247.Стоунквист Э.В. Маргинальный человек: Исследование личности и культурного конфликта // Современная зарубежная этнопсихология. М., 1979. С. 90 – 112.

248. Стратегия развития образовательных систем. М., 1993.
249. Суходольский Г.В. Основы психологической теории деятельности. Л., 1988.
250. Тард Г. Социальная логика. СПб., 1996.
251. Тернер Дж.С., Оукс П.Дж., Хеслем С.А., Дэвид В. Социальная идентичность, самокатегоризация и группа // Иностранная психология. 1994. №2. С. 8 – 17.
252. Тихомиров О.К. Понятие "цель" и "целеполагание" в психологии // Хрестоматия по педагогической психологии. М., 1995. С.66-82.
253. Тихомандрицкая О.А., Дубовская Е.М. Особенности социально-психологического изучения ценностей как элементов когнитивной и мотивационно-потребностной сферы // Мир психологии. 1999. №3. С. 80 – 90.
254. Толстых А. В. Неизвестный классик // Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1996. С. 5-19.
255. Тощенко Ж.Т. Социология. Общий курс. М., 1994.
256. Трусов В.П. Социально-психологические исследования когнитивных процессов. Л., 1980.
257. Трусов В.П. Теория когнитивного диссонанса и ее критика. Дисс. Канд. Психол. Наук. Л., 1973.
258. Уманский Л.И. Контактная группа как коллектив – объект организаторской деятельности // Психология воспитания в первичном коллективе. Ярославль, 1980. С. 9-28.
259. Уманский Л.И. Поэтапное развитие группы // Коллектив и личность. М., 1975. С. 120-160.

260. Уталиева Ж.Т. Влияние языковой компетенции на формирование этнической идентичности // Этническая психология. М., 1997. С. 131 – 138.
261. Фельдштейн Д.И. Социализация и индивидуализация – содержание социального взросления и социально-психологической реализации детства // Мир психологии. 1998., №1, (13). С. 5 – 11.
262. Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М., 2002. 490.
263. Философский энциклопедический словарь. М., 1989.
264. Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990.
265. Франселла Ф., Баннистер Д. Новый метод исследования личности. М., 1987.
266. Фрейд З. Массовая психология и анализ человеческого "Я" // "Я" и "Оно". Труды разных лет. Тбилиси, 1991.
267. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М., 1998.
268. Фромм Э. Бегство от свободы. М., 1990.
269. Фромм Э. Душа человека. М., 1992.
270. Фромм Э. Человек для себя. М., 1997.
271. Хараш А.У. "Другой" и его функции в развитии "я" // Общение и развитие психики. М., 1986. С. 21 – 31.
272. Харре Р. Вторая когнитивная революция // Психологический журнал. 1996, Т. 17, №2. С. 3 – 16.
273. Хилл Т.И. Современные теории познания. - М., 1965. С.209 -244.
274. Хотинец В.Ю. Этническое самосознание. СПб., 2000.
275. Хьелл Л., Зинглер Д. Теории личности. СПб., 1997.
276. Цукерман Г.А., Мастеров Б.М. Психология саморазвития. М., 1995.
277. Цуциев А. А. Развитие идентификационной структуры в Северо-Кавказском периферийном поясе // Демократическое развитие регионов

- как условие построения гражданского общества в Российской Федерации. Тезисы докладов. Владикавказ. 1998. С.11-13.
- 278.Шадриков В.Д. Проблемы системогенеза профессиональной деятельности. М., 1982.
- 279.Шадриков В.Д. Философия образования и образовательная политика. М., 1993.
- 280.Шадриков В.Д. Психология деятельности и способностей человека. М., 1996.
- 281.Шевардин Н.И. Социальная психология в образовании. М., 1995.
- 282.Шелер М. Формы знания в образовании // Человек. 1992. №4, 5.
- 283.Шибутани Т. Социальная психология. Ростов-на-Дону, 1999.
- 284.Шихирев П.Н. Современная социальная психология в Западной Европе. М., 1985.
- 285.Шихирев П.Н. Современная социальная психология. М., 2000.
- 286.Школьные реформы в развитых странах Запада. М., 1992.
- 287.Шмелев А.Г. Введение в экспериментальную психосемантику. М., 1983.
- 288.Шрейдер Л.Б. Профессиональная идентичность и память: опыт генетической реконструкции // Мир психологии. 2001. №1. С. 64-78.
- 289.Штофф В.А. Роль моделей в познании. Л., 1963.
- 290.Щукина Г.И. Активизация познавательной деятельности учащихся в учебном процессе. М., 1979.
- 291.Щукина Г.И. Роль деятельности в учебном процессе. М., 1986.
- 292.Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1996а.
- 293.Эриксон Э. Молодой Лютер. М., 1996б.
- 294.Эриксон Э. Детство и общество. М., 1996в.
- 295.Ядов В.А. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности. Л., 1979.

296. Ядов В. А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности. // Мир России, 1995 (а), № 3-4.
297. Ядов В.А. Социологическое исследование: методология, программы, методы. Самара, 1995 (б).
298. Якиманская И.С. Личностно-ориентированное обучение в современной школе. М., 1996.
299. Якунин В.А. Обучение как процесс управления: психологические аспекты. Л., 1988.
300. Якунин В.А. Педагогическая психология. СПб., 1998.
301. Ямбург Е.А. Школа для всех. М., 1996.
302. Ярошевский М.Г. Наука о поведении: русский путь. М., 1996.
303. Aboud F. Children and prejudice. Oxford, 1988.
304. Abrams D. Political identity: relative deprivation, social identity, and the case of Scottish nationalism. ESRC 16-19 Initiative Occasional Paper. London, No 24. 1990.
305. Abrams D. Social Identity, self as Structure and Self as Process / Social Group & Identities. Oxford, 1996.
306. Abrams D., Hogg M.A. An introduction to the social identity approach / Social identity theory. NY, 1990. С. 1-10. 297 p.
307. Abrams D., Hogg M.A. Comments on the motivational status of self- esteem in social identity and intergroup discrimination // European Journal of Social Psychology. 1988. 18. Pp. 317- 334.
308. Aklaev A. Causes, Prevention of ethnic Conflict // Overview of Post-soviet Russian-Language Literature. М., 1995.
309. Alexsander C., Wiley M. Situated activity and identity formation / Social Psychology: Sociological Perspectives. NY, 1981.
310. Allport F.H. Social psychology. NY, 1924.

- 311.Andersen S. M. The role of Cultural Assumptions in Self-Concept Development / Self and Identity. Psychological perspectives. Chichester, 1987. Pp. 231-249.
- 312.Anderson S.M., Klatzky R.L. Traits and social stereotypes: level of categorization in person perception // Journal of Personality and Social Psychology. 1987. 53. Pp. 235-46.
- 313.Aronson E., Wilson T.D., Akwirt R.M. Social psychology: The heart and the mind. NY, 1994.
- 314.Augoustinos M., Walker I. Social cognition. London-New Delhi, 1995.
- 315.Bagley C., Verma G.K., Mallick K., Young L. Personality, self-esteem and prejudice. Aldershot: Gower, 1979.
- 316.Banaji M.R., Prentice D. A. The Self in Social Context // Annual Review of Psychology. 1994. Vol.45, pp. 297-332.
- 317.Barth F. Introduction // Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Culture Difference. Oslo-Bergen-Tromso, 1969.
- 318.Barth F. Enduring and Emerging Issues in the Analysis of Ethnicity // The Anthropology of Ethnicity / Beyond "Ethnic Groups and Boundaries". Amsterdam, 1994.
- 319.Bass B.M. Leadership, psychology, and organizational behavior. NY, 1960.
- 320.Bauman Z., Identity – Then, Now, what For? // Polish sociological review. 1998. 3 (123). Pp. 206 – 216.
- 321.Baumeister R.F. Identity: Cultural change and the struggle for self. NY, 1986.
- 322.Benedict M., On Cyberspace and virtual reality // Man and Information technology, Stockholm, IVA.1995.
- 323.Berry J.W., Poortinga Y.H., Segall M.H., Dasen P.R. Cross-Cultural psychology: Research and Applications. Cambridge, 1992.
- 324.Billing M. Social representation, objectification and anchoring: A theoretical analysis / Social behavior. 1985. 3: 1-16.

- 325.Bourhis R.Y., Sachadev I. Language and social identification
Richard Y. / Social Identity Theory. Constructive and Critical Advances. NY,
1990.
- 326.Breakwell G.W. Integrating Paradigms, methodological Implications //
Empirical Approaches to Social Representations. Oxford, 1997.
- 327.Brewer M., Group process: Dynamic within and between groups. Oxford,
1988.
- 328.Brewer M.B. The Social Self: On being the same and different. // Personality
and Social Psychology Bulletin. 1991. 17. 5. 475-487. Pp. 475-487.
- 329.Brewer M., Campbell D.T. Ethnocentrism and intergroup attitudes: East
African evidence. NY, 1976.
- 330.Brewer M., Schneider S., Social identity and social dilemmas: A double-edged
sword / Social Identity Theory. Constructive and Critical Advances. NY, 1990.
Pp. 169 - 185.
- 331.Brewer M., Social identity, Distinctiveness, and in-group Homogeneity //
Social Cognition. 1993. N11. Pp.150-164.
- 332.Brewer, M.B., Kramer, R.M. Choice behavior in social dilemmas: effect of
social identity, group size and decision framing / Journal of Personality and
Social Psychology. 1986. 50. Pp. 543-9.
- 333.Brown J.D. Self-esteem and self-evaluation: feeling is believing //
Psychological perspectives on the self. 1993. Vol. 4. Pp. 27-57.
- 334.Brown R., Social psychology. NY, 1986.
- 335.Brown R., Group process: Dynamics within and between groups. Oxford,
1988.
- 336.Brown R. J., Hinkle S., Ely P.G., Fox-Cardamone L., Maras P., Taylor L. A.
Recognizing group diversity: Individualist – collectivist and autonomous –
relational social orientations and their implications for intergroup process //
British Journal of Social Psychology. 1992. 31. Pp. 327-342.

337. Brown R. J., Turner J.C. The criss-cross categorization effect in intergroup discrimination // *British Journal of Social and Clinical Psychology*. 1979. 18. Pp. 371-383.
338. Bruins J., Ellemers N., De Gilder D. Power use and differential competence as determinants of subordinates' evaluative and behavioral responses in simulated organizations // *European Journal of Social Psychology*. 1999. 29. Pp. 843 – 870.
339. Bruner J. S., *Social psychology and perception / Reading in social psychology*. NY, 1958. Pp. 85-94.
340. Burton Y.W. (Ed.) *Conflict: Human Needs Theory*. N.Y. St. Martin's Press, 1990.
341. Campbell D. T. Qualitative knowing in action research. Kurt Lewin Award address. New Orleans, 1974.
342. Campbell D. T. Stereotypes and the perception of group differences // *American Psychologist*. 1967. 22. Pp. 817-29.
343. Carlson R. Where is the persona in personality research? / *Psychological Bull.* 1971. V.75. Pp. 607-649.
344. Chandler M. Surviving time: The persistence of identity in this culture and that. // *Culture and Psychology*. 1998. 6(2). Pp. 209-231
345. Chante L. Categorical race versus individuality belief as determinants of discrimination // *Experimental Social Psychology*. 1996. Vol. 32. Pp. 129-140.
346. Clark K.B., Clark M. P. Racial identification and preference in Negro children. / *Readings in social psychology*. NY, 1947. 169-178.
347. Codol J.-P. On the so-called 'superior conformity of the self' behavior: twenty experimental investigations/ *European Journal of Social psychology*. 1975. 5. Pp. 457-501.

- 348.Codol J.-P. Social differentiation and non-differentiation in H. Tajfel (ed) The Social Dimension: European Developments in Social psychology. Cambridge, 1984. Vol.1: 330.
- 349.Coleman J.C. Relationships in adolescence. London, 1974.
- 350.Condor S. Social stereotypes and social identity / Social Identity Theory. Constructive and Critical Advances. NY, 1990.
- 351.Cooley C. H. Social Process. NY, 1918. Pp. 19-21.
- 352.De Boeck P., Rosenberg S., Van Mechelen I. The hierarchical classes approach: A review. / Categories and concepts: Theoretical views and inductive data analysis. London, 1993. Pp. 265-286.
- 353.Deschamps J.C. Effect of crossing category membership on quantitative judgement // European Journal of Social Psychology. 1977. 7. Pp. 122-126.
- 354.Deschamps J.C. The social psychology of intergroup relations and categorical identification / The social dimension (be Tajfel H. Ed.). Cambridge, 1984. Vol. 2. Pp. 541-559.
- 355.Deschamps J. C., Devos T. Regarding the relationship between social identity and personal identity / Social Identity (International Perspectives). London - New Delhi, 1998. Pp. 1-13.
- 356.Deschamps J.C., Doise W. Crossed category membership in intergroup relations / Differentiation between social groups (by H. Tajfel ed.). Cambridge, 1978. Pp. 141-158.
- 357.Diehl Dichotomy and discrimination: The effect of cross-categorizations on discrimination in a minimal group paradigm // Zeitschrift fur Sozialpsychologie. 1989. 20. Pp. 92-102.
- 358.Doise W. Social Representations in Personal Identity / Social Identity (international perspectives) London- New Delhi, 1998. Pp. 13- 24.
- 359.Doise W., Individuals and groups: Explanations in social psychology. Cambridge, 1978.

360. Doosje B., Ellemers N., Spears R. Perceived intragroup variability as a function of group status and identification. // *Journal of Experimental Social Psychology*. 1995. 31. Pp. 410 – 436.
361. Ellemers N. The influence of socio-cultural variables on identity management strategy // *European Review of Social Psychology*. 1993. 4. Pp. 27-57.
362. Ellemers N., De Gilder D., Van den Heuvel, H. Career- oriented versus team-oriented commitment and behavior at work // *Journal of Applied Psychology*. 1998. 83. Pp. 683 – 692.
363. Ellemers N., Mlicki P.P. Being different or being better? National stereotypes and identifications of Polish and Dutch students // *European Journal of Social Psychology*. 1996. Vol. 26. Pp. 97-114.
364. Ellemers N., Spears R., Doosje B. Stricking together or falling apart: Group identification as a psychological determinant of group commitment versus individual mobility. // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1997. 72. Pp. 123 – 140.
365. Ellemers N., Van Knippenberg A. Stereotyping in social context. / In Spears., Oakes P.J., Ellemers N., Haslam S.A. (Eds) *The social psychology of stereotyping and group life*. Oxford, 1997. Pp. 208 – 235.
366. Ellemers N., Van Rijswijk W. Identity needs versus social opportunities: The use of group – level and individual – level identity management strategies. // *Social Psychology Quarterly*. 1997. 60. Pp.52-65.
367. Ellemers N., Van Rijswijk W., Bruins J., De Gilder D. Group commitment as a moderator of attributional and behavioural responses to power use // *European Journal of Social Psychology*. 1998. 28. Pp. 555 – 573.
368. Erikson E.H. *Childhood and society*. NY, 1950.
369. Erikson E.H. *Identity Youth and Crisis*. NY, 1968.
370. Festinger L. A. Theory of social comparison processes // *Human Relations*. 7. 1954. Pp. 117-40.

371. Festinger L.A. A Theory of Cognitive Dissonance. Stanford, CA, 1957.
372. Fisher F. The Social Psychology of Intergroup and International Conflict Resolution. NY., 1990.
373. Fiske S.T., Taylor S.E. Social cognition. NY, 1991.
374. Fogelson R.D. Person, self and identity. Some anthropological retrospect, circumspects and prospects // Psychological theories of the self: process of a conflict on new approaches to the self, held March 29 – Apr. 1. 1979.
375. Geergen K.J. Personal consistency and the presentation of self / The self in social interaction: Classic and contemporary perspectives. NY, 1968. Vol. 1. Pp. 299-308.
376. Gockowski J., Identity and Adaptation // Polish Sociological Review. 1998. 2 (22). Pp. 133 – 149.
377. Goffman E. Stigma: Notes on the management of spoiled identity. Englewood Cliffs, 1963.
378. Goffman E. The neglected situation // American Anthropology. 1964. Vol. 66. N5. Part 2.
379. Greenwood J. D. Realism, Identity and Emotion: Reclaiming Social psychology. Great Britain. Wiltshire, 1994.
380. Habermas J. Identitat // Zup Rekonstruktion des Historischen Materialismus. Frankfurt, 1976.
381. Hall S. The question of cultural identity / J.V. Deth, E. Scarbrough. The Impact of Values. Oxford: Oxford Univ.Press, 1995. Pp. 119-125.
382. Hall S. Who needs Identity? / Questions of Natural Identity. London, 1996. Pp. 2-4.
383. Hamilton D. L. A cognitive-attributonal analysis of stereotyping / Advances in experimental social psychology. NY, 1989. Vol. 12. Pp. 53-81.

- 384.Hamilton D. L., Sherman S.J., Ruvolo C.M. Stereotype-based expectancies: Effect on information processing and social behavior // Journal of Social Issues. 1990. 46. Pp. 35-60.
- 385.Harre R. Social Being. Oxford, 1979.
- 386.Hinkle S., Brown R. J. Intergroup comparisons and social identity: Some links and lacunae / Social identity theory: Constructive and critical advances. Hemel Hempstead, 1990. Pp. 48-71.
- 387.Hofstede G. Culture's consequences. Beverly Hills. CA, 1980.
- 388.Hofstede G. National cultures revisited // Behavior Science Research. 1983. 18. Pp. 285-305.
- 389.Hogg M. The social psychology of group cohesiveness: from attraction to social identity. NY, 1992.
- 390.Hogg M.F., Abrams D. Social identifications: A social psychology of intergroup relations and group processes. London, 1988.
- 391.Hogg M., Abrams D. Social motivation, self-esteem and social identity / Social identity theory: Constructive and critical advances. Hemel hempstead: harvester Wheatsheaf, 1990. Pp. 28-47.
- 392.Hogg M.A., McGarty C. Self-categorization and social identity / Social Identity Theory. Constructive and Critical Advances. NY. 1990. Pp.10-28.
- 393.Hogg M.A., Hardie E.A. Social attraction, personal attraction, and self-categorization: A field study // Personality and Social Psychology Bulletin. 1991. 17. Pp. 175-180.
- 394.Honess T., Yardley K., Self and Social structure: An Introductory Review /Self and Identity: Psychosocial Perspectives. NY -Toronto, 1987.
- 395.Hunter J.A., Stringer M., Watson R. P. Intergroup violence and intergroup attribution // British Journal of Social Psychology. 1991. 30. Pp. 261-266.
- 396.Jandy C., C.H. Cooley, his life and his social theory. NY, 1942.

- 397.Jarumovicz M. Self – We – Others schemata and social identifications // Social identity (International perspectives). London, 1998. Pp. 44-53.
- 398.Jaspars J.M.F. Forum and focus: A personal view of European social psychology // European Journal of Social Psychology. 1986. 16. Pp. 3-15.
- 399.Jost J.T. Negative illusions: Conceptual clarification and psychological evidence concerning false consciousness // Political Psychology. 1995. 16. 397-424.
- 400.Judd C.M., Park B. Definition and assessment of accuracy in social stereotypes // Psychological Review. 1993. 100. Pp. 109-128.
- 401.Kawakami K., Dion K.L. The impact of salient self-identities on relative deprivation and action interpretations. // European Journal of Social psychology. 1993. 23. Pp. 525-540.
- 402.Kelly C., Group identification, intergroup perceptions and collective action // European Review of Social Psychology. 1993. 4. Pp. 59-83.
- 403.Kelly G. A. The psychology of personal constructs. NY, Vol. 1,2. 1955.
- 404.Kloskowska A. The Response of national Cultures to Globalization and Its Effect on Individual Identity// Polish Sociological Review. 1998. 1(21). Pp. 3-19.
- 405.Kluckhohn C. Values and value orientations in the theory of action// Toward a General Theory of Action. Cambridge, 1951.
- 406.Krappman L. Sociologische Dimensionen der Identitat. Stuttgart. 1969.
- 407.Kuhn M. N. Self-attitudes by age, sex and professional training // Sociological Quarterly. 1960. 9. Pp. 39-55.
- 408.Kuhn M.N., McPartland T. S. An empirical investigation of self-attitudes // Sociological Review. 1954. 19. Pp. 68-76.
- 409.Kwiatkowska A. Tozsamosc a spoleczne kategoryzacje. Warszawa, 1999.
- 410.Lasch C. The Minimal Self. London, 1985.
- 411.Lewin K., Dynamic Theory of Personality. NY, 1935.

- 412.Litson, J. The Placido affect // The Australian Magazine: Supplement to The Weekend Australian. 1990. 25-26 August.
- 413.Lorenzi-Cioldi F., Doise W. Levels of analysis and social identity // Social Identity Theory. Great Britain, 1990. Pp.71-88.
- 414.Maier R. Negotiation and identity // Negotiation and Power in Dialogic Interaction. Fmsterdam/Philadelphia, 2001. Pp. 225- 237.
- 415.Marcia J.E. Identity in adolescence // Handbook of adolescent psychology. NY., 1980.
- 416.Marcia J.E., Friedman M. L. Ego identity status in college women // Journal Person. 1970. Vol.38. 2. Pp. 249-268.
- 417.Markus H. Self-schemas and processing information about the self // Journal of Personality and Social Psychology. 1977. 35. Pp.63-78.
- 418.Markus H., Kitayama S. Culture and the self: implications for cognition, emotion and motivation // Psychological Review. 1991. Vol. 98 (2). Pp. 224-253.
- 419.Markus H., Nurius P. Possible selves // American Psychologist. 1986. Vol. 41. Pp. 954-969.
- 420.Markus H., Wurf E. The dynamic self-concept: A social psychological perspective // Annual Review of Psychology. 1987. 38. Pp. 299-337.
- 421.Maslow A. Motivation and Personality. N.Y., 1954.
- 422.Matteson D.R. Adolescence today. Sex, roles and the search for identity. Homewood (III). 1975.
- 423.McCall G., Simmons J. Identities and Interactions. NY, 1978.
- 424.McDougall W. The group mind. London, 1921.
- 425.McGarty C., Penny R. Categorization, accentuation and social judgement // British Journal of Social Psychology. 1988. 27. 147-157.

- 426.McGarty C., Turner J.C., Hogg M. A., David B., Wetherell M. S. Group polarization as conformity to the prototypical group member // *British Journal of Social Psychology*. 1992. 31. Pp. 1-20.
- 427.McGuire W.J., McGuire C.V. The spontaneous self-concept as affected by personal distinctiveness./ *Self-concept: Advances in Theory and Research*. NY., 1981. Chap. 11.
- 428.Mead G.H. *Mind, self and Society*. Chicago, 1934.
- 429.Mead G.H. *The philosophy of the act*. Chicago, 1950.
- 430.Mead G.H. *The social psychology*. Chicago, 1956.
- 431.Moscovici S. Notes towards a description of Social Representation // *European Journal of Social Psychology*. 1988. Vol.18. Pp.211 –250.
- 432.Moscovici S. *The Phenomenon of Social Representations* // *Social Representations*. Cambridge - Paris, 1984.
- 433.Moya M. *Social Identity and Interpersonal Relationship / Social Identity (International Perspectives)* London- New Delhi, 1998. Pp. 154-210.
- 434.*Notions of Nationalism* / S. Perival. Budapest: Central European Univ. Press, 1995.
- 435.Oakes P.J. *The salience of social categories / Rediscovering the Social Group: A Self-Categorization Theory*. Oxford, 1987. Pp. 117-141.
- 436.Oakes P.J., Haslam S.A., Turner J.C. *Stereotyping and social reality*. Oxford, 1994.
- 437.Oyserman D., Markus H.R. *The social self / Psychological perspectives on the self*. NY., 1993. Pp. 187-213.
- 438.Paez D., Martinez-Taboada C., Arrospide J.J., Insua P., Aystaran S. *Constructing Social Identity: the Role of Status, Collective Values, Collective Self-Esteem, Perception and Social behavior* // *Social Identity: International Perspectives* (ed. J-C Deschamps, S. Worchel, F. Morales, D. Paez). London, 1998.

- 439.Park R.E. Society // Glencoe. 1955. Pp. 13-21.
- 440.Perdue C.W., Dovidio J.F., Gurtman M.B., and Tyler R.B. Us and them: Social categorization and the process of intergroup bias // Journal of Personality and Social Psychology. 1990. 59. Pp. 475-486.
- 441.Reich W.A. Identity Structure, Narrative Account, and Commitment to a Volunteer Role // The Journal of Psychology. 1998. 138 (1). Pp. 422 –431.
- 442.Roccas S., Brewer M. Social Identity Complexity // Personality and Social Psychology Review. 2002. Vol.6. No. 2. Pp. 88-106.
- 443.Rodriguez-Tome H. Le moi et l'autre dans la conscience de l'adolescent. Neuchatel. Paris, 1972.
- 444.Rubinstein R. Basic Human Needs Theory: Beyond Natural Law // Conflict: Human Theory needs Theory / Ed. By Y.W. Burton. N.Y., 1990.
- 445.Runciman W.G. Relative deprivation and social justice. Berkeley. CA, 1966.
- 446.Salazar J.M., Social identity and national identity / Social Identity: International Perspectives. London, 1998.
- 447.Sarbin T., Worldmaking, Self and Identity // Culture and Psychology. 2000. 6(2). Pp. 253-258.
- 448.Scheibe K.E. Self studies. Westport. CT, 1995.
- 449.Second P.F. Stereotyping and favorableness in the perception of Negro faces. // Journal of abnormal and Social Psychology. 1959. 59. Pp. 309- 315.
- 450.Self and Identity. Psychological Perspectives (ed. K. Yardley). NY, 1987.
- 451.Serino C. The Personal-Social Interplay: Social-Cognitive Prospects on the Identity and Self-Others Comparison / Social Identity (International Perspectives) London-New Delhi, 1998. Pp. 24 – 44.
- 452.Shaw M.E. Group dynamic: The psychology of small group behavior. NY, 1971.
- 453.Sherif C.W., Sherif M., Nebergall R.E. Attitude and attitude change: The social judgment – involvement approach. Philadelphia, 1965.

- 454.Sherif M, In common predicament: Social psychology of intergroup conflict and cooperation. Boston, 1966.
- 455.Sherif M., Sherif C.W., An outline of social psychology (rev. edn.). NY, 1956.
- 456.Sherif M., Harvey O.J., White B.J., Hood W., Sherif C. Intergroup conflict and cooperation: The Robbers cave experiment. Norman, OK: University of Oklahoma Institute of Intergroup Relations, 1961.
- 457.Simpson G.E., Yinger J.M. Racial and cultural minorities: An analysis of prejudice and discrimination. NY, 1985.
- 458.Smith M.B. Social situation, social behavior, social group // Psychological Review. 1945. 52. Pp. 224-229.
- 459.Social Identity Theory: Constructive and critical Advances (ed. D. Abrams and M. Hogg). NY- London, 1990.
- 460.Social Identity: Context, Commitment, Content (ed. N. Ellemers, R. Spears, B. Doosje). NY- Amsterdam, 1999.
- 461.Social Identity: International Perspectives (ed. J-C Deschamps, S. Worchel, F. Morales, D. Paez). London, 1998.
- 462.Social Psychology of Identity and the self Concept. London -Toronto, 1992.
- 463.Sprott W.J.H. Human Groups. Harmondsworth, 1958.
- 464.Stephenson G.M. Intergroup bargaining and negotiation / Intergroup behavior. Oxford, 1981. Pp. 168-198.
- 465.Stouffer S.A., Suchman E.A., De Vinney L.C., Star S.A., Williams R.M. The American soldier: Adjustment during army life. Vol. 1. New Jersey, 1949.
- 466.Stryker S, Identity salience and role performance // Journal of Marriage and the Family. 1968. 30. Pp. 558-564.
- 467.Stryker S, Symbolic Interactionism: A Social Structural Version. Menlo Park. CA, 1980.
- 468.Stryker S. Identity theory: Developments and extensions / Self and Identity. NY, 1986. Pp. 89-104.

- 469.Stryker S., Gottlieb A. Attribution theory and symbolic interactionism: A comparison / New Directions in Attribution Research. New Jersey, 1981. Vol. 3. Pp. 425-458.
- 470.Stryker S., Serpe R.T. Commitment, identity salience, and role behavior: theory and research example. / Personality, Roles, and Social Behavior. NY, 1982. Pp. 199-218.
- 471.Stryker S., Statham E.A., Symbolic interaction and role theory / Handbook of Social Psychology. NY, 1985. Vol. 1. Pp. 311- 378.
- 472.Svenson O. Are we all less risky and more skillful than our fellow drivers? Acta Psychologica. 1981. 47. Pp. 143 – 8.
- 473.Swann W.B. Self-verification process: How we sustain our self- conceptions // Journal of Experimental Social Psychology. 1981. 17. 351-370.
- 474.Swann W.B. To be adored or to be known: the interplay of self-enhancement and self-verification / Handbook of Motivation and Cognition. NY, 1990.
- 475.Szhkudlarek T. Educacja i tozsamosc (Education and Identity) // Pamiec, Miejsce, Obecosc (Memory, Locality, Presence). Lublin, 1997.
- 476.Tajfel H. (Ed.) Differentiation between social groups: Studies in the social psychology of intergroup relations. London, 1978.
- 477.Tajfel H. Cognitive aspects of prejudice. // Journal of Social Issues. 1969. 25. Pp. 79 –97.
- 478.Tajfel H. Experiment in intergroup discrimination // Scientific American. 1970. 233. Pp. 96 – 102.
- 479.Tajfel H. Experiments in vacuum / The Context of Social Psychology: A Critical Assessment. London, 1972a.
- 480.Tajfel H. Some developments in European social psychology // European Journal of Social Psychology. 1972b. 2. Pp. 307- 321.
- 481.Tajfel H. Social identity and intergroup behavior // Social Science Information. 1974. 13. Pp. 65-93.

482. Tajfel H. Human groups and social categories. Cambridge, 1981a.
483. Tajfel H. Social stereotypes and social groups // Intergroup Behavior. Oxford, 1981b.
484. Tajfel H. The structure of our views about social groups: Studies in the social psychology of intergroup relations. London, 1978.
485. Tajfel H. Individuals and groups in social psychology // British Journal of Social and Clinical Psychology. 1979. 18. Pp. 183-190.
486. Tajfel H. Social identity and intergroup relations. Cambridge and Paris, 1982.
487. Tajfel H., Billings M.G., Bundy R.P., Flament C. Social categorization and intergroup behavior // European Journal of Social Psychology. 1971. 1. Pp. 149-178.
488. Tajfel H., Jaspars J.M.F., Fraser C. The social dimension in European social psychology / The Social Dimension: European Development in Social Psychology. Cambridge, 1984.
489. Tajfel H., Sheikh A.A., Gardner R.C. Content of stereotypes and the inference of similarity between members of stereotyped groups. // Acta Psychologica. 1964. 22. Pp. 191-201.
490. Tajfel H., Turner J.C. The social identity theory of intergroup behavior // Psychology of Intergroup Relations. Chicago, 1986. Pp. 7-24.
491. Tajfel H., Turner J.C. Value and the perception judgment of magnitude. // Psychological Review. 1957. 64. Pp. 192-204.
492. Tajfel H., Turner J.C. Classification and quantitative judgement // British Journal of Psychology. 1963. 54. Pp. 101-114.
493. Taylor D.M., Brown R.J. Towards a more social psychology // British Journal of Social and Clinical Psychology. 1979. 18. Pp. 173-180.
494. Taylor S.E., Peplau L.A., Sears D.O. Social psychology (8th edn.) Englewood Cliffs. New Jersey, 1994.

- 495.Tesser A. Some effects of self- evaluation maintenance on cognition and action. / Handbook of Motivation and Cognition: Foundations of Social Behavior. NY., 1986. Pp. 435- 464.
- 496.Tesser A. Toward a self- evaluation maintenance model of social behavior / Advances in experimental Social Psychology. NY, 1988. Vol. 21. Pp. 181-227.
- 497.Triandis H.C. Culture and Social Behavior. NY, 1994.
- 498.Triandis H.C. et al. Individualism and collectivism: cross-cultural perspectives on self-in-group relationship // Journal of Personality and Social Psychology. 1988. 54. Pp. 323-38.
- 499.Turner J.C. A self-categorization theory // Rediscovering the Social Group: A Self- Categorization theory. Oxford, 1987. Pp. 42-67.
- 500.Turner J.C. Towards a cognitive redefinition of the social group / in H. Tajfel (ed.) Social Identity and Intergroup Relations. Cambridge, 1982.
- 501.Turner J.C. Social categorization and the self concept: a social-cognitive theory of group behavior / in E.J. Lawler (ed.) Advances in Group: Studies in the Social Psychology of Intergroup Relations. London, 1985.
- 502.Turner J.C. Henri Tajfel: An introduction / Social Groups and Identities: Developing the Legacy of Henry Tajfel (to the memory of Henry Tajfel). Oxford, 1996. Pp. 1-25.
- 503.Turner J.C., Hogg M.A., Oakes P.J., Reicher S.D., Wetherell M. Rediscovering the Social Group: A Self-Categorization Theory. Oxford, 1987.
- 504.Turner J.C., Oakes P.J. Self-categorization theory and social influence / Psychology of group influence. Hillsdale. New Jersey, 1989. Pp. 233-275.
- 505.Turner J.C., Onorato R.S. Social Identity, Personality and the Self-Concept: A self-Categorization Perspective // The Psychology of the Social Self. Hillsdale (NJ), 1999. P.11-46.
- 506.Tversky A., Kahneman D. Availability: A heuristic for judging frequency and probability // Cognitive Psychology. 1973. 5. Pp. 207-232.

507. Van Parreren C.F. Ontwikkeland Onderwijs. Leuven – Amersfoort, 1988
508. Vanbeselaere N., The effect of dichotomous and crossed social categorizations upon intergroup discrimination // European Journal of Social Psychology. 1987. 17. Pp. 143-156.
509. Waterman A. (ed.) Identity in Adolescence: Processes and Contents. San-Francisco, 1985.
510. Waterman A.S. Identity development from adolescence to adulthood: An extension of theory and a review // Developmental Psychology. 1982. Vol. 18. 3. Pp. 341-358.
511. Wheeler L. A brief history of social comparison theory / Social comparison: Contemporary theory and research. Hillsdale, 1991. Pp. 3-21.
512. Wilpert C. Ethnic and Cultural Identity: Ethnicity and the Second Generation in the Context of European Migration / new Identities in Europe. Aldershot. UK, 1989. Pp. 6-24.
513. Yardley K. What do you mean „Who am I?": Exploring the Implications of a Self- Concept Measurement with Subjects / Self and Identity. Psychological Perspectives. Chichester, 1987. Pp. 211 - 231.
514. Zavalloni M., Cognitive process and social identity through introspection // European Journal of Social Psychology. 1971. 1. Pp. 235-260.
515. Zurcher, L. The mutable self: A self concept for social change. Beverly Hills, 1977.

